

Революцией сломанные
судьбы

12+

Чебанова Дарья

Дарья Сергеевна Чебанова

Революцией сломанные судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41179124

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта история не про героя революции. Александра, а именно такое имя гордо носит одна из главных героев книги этой, не была столь особенной. Она не спасла страну от трагедии и не вылечила миллионы людей от ранений и страшных болезней. Она не подняла массы на борьбу с «царизмом», частичкой которого она и сама являлась. Но не делает это героиню мою бесполезной и обычной, но не умаляет всё перечисленное её прелести и гордой стати.

Содержание

Часть первая.

Глава первая.

Золотая осень 1894 года повеяла необычайными переменами для всего российского общества. На рубеже XIX и XX веков власть в Российской империи всё ещё принадлежала монархам, самодержавным и ничем не ограниченным. Но об этом ли беспокоиться людям знатным и именитым? Новый Романов – новый повод выслужиться, добиваясь своей цели. Однако для князя Владимира Львовича Маслова это не имело никакого значения. Этот молодой перспективный политик являлся другом детства Николая II Александровича и хорошо знал, кто продержится при дворе и при каких условиях, и, будучи смекалистым и талантливым стратегом, легко продвигался по карьерной лестнице, к 1907 году став одним из членов Совета Министров.

К тому моменту у Владимира Львовича было пятеро детей. Дочери: Наталья, Елена, Ольга и Александра, и четырёхгодовалый сын Андрей. Ребятишки были очаровательными, прелестными, все как на подбор. Девочки тоненькие, изящные, а Андрей, хоть и совсем маленький, но уже довольно смекалистый мальчик. Детям с самых ранних лет давалось лучшее образование и воспитание. Все они были любимы родителями и высшим светом, а вскоре и всей императорской семьёй. Главной любимицей светского общества ста-

ла семилетняя Александра. Девочка была хорошенькая, одарённая, до жути похожая на свою мать: прямые светлые волосы мягко обрамляли нежное детское личико, алые пухлые губы всегда блестели, а голос, исходивший из её маленькой грудки, когда-нибудь смог бы сравниться с голосами лучших оперных певиц того времени. Под стать своей матери, она гордо несла свою красоту и благородство, и только чёрные, как ночь, озорные глаза её и хитрая улыбка открывали в Александре масловскую прыть и упрямство.

Всё свободное от государственных дел время Владимир Львович старался проводить с семьёй, что не всегда у него получалось, и так как Ольга Николаевна являлась статс-дамой при дворе императрицы Александры Феодоровны, а сам князь Маслов был бесконечно приближен к императору, то свой досуг Масловы проводили с Романовыми, что, честно сказать, сыграло огромную роль в их дальнейших судьбах. Под фамилией «Романовы» имеется в виду, конечно, не только семья Николая II, но и дети его братьев и сестёр. Так, например, в замке жил и воспитывался до 1912 года Дмитрий Павлович, а самым частым гостем дворца являлся его брат Владимир, который приходился кузеном Великому императору. Этот блестящий одиннадцатилетний юноша подавал большие надежды в учёбе, однако никогда не пренебрегал проведением послеобеденного времени в непринужденной дружественной обстановке. Надо сказать, что среди императорских детей Александра так же пользовалась призна-

нием, несмотря на то, что не имела чистой княжеской крови: мать её не являлась потомком князей. Дело в том, что, когда взрослые уходили, она мигом скидывала образ кроткой чопорной девы и зачинала весёлые военные и стратегические игры, в которых преимущественно избирала мужское общество. Гены отца весьма действенно помогали ей в этих развлечениях, где умело строя планы, она часто приводила свою команду к победе. А когда приходил кто-нибудь из учителей или людей взрослых, она вновь завязывала философскую или светскую беседу, или же садилась за рояль, или начинала петь. Кстати говоря, детям Владимира Львовича находилось место во дворце также потому, что дети Николая Александровича Романова были ровесниками им.

Время, бегущее неумолимо, меняло каждого в семье Масловых. Старшая – Наталья, к 1912 году, будучи в возрасте двадцати одного года, уже вышла замуж за богатого казанского офицера и, видимо, навсегда покинула светлый родительский дом.

Елена, в возрасте девятнадцати лет, была совершенно оформившейся, широкогрудой, белокожей, румяной дамой, манерной и притворно-наивной, в чём ей помогали большие голубые глаза и кудрявые белые волосы. Несмотря на всю её наигранную идеальность, к ней, почему-то, никто не жаждал свататься, и потому, не желая оставаться в тени, она вскоре стала фрейлиной при императрице и отправилась в специальный пансионат.

В доме оставалось только трое детей: Ольга, Александра и Андрей, которому было уже девять лет, и который ежечасно просился с отцом на работу или к императору на приём, или хоть куда, лишь бы не оставаться в обществе сестёр, которых он в тайне всем сердцем обожал.

Ольга была хороша для своих семнадцати лет, даже очень. Каштановые волосы локонами обрамляли прелестное чело её, с прямым маленьким носом, зелёными миндалевидными глазами, тонким, но фигурным ртом и ровными круглыми щеками. Княжна являлась обладательницей красивой фигуры: широкая грудь, тонкая талия и длинные полные ноги. Но было что-то в её характере набожное и чересчур нежное, что отталкивало от неё молодых людей её возраста, и потому сватались к ней, в основном, мужчины опытные и довольно старые для Ольги. Однако её это не смущало, и она дала своё согласие на брак князю К. и тщательно готовилась к приближающейся свадьбе.

Свободной и неотягощенной семейными делами из сестер оставалась лишь двенадцатилетняя Александра, которая расцветала, словно цветок весной, стремительно становясь девушкой, но будто вовсе этого не замечая. Однако нельзя не сказать о том, что в двенадцать лет Александрой не интересовались молодые люди, первым, в списке которых, значился князь Владимир, сватавшийся к юной Масловой уже два раза, и предложения которого Александра категорически не принимала, считая, что она ещё слишком моло-

да даже для мыслей о замужестве. Несмотря на свои отказы, Александра продолжала много и нежно общаться с молодым князем, с каждым днём всё глубже и крепче влюбляясь в него.

Глава вторая.

– Папа, Вы где? Папа! – звала Владимира Львовича Ольга, разыскивая его по комнатам поместья, – А, Папа, вот Вы где! Ах, папенька, отчего Вы так грустны? – спросила девушка, обнаружив своего отца сидящим за письменным столом, нахмурившись и тяжело опустив голову на кулак правой руки. Князь Маслов что-то медленно писал, постоянно останавливаясь, зачёркивая и переписывая отдельные фрагменты текста.

– Ох, Оля, ты? – князь, улыбнувшись, поднял голову и посмотрел ласково на дочку, однако Ольга не изменяла любопытного взгляда своего. – Светик, отчего ж ты думаешь, что грустен я?

– Я не думаю, папа, я ведь знаю, – улыбнулась печально Ольга, подходя ближе к отцовскому столу. – По лицу Вашему видно, да и по голосу узнала я, что Вы печальны. – Ольга присела напротив отца и взглянула в его широкие, чёрные глаза, действительно томящиеся тоской.

– Да, верно говорят люди: ты крайне проницательна, – проговорил Владимир Львович, встал из-за стола, перевернув незаметно какие-то бумаги, и, позвав Ольгу за собой,

сел на маленький высокий, бархатный диванчик. – Права ты, свет мой, я действительно обеспокоен в связи с обострённой обстановкой в государстве нашем, беспокоюсь за Николая Александровича, потому как, боюсь я, грозит ему опасность в лице революции.

Ольга опустила встревоженные глаза и прижалась к отцу.

– Я не понимаю, папа. Ведь подавили же однажды революцию, значит она и не должна страшить больше, не так ли, папа?

– Да-а, – вздохнул Владимир Львович, и на лбу его появилась длинная, глубокая морщина, – Подавить её, конечно, подавили, Оля, да только сердце революции медленно и тихо бьётся ещё в глубине, и в один момент эта народная стихия может проснуться, и тогда, боюсь... – князь Владимир ещё раз глубоко вздохнул, и мысли разом набежали в его голову, отчего он ещё мрачнее стал и замер, глаза устремив на его старый, маслом писанный портрет. Однако Ольга так тесно прижалась к нему, что Владимир Львович отогнал мысли, им овладевшие, и повернул к дочери своё доброе, красивое лицо.

Долго сидели они так, уже молча, Ольга, прислушиваясь к мерному дыханию отца, а князь Владимир, глядя задумчиво на дочь, рассуждая о том, как эфемерна жизнь человеческая и как при этом прекрасна.

Однако Ольга была отнюдь не единственным ребёнком, который слышал пламенную речь отца о революции. В тот

драматический момент старухи-мойры подтолкнули юную Александру пройти мимо отцовского кабинета. Так девочка впервые узнала чувство тревоги, которое теперь не покидало её и на секунду. Александра понимала, что отец её прав, и отдалённо предчувствовала, что революции и перемен не избежать. Княжна видела, как вся сжалась от беспокойства и смятения её сестра Ольга, и ощущала, как её собственное сердце ускоряет свой беспрестанный бег. Притаившись в одиночестве, Александра долго не могла пошевелиться, но вдруг раздался звонкий и радостный крик Андрея:

–Ольга, Саша, ну где вы ходите?! Карета уж давно готова! Едем в Царское Село!

Любимое детьми и взрослыми, вечно нарядное Царское Село всегда манило к себе Александру, ведь именно там произошли все важные события её жизни. Там она познакомилась с детьми Романовых, ставшими её близкими друзьями, там она впервые увидела Владимира и впервые полюбила его.

– Царское Село! – громко, забыв, о том, что она затаилась у дверей отцовского кабинета, вскрикнула Александра, – Едем, скорее едем! Оленька, душенька, собирайся, – она вбежала в комнату отца, нарушив трепетную тишину, и ухватила Ольгу за её тонкие белые ручки, – Оленька, ну что ты сидишь?

– Я не поеду, Алекс, сейчас не могу, – произнесла печально Ольга, отодвигаясь от Владимира Львовича, – сегодня

приедет мой Сергей Петрович. Я должна оставаться дома.

– Но разве не может твой князь К. приехать в другой день? У вас ведь, взгляни – целая жизнь впереди. А для нас, голубчик, для нас это, быть может, последняя поездка в Царское Село вместе. Папа, – Александра посмотрела в задумчивое лицо князя Владимира, звонким голосом своим будто выдергивая его из загадочного внутреннего мира, – Папа, ну скажи ей!

– Александра, – протянул князь, поднимаясь с дивана, – Ольга уже взрослая девушка, у неё свои заботы и своя голова на плечах. Так что, пойдём, моя вишенка, – он подхватил игриво худенькую Алекс на руки и вышел, подсакивая, из комнаты, – не будем отягощать её досуг своим присутствием, – Владимир Львович поставил Алекс на пол и рассмеялся, глядя на её насупленное лицо, да так искренне, что и Александра не могла не поддаться этой волне радости и расхохоталась вместе с ним.

Глава третья.

Ах, Царское Село, что за райский уголок? Всё прелестно там, хороша туда и дорога. Добираясь из поместья своего, семья Масловых, в составе всего лишь трёх человек, громко смеялась: просторно им было в карете, свободно и легко было и их душам. Вот уж началась зима, а там святки, Рождество и огромные каникулы, которые можно провести вместе с Романовыми.

– После Рождественских праздников мы с Николаем Александровичем отправляемся в Англию к королю Георгу V. Это, дети мои, между прочим, один из величайших правителей нашего времени, а ещё он так похож на нашего Николая. Право, на фотографии не отличишь неумелым взором, – князь озорно взглянул на детей, подмигнул Александре и хотел было продолжить, но Андрей оказался первым.

– Отец, а вы там будете о военной стратегии говорить? Николай Александрович сказал нам с Алексеем, что, когда мы подрастём, он нас вместе в Преображенский полк определит. Я так жду этого момента! Сил уж ждать нет! Ни сил, ни терпения.

Завязался разговор на военную тему, в котором Александра принимала непосредственное участие. Княжна вообще много времени проводила с мальчиками и интересовалась некоторыми темами, которые не обсуждаются в чисто женском обществе. Ну, а если уж быть до конца откровенными, сам отец привил девочке тягу к военному делу. Александра с самого раннего детства ездила верхом на коне, умела держать саблю, а когда Алекс исполнилось пять лет, Николай II подарил ей первый в её жизни револьвер, резной и великолепно отделанный, однако ни мать девочки, ни императрица подарок не оценили, и просили мужчин впредь таких презентов не делать. На том, впрочем, и сговорились.

– Подъезжаем! – низким скрипучим голосом проворчал кучер и натянул поводья на себя.

Действительно подъезжали. Вот набежали дворовые встретить дорогих гостей, ещё мгновение и Масловы оказались глубоко внутри дворца, где их, невозмутимо сидя за круглым столиком у углового камина белой гостиной под любопытными взглядами Амура с расписного фриза, ожидали княжны Романовы. Первой с диванов поднялась Ольга, прищуриив благодушно всегда спокойные свои синие глаза.

– Алекс! Андрюша! Наконец-то! Как мы рады вашему приезду! – она легко подбежала к гостям и слегка обняла их. В мягком свете установленного на маленьком высоком столике бронзового канделябра русые волнистые волосы княжны отливали тёплой рыжиной, – но где же Ольга? – любопытно и несколько встревожено спросила она.

– К Ольге приезжает сегодня её князь! – с притворной важностью проговорила Александра, – Так что Ольге Владимировне не до нас! Никак не может поверить, что совсем скоро она княгиней станет.

– Ох, я так рада за неё, право, так рада! – звонко прощепетала Ольга Романова, – Ну что же вы стоите, друзья мои, проходите, садитесь, садитесь!

Однако Андрей, любезно откланявшись, покинул женское общество, дабы найти Алексея и вместе с ним отправиться искать отцов своих. Девушки же продолжали чаепитие, поглядывая на искусно написанный портрет Марии Фёдоровны, строго смотревшей на внучек, разговаривая, тихо, но счастливо смеясь.

– Девочки, вы слышали? Говорят, что Татьяна наша Константиновна замуж вышла, а рассказывать об этом никому не хочет! – вещала всё всегда знающая тетка её Татьяна, перебирая тонкими бледными пальцами жемчужное ожерелье, белой нитью окружившее длинную шею её.

– Да не может быть! – вскрикнула маленькая Анастасия, зажав ладошками пухлые щёки, – Если выходишь замуж, как не похвастаться?! – девушки хором рассмеялись, глядя на озадаченное лицо маленькой княжны.

– Глупости, Анастасия, – звонко и как-то по-взрослому выпалила Алекс, – если любишь кого-нибудь по-настоящему, никогда никому не расскажешь об этом, чтобы никто твоего счастья не разрушил, – смех в зале послышался ещё громче, а Ольга, сидящая рядом с Александрой, подмигнула ей и хитро улыбнулась.

– Кстати, – протянула Ольга, скрывая кокетливо ряд белоснежных зубов, – завтра приезжает наш любимый Владимир Павлович, кроме того придут и Константин Константинович с Олегом. У них, по-моему, есть какие-то серьёзные новости для нас, дамы, – проговорила Ольга, загадочно опуская обрамлённые густыми ресницами глаза.

– И мы спросим про женитьбу Татьяны Константиновны?! – обрадовано воскликнула Анастасия, подпрыгивая на высокой подушке дивана.

– И мы спросим про женитьбу Татьяны Константиновны, – подтвердила старшая княжна и оглядела внимательно

столик, – Ещё чая!

Ближе к вечеру стали расходиться по своим делам: одиннадцатилетняя Анастасия и старшая её на два года Мари отправились на урок географии со своими гувернерами; Татьяна отправилась к матери в сад; в комнате остались только Александра, которой никуда не хотелось уходить из светлой и тёплой гостиной, и Ольга, ожидающая будто чего-то. Девушки долго молчали, заглядываясь на обтянутые белым штофом шторы, живописный мифический фриз. Первой прервать тишину решилась княжна Романова:

– Как же это замечательно! Ты и наш Владимир! Вы столь прелестная пара!

Александра, казалось, смутилась и долго не решалась оторвать от натёртого до блеска паркета глаз. Никто не знал про чувства Александры, кроме, конечно, её сестры Ольги, от которой у Алекс не могло быть секретов. А Владимир... он бы никому не сказал. После нескольких минут сомнений Александра всё-таки перевела взгляд на Ольгу.

– Как ты...?

– Да как же не понять?! Вы так нежно и проникновенно смотрите друг на друга, так легко и страстно танцуете. Когда ты, голубушка, поёшь, Владимир смотрит лишь на тебя. Они ведь совсем одинаковые с моим Митенькой, тот себя точно так же вёл, когда... – Ольга осеклась на мгновение и прерывисто вздохнула, – Сначала... сначала я думала, что он один в тебя влюблён, но сегодня поняла, что и ты к нему питаешь

некоторые романтические чувства, – весело заключила Ольга, но, посмотрев на растерянную покрасневшую Алекс, добавила, – но я никому не скажу. Обещаю.

На сей проникновенной ноте, девушки были прерваны гувернанткой молодых князей, которая «весь день не могла отыскать» мальчиков. Александра хитро взглянула на Ольгу, говоря тем самым, мол, «найдем наших братьев нам на развлечение, на радость учителям», а Ольга без слов кивнула и поднялась с диванов. Где же теперь скрывались Андрей Маслов и Алексей Романов? Кому же знать, если не их сестрам.

Молодые князья – главные озорники Царского Села, с того момента, как им едва ли исполнилось четыре. Как ни странно, но мальчики очень ладили, хоть и были совсем разными по внешности и характеру своему. Алексей, восьмилетний, спокойный, тихий, но хитрый и своенравный мальчишка, был светленький, голубоглазый, простое лицо его в точности напоминало лицо отца. Андрей же был шустрый и ловкий, словно кошка, дисциплинированный и смелый юноша. Хоть ему было только девять лет, выглядел он гораздо старше. Чёрные волосы его, смугловатая кожа казались несовместимыми с нежными и огромными голубыми глазами. Андрей тоже был похож на своего отца, но если человек не знал, что за дети перед ним, то мог бы сказать, что юноши эти являются братьями и был бы практически прав. Мальчики обожали друг друга, и увлечение у них было одно: рос-

сийская армия и всё, что связано с нею. Несмотря на активность обоих детей, из-за болезни цесаревича они часто играли в шахматы или просто строили планы и стратегии для разных игр или выдуманных сражений.

Прекрасно зная своих младших братьев, княжны смогли найти их сидящими тихо и «незаметно» в кабинете Николая Александровича под столом, покрытым длинной тёмно-зелёной скатертью, рядом с ногами своих отцов. Мужчины, улыбаясь, делали вид, что они не замечают присутствия детей, но всем и каждому было понятно, что это не так. Зайдя в кабинет и сделав неглубокий поклон, девушки подошли к взрослым. Николай похвалил Александру, сказав, что за время, пока они не виделись, она весьма похорошела. Князь Владимир похвалил, в свою очередь, Ольгу, и мужчины вновь вернулись к своим делам.

– Папенька, – притворно проговорила Ольга, заглядывая в огромное по своим размерам зеркало, – Вы случайно не видели здесь тандем «АА» (так иногда в шутку называли Алексея и Андрея)? – Император отрицательно покачал головой, широко улыбаясь, погладил дрожащую от беззвучного смеха мальчиков ткань стола, – Жаль, очень жаль, – продолжила Ольга, – просто Анюша с кухни прибежала и сообщила, что сладкого дефицит нынче. Не получают, видимо, братья наши ничего. До свидания, папенька! – звонко, едва сдерживая улыбку, сказала она. Девушки вновь сделали реверанс и вышли, ожидая скорого появления младших братьев.

Так оно и получилось. Минуты через две, крадучись бесшумно, из двери кабинета выскочили сначала Андрей, а за ним Алексей и, оборачиваясь беспокойно по сторонам, направились в сторону столовой.

—Ага! ¹— крикнула непонятно откуда взявшаяся высокая и худощавая фрау Фирш, главная среди всех гувернёров и ответственная за воспитание цесаревича, — попались! А ну-ка, пыхстро на урок!

Но дети уже убегали оттуда, и девушки, беспрестанно смеясь, тоже помчались за ними.

Что за веселье! Что за красота!

Глава четвертая.

Утром следующего дня первой проснулась Александра. Она спала в одной комнате с великими княжнами и, не желая разбудить их, она легко спрыгнула с кровати и бесшумно прокралась к выходу. Было только пять утра, и на улице ещё не расцвело.

Выйдя в просторную, светлую игральню, смежную со спальней княжон, Александра ахнула, подойдя к окну: весь двор, все деревья, все дома, всё было в снегу, белом и пушистом, всё ещё медленно и игриво кружащемся в заиндевелем воздухе. Сердце Александры забилося чаще, она вдруг беззвучно засмеялась, закружилась вихрем по комнате и прыгнула легко на софу. Как она была счастлива, молода и пре-

¹ Ага (нем.)

красна. Как жизнь её была безмятежна и легка. Любовь и спокойствие переполняли душу княжны, и, сжавшись в клубочек на диване, она заснула тихим и глубоким сном.

Звонкий смех тандема «АА» вскоре вновь разбудил Александру. В комнату с растрёпанными волосами вбежали Алексей и Андрей.

– Проснись, Алекс, проснись, – прошептал ей на ухо цесаревич, – посмотри! Там снег! Пойдём на улицу! Идём, идём скорее!

Мальчики бегали вокруг сонной Алекс, пока та не встала, а после, смеясь и спотыкаясь в полумраке, не вышла за князьями прочь из игровой комнаты.

В Царском Селе Алексей чувствовал себя полноправным хозяином, особенно, когда рядом не было его отца, а будучи упрямым и невероятно любознательным, цесаревич исследовал все потайные выходы из дворца, одним из которых теперь воспользовались дети, прокрадываясь тихо во двор. В сенях они увидели большие мужские валенки и тулупы и, кое-как облачившись в них, выскочили на свободу незамеченными. Ближайшие полчаса они бегали по двору, играли в снежки, успели даже начать строительство снежной бабы, когда вдруг услышали вдали дорожный колокольчик.

– Все в укрытие! В снежное укрытие! – закричал Андрей, и все побежали в снежную крепость. Теперь, не видимые для всех, они стояли, глядя на дорогу, высматривая, кто же едет там.

Едут дрожки, приближаются. И что это там? Неужели фамильный герб семьи Романовых? Да, это он, точно он. Как же его не узнать?! Сердце Александры безумно сжалось. «Это Владимир, он уже так близко, так скоро!» – подумала княжна в восхищении.

– Ребята, это Романовы едут, – прошептала она тандему и, взглянув на Алексея, добавила, – вы же не хотите, чтобы дядя Константин увидел вас раздетыми на улице? Он ведь всё мадам Фирш расскажет, – глаза мальчиков расширились от волнения, говоря, как бы: «Что, мол, делать теперь?», – но... вы знаете, я могу вас прикрыть. Я отвлеку их, а вы бегите назад в дом. Хорошо?

Мальчики кивнули в ответ, скрепили договор рукопожатием с Алекс и побежали в тепло, а Александра побежала навстречу к повозке, шаркая слишком большими для неё валенками и выпрыгивая из огромного мужского тулупа. Александра была странной девочкой для своего времени: она была открытая и смелая в поступках и решениях, к тому же она никогда не боялась показаться в старой, потрёпанной одежде людям или быть смешной. Так вот, она бежала к дрожкам, лепя руками снежок, и подбежав на доступное расстояние, кинула комком снега в повозку, попав в корпус, и закричала:

– Добро пожаловать в зиму! Добро пожаловать в Царское Село!

С экипажа в это время спрыгнуло двое юношей и побежало навстречу Александре. Поприветствовав друг друга, по-

дарив друг другу достаточно объятий, молодые люди вместе отправились в манящую ласку дворца. Добравшись до тепла, Алекс мигом попала в руки Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, которые тут же рассмотрели девушку со всех сторон, дав пару комментариев насчет изменений в её внешности:

– Ну, Александра, конечно, молодец. Так вытянулась с нашего последнего визита, похорошела, а всё такой же затейницей осталась. Где мальчики прячутся? Ни в жизнь не поверю, чтобы ты без них гуляла, – проговорил Константин Константинович, глядя на Алекс весёлыми светлыми глазами.

– Вы проникновенны, Константин Константинович, ровно, как и всегда, – начала свою речь Александра, – А Вы, Елизавета Маврикиевна, как Вы прелестны! И платье новое у Вас, – княгиня и князь засмеялись, обмениваясь умилёнными взглядами.

– Ладно, вольно солдат, – сказал подошедший вовремя Николай Александрович, – беги, играй! – Александра улыбнулась, сделала театральный смешной поклон и побежала по ступенькам в спальню будить княжон, – Прелестная девушка растёт! Просто чудо.

Глава пятая.

– Прекрасный ход, Александра, лесть всегда работает у взрослых, – произнёс, саркастично опустив уголки губ, стоящий на лестнице молодой человек. Это был Олег Константинович Романов, двадцатилетний, высокий и стройный юно-

ша, голова которого была коротко стрижена, а все черты лица открывали в нём человека воинственного и жёсткого, который, однако, любил свою семью и был довольно мягок с каждым в ней. Когда Олег улыбался, вся ярость его серых глаз моментально пропадала, и он становился самым приятным человеком на всём свете. Увидев Александру, Олег был весьма удивлён переменами во внешности этой девочки. Дело в том, что за год Алекс сильно выросла, став ещё красивее. Её длинные светлые волосы, которые она обычно заплетала в косу, сейчас были распущены и растрепаны из-за утренней прогулки, а щеки горели румянцем. Неизменными остались только глаза: чёрные, как смоль, и чувственные. Олег спустился к девушке на пару ступеней, обнял её снова, – Да, повезло же ведь Владимиру... – протянул он, – но я тебе этого не говорил. Как дела у тебя, красавица, не выросла ещё из детских игр, я гляжу.

Александра прибывала в лёгком смущении. Она, почему-то, любила Олега больше всех из Константиновичей. Он казался ей самым честным и смелым, и она общалась с ним чаще всего. Переведя дух и успокоившись, Александра посмотрела в глаза князю и серьёзно проговорила:

– И вовсе я не изменилась, Олег Константинович, Вы просто старше стали и изменили взгляды свои, – и, выдержав театральную паузу, расхохоталась, обняв Олега ещё крепче.

– Да уж, – отойдя от смеха, сказал князь Романов, – актрисой же ты растешь! Сил нет терпеть твои розыгрыши. Дьяво-

ду одному лишь известно, когда ты на самом деле обижаешь-ся, – он немного помолчал, поднимаясь с юной княжной по лестнице, – Довольно уж поспали, – ухмыльнулся он, глядя на двери княжон, закатывая рукава белоснежной рубахи, – пойду будить!

И князь Олег скрылся за массивной дубовой дверью спальни. Александра вновь осталась одна в роскошной светлой игровой. Присев на диван, девочка начала рассматривать давно известную, любимую комнату. Вот бьют часы, которые её отец подарил Николаю Александровичу на венчание с Александрой Феодоровной. А вот кофейный столик, у которого Анастасия и Александра вместе откололи уголок и сказали, что это был Игорь Константинович, и вот этот столик стоит, уже пять лет стоит здесь с надколотым уголком, но никто не хочет его выкинуть, ведь он – память, а память выкидывать нельзя, никогда. На стенах висят картины и первые фотографии семьи Романовых, но и члены семьи Масловых на них тоже есть. Вот фотография, Александра помнит тот день, явно помнит, князь Владимир и император Николай сидят на лошадях. Они собираются на охоту. Александра помнила, как она и Мария уговаривали отцов взять их с собой, и как те даже согласились, но императрица Александра Феодоровна сказала, что «девочкам не подобает ездить с мужчинами развлекаться», и непустила их. Охотники в тот день поймали и принесли девочкам живого ёжика, которого после они все вместе ходили отпускать в лес. Какая

ностальгия окутала Александру! И если это чувство вообще присуще детям, то юная княжна погрузилась в него с головой. Выдернуть её из завораживающего мира воспоминаний помог бархатный, мягкий голос:

– Доброе утро, княжна, не побеспокою ли я Вас, если присяду рядом?

Александра мгновенно узнала этот голос и, вскочив на диван, дабы быть одного роста с Владимиром, подошла неспешно к нему.

– Ну что Вы, светлейший, эта комната только для дам, – протянула звонко она и, обняв Владимира за шею, повисла на нем, уткнувшись лицом в левое плечо, – однако Вам я милостиво разрешу присесть тут, – добавила она, отпустив князя, – пожалуйста.

И молодые люди присели рядом и завели премилую беседу, не относящуюся ни к чувствам, ни к любви. Однако долго толковать им не пришлось. Через мгновение из комнаты княжон раздался пронзительный крик хрупкой Татьяны Николаевны, за которым последовало появление в гостиной князя Олега. Он ещё не пришёл в себя от оглушающего вопля и часто моргал. Увидев сидящих на диване друзей, он присел рядом с ними, дожидаясь появления княжон.

– Ну, и как давно Татьяна научилась так громко кричать? – спросил он, обращаясь скорее к самим княжнам, нежели к присутствующим в комнате, – Ожидал я такого, допустим, от Анастасии, но чтоб моя тихая Таня? Вы бы рас-

сказали мне, дорогие, и вам бы не поверил, а тут... – и как бы вдруг заметив Владимира, Олег обратился к нему, – Владимир, ну посмотри, как княжна изменилась. Расцвела, распрямилась, как роза, – Владимир, возможно, нашёл бы, что ответить своему кузену, но выход княжон остановил его.

– Ну, нельзя же так, Олег Константинович, в чужие покои врываться. Негоже это! – выпалила, выходящая из спальни первой уже одетая и причёсанная Татьяна, – а если бы кто-нибудь бы был в неглиже? – продолжала ворчать княжна.

– Ох, ну буде, Таниш, – успокоила сестру Ольга, – Владимир, Олег, мы так рады вашему приезду. Александра, давно ли ты встала? Я не застала тебя утром в постели?

– Достаточно давно, чтобы успеть встретить нас, – заметил Олег, – вот приличный человек: встала спозаранку и отправилась гулять да гостей дорогих встречать, всё как в сказках, а вы? Спите до полудня. Не стыдно?

– Полно, Олег, – засмеялся беззвучно Владимир, – посмотри, какие красавицы пред тобою стоят, – он приобнял стоящую рядом Александру за плечи, – неужели ты можешь винить их в чём-то?

– И вновь ты прав, брат мой... – начал Олег, но был нагло прерван зовущим на завтрак звоночком.

Глава шестая.

В столовой Александровского дворца холодным утром пятнадцатого декабря 1912 года собрались только самые близкие для семьи Николая II люди. Во главе стола со сторо-

ны взрослых людей сидел сам Николай Александрович, рядом с ним разместился Константин Константинович, затем Владимир Львович. Напротив мужчин сидели их жёны. С другой стороны стола расположилась юная часть семейства. Первым здесь был Алексей, за ним Андрей, далее сидели Олег и Владимир, девушки расположились напротив них, а меж поколениями прибывали гувернёры молодых Романовых и Масловых. За столом, как это происходило всегда, обсуждалось сразу несколько тем: про предстоящую в тот день охоту говорили взрослые мужчины; дамы обсуждали свадьбу Татьяны Константиновны, узнавая у Елизаветы Маврикиевны, правда ли это, и когда состоится сие торжество; молодежь же говорила на все возможные темы, как это водится, не заостряя внимания ни на одну из них.

Поев вдоволь, семья стала расходиться из-за стола по своим делам. Мужчины в этот день отправлялись на охоту и не хотели откладывать выезд ни на минуту. Александра и Мария вновь попытались проникнуть на это завораживающее действо, но им опять было отказано, и девочки решили, что не так уж сильно им этого хотелось. Вместо какой-то там охоты княжны отправились наряжать ёлку в полукруглом зале.

Двухметровое, источающее великолепный аромат хвои дерево уже ожидало игривых девушек в самой большой и самой нарядной комнате дома. Только помпезный вид ели поднял настроение дамам до верхнего предела, не говоря о самом процессе подготовки к Рождеству. Рождество – люби-

мый праздник детей и взрослых, наиболее семейный и самый тёплый, несмотря на отрицательную температуру за окном. Кто же не любит этот день? Наверняка никто, а если кто-то и не любит, так этот кто-то большой глупец. Ведь Рождество есть счастье и ликование света, это ощущение лёгкости и молодости, чувство защищённости и привязанности.

Знаете, спросите у любого, и Вам скажут, что просто так взять и нарядить двухметровую ель физически невозможно. Эти люди, конечно, не догадываются, что речь идёт про семью Романовых, где проблема состояла не в том, как наряжать, а в том, во что.

– Пурпур! – воскликнула Ольга, оглядев ель и всю комнату довольно подробно, – Надо наряжать в пурпур! Королевский цвет – очень изысканно получится.

– Что ты такое говоришь?! – взволнованно вступилась Анастасия, – пурпур – цвет прошлого года, он уже давно потерял актуальность. В этом году, все это знают, между прочим, в ходу кобальтовый цвет, – Анастасия лукаво взглянула на сестёр и тихо добавила, – ну, тёмно-синий.

– Вот это уже вздор! – буркнула слегка обиженная Мария, – я, может быть, тоже хотела в пурпурный наряжать ель.

Определиться с цветом сезона – вот проблема императорской семьи. Как долго спорили они, пусть лучше останется загадкой для вас, мои друзья, но в момент полного раздора бразды правления в свои маленькие белые ручки взяла хрупкая Татьяна.

– Я бы не хотела, – сдержано, но громко заговорила она, и все мгновенно замолчали, – чтобы моя семья ругалась под Рождество из-за такой мелочи, поэтому считаю себя уполномоченной сказать, – она выдержала паузу, осмотрев всех присутствующих в зале, – я уверена, что мы можем комбинировать названные вами цвета. К тому же цветом будущего сезона модницы Лондона считают беж, – она, видимо, закончила, однако все ещё молчали, – Так давайте же приступим! – подвела итог Татьяна.

И закипела такая работа, к которой даже взрослые дамы не смогли остаться равнодушными. К приходу мужчин комната уже была наряжена, а уставшие, но весёлые княжны и княгини сидели у камина, рассказывая истории из своей жизни и детства своих детей.

– Я, когда Александру под сердцем носила, – начала свою историю Ольга Николаевна Маслова, обводя своим светлым, сияющим взором присутствующих в комнате, – хотела всё время чего-нибудь солёного очень или кислого. Я так один раз целый лимон без чая или сахару съела. Когда к нам приехала бабушка моя, она мне с уверенностью сказала: «жди мальчика, вон всё солёное да кислое ешь, да живот у тебя острый какой. Точно мальчик будет». А родилась девочка, да вон какая! – княгиня обняла сидевшую рядом Александру, и та улеглась у неё на коленях, подогнув ноги под себя, – Только смотрю я на Сашеньку и думаю, «а права ведь в чём-то покойная бабуля моя была. Девочкой-то девочка родилась,

да вот то на коня запрыгнет, то револьвер в руки возьмёт, с отцом регулярно на охоту просится. Ну что мне с ней делать?» А потом вспоминаю, какая она у меня умница да красавица и отметаю мысли эти прочь.

– Ох, эти приметы, суеверия! Нет им веры! – заявила, отмахиваясь, Елизавета Маврикиевна, и осветила улыбкой длинное лицо своё, – Я тогда в Германии ещё жила. Однажды мне ведьма-цыганка по руке гадала, и сказала, что у меня одни дочки будут. А у меня-то, поглядите, из девяти детей шесть мальчиков!

Все рассмеялись, и смеялись даже не потому, что история была смешной, нет. Просто тепло было и хорошо всем в огромной зале, а когда мужчины вернулись, они тоже присоединились к душевному чаепитию.

«Как же все-таки это чудесно» – думала Александра, сидя у матери на руках и глядя на счастливые и любимые ею лица, – «Как же хорошо!»

Глава седьмая.

«...Рождество пришло к нам в дом,

Полон он! А в доме том

Проживают ли князья? Иль цари? Иль попадья?

Да, но только в доме этом от того ещё тепло,

Вопреки что этикетам, мы поём для вас квартетом!

И узнали ли Вы нас?

Князь Андрей – сегодня странник;

Я – Мария, я – казак!

Александра – мать гаданий!

Цесаревич Алексей, но сегодня я плебей! ...»

С такими весёлыми стихами и песнями проснулась утром в сочельник княгиня Ольга Николаевна Маслова. Чуть отойдя от сна, княгиня услышала весёлые голоса детей, раздающиеся во всём дворце.

«Что за чудесный день» – подумала княгиня, и, встав с кровати, отправилась делать свой утренний туалет, приводить себя в порядок. Переодевшись в новое, пышное платье необыкновенной красоты и поблагодарив Анюшу за ей оказанную помощь, княгиня Маслова подошла к зеркалу, сняла свой спальный чепец и удивилась, глядя на своё отражение. «Как же я постарела» – подумала она, хотя любой человек, глядя на княгиню со стороны, никогда бы не дал ей её сорока трёх лет. Но на самом деле Ольга Николаевна действительно изменилась с рождением детей. Её длинные некогда всегда красиво уложенные светлые волосы теперь были заплетены в косу или забраны в пучок на затылке за недостатком времени на причёску. На белом лице её появились первые неглубокие, но всё же заметные морщины: меж бровей и в уголках глаз, которые уже не светились тем пленительным голубым светом, как когда-то. Полные красивые губы княгини потеряли свой цвет и блеск, словом, забывшись в рутине, Ольга Николаевна долгие годы не отдыхала и теперь сама видела последствия текущего молниеносно времени. Княгиня Оль-

га рассматривала своё лицо, своё тело со всех сторон и ракурсов, но вот прозвенел звоночек: всех звали на завтрак. Опечаленная немного осознанием старости, Ольга Николаевна вышла из своей опочивальни и медленно направилась в сторону главной лестницы, когда зов мужа остановил её на полпути.

– Ох, Ольга, душенька моя, – князь, одетый по-праздничному в бежевый фрак, быстрыми энергичными шагами шёл навстречу своей жене. Чёрные глаза его искрились, как искрятся они у того, кто смотрит на самого дорогого в своей жизни человека; смуглая кожа лица была гладко выбрита, а темные мягкие волосы причёсаны и уложены назад, словом, князь был полностью готов к предстоящему сегодня рождественскому балу имени императора Николая, – Я и представить не мог, что ты можешь выглядеть лучше, чем всегда, но в этом платье... оно новое? – как бы прервавшись, спросил князь, – ...но в этом платье ты будешь самой красивой на балу. Как же ты хороша, душа моя! Как же я люблю тебя! – воскликнул он и, обняв княгиню крепко, поцеловал её в самые уста её.

И княгиня Ольга моментально преобразилась: в небесных глазах появилась былая искра, гладкие щёки запылали румянцем, а губы растянулись в детской искренней улыбке. Вот так одним ласковым словом можно спасти почти разочаровавшегося в себе человека.

«Может, не так уж я и стара, – подумала про себя Ольга

Николаевна, – Может, всё ещё красива, как и тогда». И наплыли воспоминания молодости на княгиню. Она вспомнила, как была молодой, никому ненужной сиротой графиней Вяземской, незаконнорожденной дочерью князя Вяземского от графини Д. Мать её скончалась в родах, а у отца было слишком много законных детей, и потому по наступлению пятнадцати лет, графиня осталась совсем одна без каких-либо денег или средств к существованию. И тогда её спасительницей стала императрица Мария Феодоровна, взявшая бедную девушку под свою опеку. С тех пор графиня жила во дворце, как фрейлина императрицы. Императрица Мария Феодоровна опекала Ольгу и вскоре сроднилась с нею. Юная графиня стала желанной гостьей на всех праздниках, балах, даже когда собирались ближайшие члены семьи императорской. Сама Ольга Николаевна любила императрицу, как мать, искренне восхищалась ею. А как-то раз Мария Феодоровна познакомила Ольгу со своим старшим сыном Николая, коим, как вы уже, должно быть, поняли, являлся молодой князь Маслов. Словно в сказке молодые люди полюбили друг друга с первого свидания, и совсем скоро разговор зашёл о женитьбе. Однако брак не одобрялся князем Львом Владимировичем Масловым, который не хотел, чтобы единственный сын его женился на женщине без соответствующего титула и наследства, на что князь Владимир в сердцах заявил, что даже без согласия отца возьмёт эту девушку в жёны, и тогда добрая мать его, видя, сколь счастлив сын её с

этой бедной девушкой, уговорила мужа дать своё благословение. Сыграли пышную свадьбу, а уже через год родилась Наташенька.

Воспоминания так ярко навалились на Ольгу Николаевну, что на глазах её появились слёзы, и она крепче прижалась к мужу своему, как бы боясь его потерять.

– Ну что ты, свет мой, – увидев мокрые глаза княгини, спросил Владимир Львович, – что случилось?

– Не случилось, – сквозь слёзы проговорила княгиня Ольга, – просто я так люблю Вас, князь, что не вижу жизни... – и не в силах больше сдерживаться, она зарыдала на плече мужа, который поглаживая княгиню по спине и голове, думал о том, какой подарок сделала ему судьба, сведя его когда-то с графиней Вяземской.

«...Открывайте, люди, двери,
Мчится праздник Рождества,
Мы готовы вас уверить,
Будет это, господа,
И пикантно, и курьезно,
И забавно, и серьёзно,
Открывайте, люди, двери,
Вам квартет споёт поверья...»

Лирическое настроение четы Масловых было прервано подбежавшими к ним детьми в костюмах. Алексей, Мария, Александра и Андрей, разодетые и загримированные, бежали по всему Александровскому дворцу, так как выехать-то

было некуда, и колядовали.

– Княгиня Ольга Николаевна, – низким голосом ведьмы пробурчала Александра, – хотите я предскажу Вам будущее и прочитаю по руке Вашей прошлое?

Князь и княгиня переглянулись смешливо, но дали согласие милой и совершенно незнакомой ведьме на гадание.

– Смотрю на руку, хочу увидеть прошлое, – шепнула Александра, – у Вас есть муж, – прочтя это, конечно же, по руке, начала гадание Алекс, – а ещё есть дети. Четверо, нет! Пятеро. Сегодня Вы пойдете на бал к самому императору! И ... – она остановилась, видимо, всю известную информацию она уже рассказала, – Будьте счастливы, – вскрикнула Александра и, пронзительно хохоча, умчалась вдаль по коридору.

– Забавно, – сказал Владимир Львович, когда колядующие дети удалились, – Александра в этом году оделась в женщину! Неужели что-то изменилось?

– Не знаю, – кивнула, соглашаясь с мужем, княгиня, – надеюсь, ох, как я надеюсь, что это так.

Глава восьмая.

Часы пробили десять; пришло время танцев и веселья – начинался бал.

– Ах, скорее бы все пришли и увидели меня, – щебетала уже готовая к выходу в бальную залу Анастасия, – С кем же будет мой первый танец? С Олегом? С Владимиром? Какая скука! Вот бы пришёл кто-нибудь новый, кто умеет хорошо

танцевать, тогда я бы как птичка выпорхнула из серой толпы, кинулась ему на руки, а он закружил бы меня в вальсе и...

– Довольно, Анастасия, – перебила её Мария, – зачем попусту мечтать? Помоги мне лучше затянуть этот ужасный корсет...

– Не ругайся, Мари, – строго перебила сестру Татьяна,правляющая складки своего бежевого платья. Плечи девушки были открыты, а на платье в зоне декольте располагался красивейший букет белых и алых роз. Платье её было пышным и легким, и несла его Татьяна изящно и грациозно.

– Я уже целую вечность пытаюсь затянуть его, а он не поддается! Может быть, я делаю что-то неправильно? О, боги, за что мне это!?! – продолжила Мария, закинув драматично руку на лоб.

– Полно, Мари, предоставь это мне, – произнесла спокойно Татьяна, подходя к Марии и забирая ленты от корсета в свои руки, – вот, так-то лучше.

– Ты волшебница, Таниш! Как ты это так легко сделала? Grand merci, O!² – в полном восторге воскликнула Мария и обняла сестру. Татьяна покраснелась, но посоветовала Марии поторопиться и вышла из гардеробной комнаты, обмахивая горящее лицо кружевным веером.

Неготовыми к балу остались теперь только Мария и Александра.

– Как упоительна и спокойна всё-таки ночь, не правда ли?

² Большое спасибо (фр.)

Как бы я хотела, чтобы она длилась бесконечно. Чтобы все были счастливы и любимы, чтобы мы были вместе здесь, и чтобы музыка не утихала, и не гасли огни... – Александра говорила тихо и медленно, сидя на стуле, подобрав под себя ноги, и глядя куда-то вдаль.

– Алекс, о чём ты говоришь? – взволнованная состоянием подруги Мария подошла поближе к ещё совсем не одетой девочке и присела рядом с ней.

– Когда я остаюсь одна, могу думать лишь о том, почему люди пошли на восстание тогда? Что ими двигало? Ведь мы же знаем, как добр и заботлив наш Николай Александрович. Он ведь никогда никого не обижал. Может быть, этим людям действительно чего-то не хватает? Может быть, происходит что-то плохое? – Александра говорила со слезами на глазах. Мария видела, что с подругой что-то не так, но не могла понять, что именно.

– Александра, не больна ли ты? – Мария дотронулась до её лба, – Да ты вся горишь! Тебе срочно нужно вызвать доктора!

– Не нужно, Мари, не нужно доктора, пожалуйста! Я хорошо себя чувствую, здесь просто слишком жарко, – Александра улыбнулась, и черты беззаботного детства вернулись на её худенькое лицо, – Прости меня, Мари, я просто задумалась немного. Однако это пустяки, давай же скорее пойдём на бал!

И девушки стали оправлять свои изящные наряды. Алек-

сандра надела великолепное жемчужного цвета платье, которое прелестно подчёркивало её глаза. На голове у девушки был сделан высокий пук со спускающимися из него тонкими локонами светлых волос. Александра была худа, и её тонкие ручки и худенькая грудка выглядели немного скудно рядом с широким и полным телом Марии, которая была одета в красивейшее голубое платье, схожее с цветом её огромных глаз. Лицо Мари было румяным и светилось от радости. Когда девушки досматривали последние штрихи их нарядов, часы пробили одиннадцать. Мария приподняла тонкие русые брови свои и, мягко подтолкнув Алекс к выходу, сказала:

– Ну что, душенька, наш выход!

Когда девушки, преисполненные восторга, спустились, наконец, в парадную залу, бал уже начался. Давно отгремел полонез, и началась часть вальсов. Несмотря на громкую музыку и веселящихся повсюду знакомых людей, Александре было одиноко на балу, ей чего-то, а точнее кого-то, не хватало.

– Princess Alexandra, may I dance with your Grace?³– подойдя в танце, спросил Владимир. Сердце Алекс забилось сильней.

– Well, I suppose so, you may⁴, – проговорила она тихо, опуская искрящиеся глаза.

И влюблённые закружились в вальсе, не обращая никако-

³ Княжна Александра, могу ли я пригласить Вашу светлость на танец? (англ.)

⁴ Что ж, я полагаю, да, можете! (англ.)

го внимания на окружающих их людей. Глядя в голубые глаза Владимира, Александра понимала, за что она любит его. Кружась медленно в вальсе, она рассматривала знакомые и любимые с детства черты: аккуратный, маленький и прямой нос его, красные фигурные губы, гладкие, сильно выступающие скулы и мягкие красиво уложенные назад светло-каштановые волосы. Александра наконец видела всё то, что так любила, вдыхала его резкий аромат, чувствовала его руки у себя на талии, слушала его бархатный голос, говорящий что-то по-английски, и всё никак не могла поверить, что он совсем рядом, танцует сейчас с ней.

Ох, кто же не танцевал на том балу? За всю жизнь не найдёте вы такого. Пришёл черед завершающих котильонов. Отвлекись, читатель, от пары, некогда танцующей вальс и оглянись кругом: вот император Николай танцует с Александрой Феодоровной, а другом конце залы Константин Константинович, закружив свою жену до обморочного состояния, отплясывает с племянницей своей Татьяной; вон кружиться в танце чета Масловых, влюблено и нежно глядя друг на друга и изредка поглядывая на танцующего рядом Андрея с княжной Анастасией. Дети улыбаются, видимо обоим устраивает выбор партнёра для первого бала. Ольга танцует с Олегом, который иногда, как человек жесткий, слишком сильно прижимает кузину к себе; Мария танцует с каким-то незнакомым офицером и выглядит довольно счастливой. Кого же мы забыли? Конечно, Алексей... Цесаревич танцует умело то с

одной, то с другой дамой, мгновение, и он танцует с Марией, ещё одно и он уже с Ольгой, Анастасией, Александрой, матерью. Он, должно быть, решил станцевать с каждой из прекрасных дам в этой восхитительной зале...

Но вот последний па. Часы пробили два часа. Гостям пора разъезжаться по домам, а вот хозяевам, точнее хозяйкам Александровского дворца нужно доделать одно дело в завершение волшебного сочельника. Самое любимое рождественское занятие молодых дам – гадание. Попрощавшись со всеми, пожелав доброй ночи всем родственникам, княжны отправились в свою спальню, чтобы вершить рождественское волшебство. Зеркало, свечи, огонь – всё на месте и в полной готовности.

– Кто первый? – взвизгнула предвкушающая веселье Анастасия, – Можно я? А? Можно?

– Хорошо, – согласилась главная сегодняшней ночью Ольга, – только смотри, чтобы руки твои не тряслись, а то ничего не выйдет! – говорила она низко, завораживающе, – Сейчас ты наяву в этом зеркале увидишь картину – не пугайся и запомни её! Возможно, это изменит всё твоё будущее, – Ольга поставила два зеркала одно напротив другого и зажгла свечу, которую она дала в руки Анастасии, – Всмотрись во второе зеркало чрез первое, и оно проникнет в глубины твоей души! – сказала Ольга. Комната погрузилась в тишину, которая продолжалась и продолжалась, а девочки не могли оторвать взгляда от напуганной и замороженной Анастасии.

Александра, стоящая прямо за спиной младшей из сестёр, нечаянно тоже посмотрела в зеркало и не смогла боле отвести от него взгляд. В зеркале она долго ничего не видела, только темнота и марево от свечи, однако потом Алекс заметила в нём, будто мужской силуэт, стоящий, руки раскинув, и загораживающий собою другого человека. Алекс подумала, что это иллюзия и напряглась, всматриваясь в зеркало, но тут раздался громкий и продолжительный крик Анастасии, который заставил Александру содрогнуться всем телом своим.

– У меня получилось! Я видела! Видела! – Анастасия была очень счастлива и дышала глубоко и часто, – Я видела своего мужа! Это точно был он!

– Но как ты могла узнать, что это твой муж, глупышка? – заметила, смеясь, Татьяна.

– Я видела, – не унималась Анастасия, – это был он! Точно он!

– Хорошо, хорошо, дорогая, – успокоила её, улыбаясь, Ольга, – А теперь все спать! Завтра нам ещё подарки получать – тоска, – Ольга рассмеялась добрым долгим смехом, – *Bonne nuit, mes chéries.*⁵

– *Bonne nuit*⁶, – ответила каждая, однако никто из девушек не смог сомкнуть глаз до самого утра.

⁵ Спокойной ночи, мои дорогие (фр.)

⁶ Спокойной ночи (фр.)

Глава девятая.

Не спалось рождественской ночью и обитателям мужской комнаты. Попрощавшись со всеми приезжими и жителями дворца по завершении бала, молодые князя Олег и Владимир отправились в выделенную им хозяевами спальню, которая располагалась на втором этаже дворца, и из окон которой был открыт чудесный обзор застывшего широкого пруда.

– Such a wonderful night and such a beautiful place! I wish I could spend here all my life⁷, – молвил Владимир глядя из окна своей спальни, – как она очаровательна, не правда ли, Олег?

– Ты ведь уже не о ночи рассуждаешь, брат? – улыбнулся князь Романов, глядя на силуэт сидящего в темноте Владимира, – да, Александра удивительная девушка. Я безмерно рад, что именно она стала избранницей сердца твоего.

– Ты говоришь, как поэт, Олег, – отметил Владимир, смеясь, но не отворачиваясь от окна, – Кажется, моё общество оказывает скверное влияние на тебя. Однако... однако ты прав, Александра замечательная, и я люблю её больше кого бы то ни было. Как мне прожить ещё четыре года вдали от неё?

– Отчего же так долго, друг мой?

– Александра принципиальна, сказала однажды, что раньше шестнадцати предложение руки не примет, и вот теперь не отступается от своего слова, держит его.

⁷ Какая великолепная ночь и какое чудесное место. Как бы я хотел провести здесь всю свою жизнь (англ.)

– Да, весьма упертая особа. Обожаю это качество в ней.

– Однако, я все же старше, и иногда я боюсь, что она разлюбит меня, что я наскучу ей, и она будет несчастна в браке со мною или просто никогда не согласится стать женою моей.

– Что за вздор, Владимир, я не понимаю? У вас ведь разница лишь в четыре года, – Олег подошёл к своему кузену и присел на подоконник рядом с ним, – к тому же Александра любит тебя, и это станет понятно каждому, кто посмотрит на вас. Она прямолинейна и искренна. Поверь мне, князь, если вдруг случится какая-то оказия, и ты, по каким-то причинам, перестанешь быть её сердцу мил, то Александра объясниться тебе в этом, – Олег положил свою тяжелую руку на плечо Владимира и почувствовал, как тот дрожит, – Однако, друг мой, будь уверен, что она никогда тебе не скажет этого, потому что ты её лебедь. Я верю в это всем своим сердцем.

– Я абсолютно точно испортил тебя, Олег, – воскликнул, внезапно рассмеявшись, Владимир, – Офицер перестал думать в тебе, остался лишь тонкий голос поэта.

С этими словами молодые князья отправились отдыхать, однако ни один из них не смог заснуть, думая обо всей своей жизни: обо всём хорошем и обо всём плохом, вспоминая лица и голоса, стараясь забыть страхи и обиды.

Тихая декабрьская ночь с морозом принесла беспокойство в Александровский дворец. Никто почти не спал рождественской ночью. У всякого за душой было что-то, о чём он не решался говорить, но постоянно думал об этом, и чувство

потерянности и незавершённости заиграло новыми красками в эту тёмную морозную ночь.

– Андрей, ты спишь? – шёпотом спросил у молодого Маслова цесаревич, сидя у себя на перине без сна, – Андрей?

– Алексей Николаевич, Вы, светлейший, будите меня уже во второй раз, – буркнул, открывая свои глаза, князь Андрей, – надеюсь, Вы имеете весомую причину на это, – в комнате цесаревича воцарилась мёртвая тишина, – Алексей, тебя что-то тревожит?

– Я не знаю, Андрей, я не знаю. Когда мои сёстры вырастут, они все уедут из дворца и будут жить со своими мужьями, отдельно от меня, Александра тоже уедет куда-нибудь, и ты женишься, и останусь я совсем один здесь, – Алексей казался действительно опечаленным данным выводом.

– Что за глупости? Почему ты решил, что всё будет именно так? – Андрей лежал на кровати, медленно отходя от сна и глядя в высокие потолки, – Наши отцы дружат с детства, так что же нам мешает? Я люблю тебя, видит бог, люблю как брата, но, когда ты впадаешь в эту меланхолию, я не знаю даже, что больше хочу сделать: задушить тебя или вырвать свои уши, – Андрей говорил спокойно и медленно, слыша, как посмеивается его друг. «Так-то лучше» – подумал юный Маслов, – так что, если вдруг эти несносные мысли придут вновь в твою царскую голову, гони их лучше прочь, дабы не испытать масловской ярости. Я ведь как думаю: друзей я ещё найти смогу, а вот голова-то у меня одна, и та болит, когда ты

начинаешь всякую ерунду говорить, – Андрей призадумался и после паузы тихо добавил, – друзей-то я, возможно, найду, однако тяжело будет восстановить тандем, если у друга имя не на букву «а» начинаться будет, правда, Алексей? – Андрей повернул голову в сторону своего друга, но тот уже спал, посапывая сладко как младенец.

Глава десятая.

– Счастливого Рождества! Merry Christmas!⁸ Joyeux Noël!⁹ – слышалось повсеместно утром двадцать пятого декабря. Это тандем «АА», бегая по дворцу, будил всех радостными восклицаниями и поздравлял всех встречающихся на пути людей.

– Подарки, скорее! – кричал бегущий впереди Алексей, – Андрей, не отставай!

Вот уже близко рождественская ель, а под ней лежат красиво завёрнутые, аккуратные и блестящие подарки.

– Счастливого Рождества! – вскрикнули мальчики в один голос, заметив приближающегося к ним Николая Александровича.

– Смотри, Андрей, сколько подарков!

– Но не можем же мы открыть их, не дожидаясь остальных?

– Правду говоришь, мой друг, не можем, – откладывая пе-

⁸ Счастливого Рождества! (англ.)

⁹ Счастливого Рождества! (фр.)

чально подарок, подтвердил слова Андрея цесаревич, – но чем тогда займёмся? – повисла долгая пауза, видимо, никто не знал, куда направить свою рождественскую энергию. «Надо разбудить княжон, чтобы вместе раскрыть подарки» – подумалось Алексею, и он, подскакивая, побежал по ступенькам наверх.

– Доброе утро, Николай Александрович, – сказал Андрей, когда император подошёл поближе, – как спалось Вам в эту волшебную ночь?

– И тебе доброго утра, Андрюша, да как может спаться старикам? – Николай II рассмеялся, – всё думаю про поездку в Англию, планирую, готовлюсь, а вам, молодым, как? Не спали, думается мне, всю ночь за разговорами?

– Здесь Вы правы, Николай Александрович, – согласился Андрей, вспоминая прошедшую ночь, – сын Ваш – самый лучший в мире человек, да только сон у него чуткий и неспокойный. В одной комнате с ним ночь проводить суцая пытка, – император засмеялся, а Андрей, глядя в его глаза, дивился, как всё-таки Алексей был похож на отца, – А ваша поездка в Англию нас с Алексеем весьма сильно захватила, поэтому мы, – он покопался в своём кармане и достал свёрнутый много раз лист бумаги, – вот, составили план вашего визита во дворец. «Как бы нам хотелось тоже поехать туда» – по-детски искренне подумал князь Андрей, и на секунду совсем изменился, став похожим на крошечного мальчика, но потом, опомнившись и взяв себя в руки, вновь стал серьёзен

и спокоен.

– Составили план? – спросил, видимо, заинтересовавшийся Николай Александрович, – А взглянуть можно?

Андрей не ожидал такого хода событий и выпалил незадолго:

– Шутите? Конечно, – и протянул помятый листок императору. Не сказать, чтобы волновался он из-за присутствия Николая Александровича. Нет, ведь Андрей провёл всё детство с этим человеком и его семьёй. Просто до этого момента никто никогда не интересовался его с Алексеем проектами, а сейчас заинтересовались, и кто? Сам Николай II. Это событие было точно сон для молодого князя, и поэтому он теперь робко стоял рядом с сидящим в домашнем халате императором, и смотрел на него, немного приоткрыв рот, нервно закусывая губу.

Прошла минута, две, Николай Александрович, читая содержание данного ему листа, всё более и более хмурился. «Ему не нравится, – думал Андрей, зажимая кулаки, – Какой позор!» Но вот момент истины. Николай II остановился, аккуратно сложил листок и перевёл на Андрея взор чистых глаз своих.

– Вы с Алексеем составили этот план? Сами? – хмурясь и глядя ровно в глаза Андрею, спросил император.

– Так точно, – испуганно и печально ответил Андрей, потупляя глаза, «ему точно не понравилось, – решил для себя мальчик, – какой же я глупец!»

– Если быть честным, я слегка обескуражен, – проговорил строго Николай II, – я уже видел людей, которые без политического обучения составляли такие планы, однако, чтобы дети – никогда, – лицо императора выразило гордость и умиление, он широко улыбнулся, – Вы, молодые люди, заслуживаете поездки с нами в Англию! – воскликнул он, – Надо показать этот план твоему отцу, – Николай Александрович положил руку на плечо Андрея.

– Это значит, Вам понравилось? – заликовал медленно осознающий победу Андрей, – То есть Вам действительно понравилось?! – император кивнул, – И мы едем с вами в Англию?! – князь кивнул еще раз, тогда Андрей вскочил на ноги и побежал в сторону лестницы, но вдруг резко остановился и повернул назад, – Спасибо Вам, Николай Александрович, сердечное огромное спасибо, – мальчик был так рад, что едва не плакал.

– Ну же, это ваша заслуга, друзья мой, – уверил его император и, подойдя к Андрею, обнял его. В этот момент из другого конца залы послышался шум, и к рождественской ели выбежали молодые, только проснувшиеся княжны в сопровождении брата.

– Андрей? Отец? – послышался сзади голос цесаревича Алексея, – чего это вы?

Андрей моментально подбежал к своему другу и пожал ему решительно и строго руку.

– Мы едем в Англию! – тихо, чтобы другие не слыша-

ли, выговорил Андрей, но лицо Алексея не выразило ничего, кроме удивления, – твоему отцу понравился наш лондонский план, и теперь мы, – Андрей говорил тихо, но, сделав паузу, довольно громко воскликнул, – едем в Англию!

– Мы едем в Англию? – переспросил, подпрыгивая, Алексей.

– Мы едем в Англию! – подтвердил уже спокойно Андрей.

И радостный тандем «АА» стал носиться по парадной зале, забыв и про Рождество, и про подарки, говоря каждому, что они отправляются в Лондон.

– Вот это уже совсем нечестно, – протестовала разворачивающая подарки Александра, обращаясь к сидящей рядом с ней Марии.

– Это всё из-за того, что они мальчишки, – кивая, подтвердила княжна, – *Oh mon Dieu! Quelle livre magnifique!*¹⁰ – воскликнула Мария, раскрывая один из подарков, – я так давно желала такую! От кого же она? Ольга! Оленька, спасибо! – и княжна обняла крепко свою старшую сестру, которая, нежно улыбаясь, сообщила, что она всегда готова дарить радость своим родным и друзьям.

Александра тоже получила чудесные подарки, которые она давно хотела, и искренне благодарила подаривших за них, но мысли её были об одном: где же Владимир? Почему он так долго не спускается вниз?

Где в тот момент находились Владимир и Олег, не труд-

¹⁰ О, мой Бог! Какая прелестная книга! (фр.)

но представить. Молодые люди, уснувшие лишь под утро, всё ещё невинно спали, внимая завывающей за окном вьюге. Лишь колокольчик, который в рождественское утро звонил на час позже, в десять, поднял их и заставил спуститься к праздничному завтраку. За столом к тому моменту собралась уже вся большая семья Романовых-Масловых. Сидели как обычно: взрослые справа, дети слева, а гувернёры между ними.

– Прощения просим за опоздание, – отчеканил, выпрямившись у входа, Олег, – разрешите войти.

– Мы не в армии, дорогой, – засмеялась Александра Фёдоровна, – проходите, садитесь!

– С Рождеством! – шепнул Владимир, садясь за стол напротив Алекс. Все уже доедали завтрак, так что князь решил даже не приступать к своему и взял слово, – Мы с моим кузеном, – он посмотрел на Олега, который кушая рождественский пудинг, слегка кивнул ему, поддерживая, – немного припозднились, и потому не все наши подарки оказались лежащими под елью. Хочу сказать огромное спасибо, во-первых, конечно, Николаю Александровичу и Александре Фёдоровне за оказанный тёплый прием, – все сидящие за столом закивали и поддерживающее забубнили, – во-вторых, спасибо Елизавете Маврикиевне и Константину Константиновичу за оказанную помощь в дороге и... я к чему всё это говорю, мои дорогие и любимые люди, – глаза Владимира скользнули по княжнам и остановились на Александре, ко-

торая, почему-то, в жутком испуге смотрела на него. Владимир же мягко и спокойно улыбался, перебирая длинными пальцами по столу, – говорю я это к тому... я безмерно рад быть сейчас с вами здесь, а ещё, как поэт, хочу вновь поблагодарить князя Константина Константиновича за вдохновение. Будучи в дороге, я прочёл все его произведения и сейчас тружусь над переводом некоторых из них на русский язык, – Владимир посмотрел в лицо великого князя, которое сияло, словно весеннее солнышко, – Благодарю всех вместе и каждого, кто сейчас находится в этом дворце, по отдельности, – Владимир закончил, а из-за стола послышались сначала робкие, а потом довольно громкие аплодисменты.

Весело было каждому и, закончив трапезу, все отправились вести свои ежедневные дела. Владимир, проходя через залу, заметил Александру, сидящей рядом с елью, и подошёл к ней, по-щегоольски весело подрагивая плечами.

– Good morning, princess!¹¹ Как твоё рождественское чудо? – Владимир искренне улыбался, глядя на задумчивое отчего-то лицо Алекс, – Аля, понравился ли тебе мой подарок? – Владимир взглянул на руку Александры и понял, что он попал в самое сердце. На среднем пальце левой руки Алекс сияло его кольцо.

– Good morning, prince!¹² Кольцо замечательное! Спасибо большое, – она встала на цыпочки, чтобы обнять молодого

¹¹ Доброе утро, княжна (англ.)

¹² Доброе утро, князь (англ.)

князя. Сердце Александры забилося быстро и неровно, глаза её заблестели, в них словно застыли слёзы. Отстранившись от Владимира, княжна всё так же не опускала взгляда, хоть взор её уже был направлен куда-то внутрь собственной души.

Владимир долго смотрел в глаза Алекс и, как будто бы прочтя её мысли, внезапно спросил:

– Скучаешь по Ольге, не так ли?

– Так, да вот только она, должно быть, своим князем занята. Я ей, скорее всего, помешаю, – пробубнила расстроено Александра, скрещивая руки на груди.

– Что за глупости? – Владимир поднял опустившееся лицо Алекс за подбородок и немного согнулся, чтобы глаза его оказались на уровне её глаз, – разве можешь ты, свет мой, кому-либо помешать? Уверен, что нет, – он улыбнулся, выдержав короткую паузу. Владимир утром выпил лишь чашку какао, поэтому от него вкусно пахло шоколадом, запах которого гармонично смешивался с горьким запахом одеколона, – напиши ей письмо и передай наши приветы. Думаю, что княжна Ольга будет рада получить весточку от любимой сестры, – светлые глаза Владимира находились так близко к чёрным глазам Александры, что являлись всем, что девочка могла видеть в тот момент. Александра чувствовала лёгкое дыхание своего возлюбленного, слышала, как бьётся его сердце. Молодые люди были нескончаемо близко, когда...

– О Jemine!¹³ – просвистела строгая Фрау Фирш, заходя в залу, так громко, что молодые люди вздрогнули и отпрыгнули друг от друга, – Что я фишу? Княшна, фы фместо учёпы решили люпофными телами саниматься? Не посфолю! – она быстро приближалась к Александре, глядя на неё страшно блистающими провалившимися глазами, когда с другого конца залы послышались слова.

– Ах, вот вы где, а я вас везде искал! – вскрикнул громко, будто бы ругаясь Олег, – Вы подарок нашли, за которым вас сюда императрица послала? – Александра не понимала, чего от них хочет Олег, и стояла молча и растерянно. Тут Владимир сообразил, что брат его играет, и помог ему.

– Нашли, князь, конечно нашли! Мы его и рассматривали, когда были прерваны фрау Фирш, – он нагнулся и взял первый попавшийся ему под руку подарок, – Вот он, кстати говоря.

– Негоже так врываться в комнаты, фрау, негоже, – махая головой, сказал Олег и, подойдя к Александре и взяв её за руку, вывел молодых людей из залы. Оказавшись на лестнице, вдали от строгой гувернантки Олег захохотал, подрагивая всем телом, – Всему-то вас учить надо, детишки. И не в таких щекотливых ситуациях придётся побывать.

Александра была напугана и благодарна за спасение.

– Ты как там оказался, Олег? – спросил Владимир, поднимаясь по лестнице.

¹³ Боже мой! (нем.)

– Я своих источников не выдаю! – гордо и игриво проговорил Олег, – а вообще, я к Алекс шёл, чтобы подарок Ольге передать. Как она там, княжна? Не скучает дома-то одна? – Олег вновь засмеялся, а Александра просто взяла подарок и, пожав плечами, поднялась в свою спальню.

«Слишком много раз сегодня говорилось об Ольге, – подумала княжна, – действительно, надо бы письмо ей написать». Александра села за письменный стол, сделанный из красного дерева, положила перед собой лист пергамента, перо. «Я не могу ей помешать, а даже если и помешаю, так я её младшая сестра – это моя привилегия». Алекс глубоко вздохнула и начала свое письмо:

«25 January, 1912. St. Petersburg.

Dear Olga,

Greetings to my belamour sister¹⁴. Зная, что не любишь ты ни речь английскую, ни письмо, перехожу на родной нам всем русский язык. Прошу прощения, родная, за огромное количество англицизмов в речи моей, но я ничего не могу поделаться с этим, когда рядом со мной находится Владимир.

Сестра моя, я так скучаю по нашим долгим разговорам, мимолётным взглядам, по тебе самой. Как бы я хотела, чтобы ты сейчас была рядом. Ох, Оленька, столько нового произошло за время твоего отсутствия, что я не могу передать всего словами. Я так взволнована и заинтригована поездкой отца и императора Николая в Англию, причём, ты и вообра-

¹⁴ Дорогая Ольга, Здравствуй, моя любимая сестра. (англ.)

зить себе не можешь, отцы берут Андрея и Алексея с собой! Беспредельная несправедливость! Однако не об этом сейчас. Набиралась смелости сообщить тебе о том, что с приездом Владимира в Царское Село, я стала совсем не своя: я чувствую себя потерянной, постоянно смотрю на князя, не в силах отвезти от него глаз. Сердце моё бешено стучит, хотя Владимир очень добр и мягок ко мне, и я знаю, что он любит меня, но я боюсь, до дрожи боюсь, что он устанет ожидать моего согласия, забудет про меня и женится на другой. Ни в коем случае не хочу удерживать его, но и потерять Владимира я не могу теперь. Что мне делать, Оленька, скажи мне как почти замужняя женщина: должна ли я поступиться со своими принципами, или если он действительно любит, то время не помеха тому?

На рождество было много подарков от семьи императорской и от семьи князя Константина Константиновича. Олег, который приехал вместе с Владимиром, очень вырос и возмужал. Он расспрашивал про тебя, сказал, что соскучился по твоим, цитирую, «длинным, занудным речам», и передал тебе подарок. Открывать его не буду. Откроешь лучше сама. Что до самого Олега, могу сказать, что он меня постоянно защищает и помогает мне и Андрею во всём. Безумно люблю его, словно старшего брата! Надеюсь, у него будет хорошая жизнь, потому что именно он её полностью заслуживает. Всем домом передаём тебе приветы и объятия. Как дела у моей любимой сестры? Как поживает distinguished князь

К.? Когда свершится, наконец, долгожданная свадьба ваша?

Скучающая и всем сердцем любящая младшая сестра твоя.

Sincerely yours,

Alexandra¹⁵»

Закончив своё письмо, отложив его в сторону, Александра долго смотрела на пергамент, после чего положила его трепетно в конверт и отдала Анюше, чтобы та отправила его.

Что за прелесть, эта Анюша: маленькая, скромная и очень-очень добрая девушка. Лет ей было около тридцати к тому моменту, но мыслями и поступками своими она была ещё совсем юная девочка.

Письмо только было отправлено, а Александра уже жила в ожидании ответа, от чего её отвлекала лишь одна мысль: «А всё-таки интересно, что было бы, не зайти фрау Фирш в залу тогда? Неужели Владимир поцеловал бы меня...?»

Глава одиннадцатая.

Наступил новый 1913 год, и каждый в наполненном людьми дворце искал дело, достойное и подходящее ему. Однако к десятому января дом изрядно опустел и готовился вот-вот отпустить ещё четверых своих постояльцев. Семья князя Константина Константиновича настраивалась на скорый отъезд, и Владимир, конечно же, тоже уезжал с ними. Дом опустел и затих уже тогда, когда молодые князя Мас-

¹⁵ Искренне твоя, Александра (англ.)

лов и Романов со своими отцами покинули его, отправляясь в Англию, а теперь он выглядел еще мрачнее и печальнее.

– Ничто на свете не сможет сделать этот день лучше, – пробормотала Александра, сидящая обхватив свои колени. Во дворце было холодно, а за окном, будто увидев все переживания жильцов, погода творила чудеса, проявлявшиеся бураном и свистящим в щелях, холодным ветром.

– Да уж, – согласилась обнимающая княжну за плечи Мария, – однако, хуже уж тоже, верно, не станет.

Казалось бы, действительно, что может исправить столь ненастный день? Откровенно говоря, мало что.

«Как же всё-таки жаль, что Олег и Владимир уезжают из Царского Села, особенно Владимир» – думала в это время Александра. Отправив Ольге письмо рождественским днём, юная Маслова переживала за свои отношения с Владимиром, и то, что она написала в письме, казалось ей, стало оживать наяву. Общаясь с Владимиром робко и скудно, Александра каждую минуту ждала, что он станет груб с нею или же просто потеряет интерес, хоть на самом деле этого не происходило, – «Как я могла так бессмысленно распорядиться тем временем, что он был у нас? Почему не проводила с ним каждую секунду времени своего?» – задавалась вопросами девушка, когда размышления её прервались короткой, но долгожданной фразой:

– Княжна Александра, – тихо окликнула Алекс Анюша, подходя к девочке со спины, – Вам, кажется, письмецо по-

жаловало.

И правда, пришёл ответ от Ольги. Хмурый, холодный день моментально преобразился для Александры Масловой, которая в предвкушении и волнении выхватила легко письмо из рук девушки и, кинув многозначный взгляд Марии, убежала в спальню, чтобы прочесть его.

Усевшись комфортно в глубоком бархатном кресле и подобрав под себя маленькие ножки, княжна ловко распечатала конверт и, закусив нижнюю губу, принялась робко, но бегло читать маленькие, изогнутые буквы, написанные рукою её сестры.

«7 января 1913 года, Москва.

Милая моя, любимая Алекс,

Как рада я, что ты написала мне письмо. Думала об этом миллионы раз, однако руки всё никак не доходили до того. Я донельзя изнемогла, занимаясь делами своими свадебными, делая визиты разным важным и нужным людям, приводя в порядок столь опустевший дом. Вчерашнего дня у князя был праздник по поводу его тридцатилетия, и мы весь день провели в его загородном имении под Москвой. Можешь ли ты, дорогая, вообразить всю пленительную красоту московских лесов? Это не те подлесочки, что окружают наши поместья в Рязани и даже в Новгороде. Это огромные моря вечной зелени, которые источают восхитительнейший аромат и радуют глаз своей весёлостью и нынче – зимой. Рождество великое провели мы ещё в Петербурге, в нашем доме, а уже двадцать

девятого декабря отправились в путь. Я живу теперь в доме покойного нашего деда. Тут не всё готово было для жизни, но я постаралась и привела особняк в приличный вид. Зима в этом году просто волшебная, не правда ли, моя дорогая Алекс?

Иногда я забываю, какая ты стала взрослая, и какие серьёзные проблемы встают перед тобой. Владимир Павлович чистейшей души человек. Он добрее всех людей, которых я когда-либо встречала, и с которыми мне доводилось общаться. Так что, милая, тебе стоит лишь поговорить с ним, и тогда всё должно проясниться для тебя. Хотя, на мой взгляд, он искренне, по-детски влюблён в тебя, и вряд ли время и расстояние смогут разбить эти чувства.

Как я рада слышать новости об Олеге! Как он поживает, и как он чувствует себя? Весьма мило было с его стороны передать мне презент на Рождество, и потому отправляю вместе с твоим письмом весточку Олегу и прошу тебя передать её ему. Я рада бескрайне за наших мальчиков, которые приобретут бесценный опыт в Англии, не говоря уже об удовольствии и незабываемых впечатлениях. А ты, сестра моя, не гневайся на них и на судьбу за это. Настанет день, и ты также повидашь мир.

Сергей Петрович пригласил меня в Москву, кроме всего для того, чтобы показать мне культурную сторону этого города. Он, помимо того, что может заниматься здесь любимым делом своим (искусством, как ты, должно быть, пом-

нишь), гораздо лучше чувствует себя в Москве, и поэтому мы собираемся проживать именно здесь. Ты же знаешь, дорогая, что у него ужасный кашель, который в условиях петербургской влажности только усугубляется. Свадьбу назначили на третье февраля нынешнего года, и я надеюсь увидеть всю семью мою без исключения на сем торжестве. Что до меня, скажу прямо: я счастлива, когда рядом со мной мой жених, и не представляю дальнейшей жизни без него. Сергей Петрович не живёт, конечно, со мною, но видимся мы часто, и посему я бесконечно счастлива.

Прости, дорогая, но у меня совершенно нет времени продолжать писать это письмо. Будь моя воля, я бы обязательно приехала к тебе за тем только, чтобы обнять тебя и сказать, как сильно я скучаю по своей любимой младшей сестре.

Передавай приветы мои и поцелуй всему Царскому Селу, а особенно маменьке и папе. Поздравь и поцелуй за меня Андрюшу, который сегодня стал, несомненно, взрослее. Бескрайне люблю тебя, Алекс.

Всё ещё княжна Маслова Ольга Владимировна»

Закончив читать письмо в третий раз, Александра замерла, перечитывая последнюю строчку раз за разом. «Как неумолим, однако, ход времени, – думала княжна, – и как подвластны мы безоговорочно воле его. Пройдёт время, и я тоже буду «всё ещё княжна Маслова», а потом вовсе и не Маслова. Как же это странно! Как же это необъяснимо!» Долго философские мысли не покидали молодую голо-

ву Алекс, но, когда она очнулась вновь от нахлынувших на неё сентиментальных дум, она быстро встала, подхватила с кровати конверт с письмом для Олега и помчалась в спальню уезжающих вскоре князей. У Александры накопилось много слов, которые нужно было сказать и много дел, которые нужно было сделать.

Добежав до опочивальни на мужской половине дворца, глубоко дыша от волнения, Александра три раза медленно постучала в массивную дубовую дверь, которую она тут же распахнула, не в силах ждать ответа от князей. «Ворвавшись» в чужую комнату и осмотревшись, Алекс нашла здесь одного лишь Олега, который, погрузившись в молчаливую тоску, рассматривал пейзажи за окном.

– Уже иду, Владимир, – буркнул князь, не оборачиваясь на звук распахнувшейся двери, – уже иду.

– Олег? – тихо встав у двери, проговорила Александра, и почувствовав, что она прерывает князя, добавила, – прости, что помешала тебе, я лучше пойду.

– Постой, Алекс, – оборачиваясь с улыбкой на лице, проговорил Олег, – я просто не думал, что это ты. Проходи, чего же ты стоишь, присаживайся! Что случилось? – спросил князь, заметив, как волнуется, глядя на него девушка.

– Я писала Ольге и передала ей твой презент, – Александра немного помолчала, – Вот, – протянула она, подавая Олегу конверт, – это письмо для тебя, – заметив лукавый взгляд Романова на открытый конверт, обиженно доба-

вила, – не читала я его! За кого ты меня принимаешь вообще?!

Олег медленно взял конверт и, не посмотрев на содержимое его, устремил свои штормовые серые глаза на Александру:

– Спасибо тебе, мой друг! – он подошёл к девушке и слегка обнял её, – Так не хочется уезжать, но надо. И я понимаю, что так должно быть, но ничего не могу поделать с одолевшей меня сегодня тоской.

– Я тоже не хочу, чтоб вы уезжали, – прошептала Александра и прильнула к плечу князя, который, поглаживая её маленькую спину, обнял её ещё крепче и мягче. Закончив показ своих чувств, громко шмыгнув носом и подтерев глаза, Александра тоненьким голосом тихо спросила, – Где же Владимир?

– Он помогает отцу складывать вещи. Должно быть, он внизу, – сказал мягко Олег, который после долго смотрел вслед уходящей вдаль Александре, и который, закрыв дверь и присев у окна, раскрыл конверт, достал письмо и принялся, трепетно и нежно глядя на него, читать.

Александра, тем временем, стояла уже в сенях, из окон наблюдая за Владимиром, и собиралась с духом выйти из дома и подойти к нему. «Надо только поговорить: так сказала Ольга, но с чего мне следует начать? И как я начну этот разговор? А что, если Владимир всё-таки устал от меня? Что я буду делать тогда?» Противоречия одолевали княжну, поэтому она

стояла, дрожа, словно лист, глядя, как Владимир беседует с князем Константином, замороженно, не отводя глаз.

– Princess? Почему ты здесь? – проронил неожиданно зашедший в сени Владимир. Лицо его было сконфужено, однако он улыбался и выглядел ошарашенным данной встречей.

– Ох! – воскликнула задумавшаяся слишком глубоко Александра, отскочив в сторону, – как ты напугал меня! Я думаю, что я хотела, то есть, не совсем хотела, но решила, что это будет полезно и нужно мне, точнее нам, точнее, – Александра говорила быстро и не собранно. Сердце её бешено билось в груди, а глаза бегали. Чтобы не продолжать свою «пламенную» речь, она прикрыла рот ладонью и закрыла глаза.

– Эй, princess, что случилось? – мягко спросил подходящий к Алексу Владимир, – Аля, ты хочешь говорить со мною – так говори. Ты же знаешь, что я тебя никогда не обижу.

– Просто я хотела сказать, – начала вновь Александра, – что ты мой самый-самый лучший друг, что ты очень дорог для меня, и что сейчас, когда ты уезжаешь, мне грустно, потому что, – слёзы накатились на глаза её, и она громко подетски завывала, – я люблю тебя!

– Ну что ты, что ты, – Владимир обнял Александру, – я тоже тебя очень-очень люблю. Ну же, хватит печалиться! Мы совсем скоро увидимся вновь. Я обещаю тебе! К тому же я обязательно буду писать тебе письма. Тут уж от меня не от-

вяжешься.

Тревоги Александры по поводу Владимира моментально испарились. Стоя в объятьях его, она чувствовала себя окрылённой и раздавленной одновременно. «Он всё-таки любит меня! – думала девочка, – А теперь он должен уехать». И из глаз Александры брызнули новые горячие слёзы.

Глава двенадцатая.

Пока Россия отходила от долгих, опьяняющих зимних праздников, в Европе уже кипела жизнь. Это было заметно даже из отполированных окон недавно выпущенного поезда, который, довольно проворно стуча колёсами по рельсам, мчался вдаль, туда, где туманы застилают влажную от снега землю. Казалось бы, ещё чуть-чуть и наши путешественники окажутся в незнакомой Англии, где само время бежит по-иному.

Утром четырнадцатого января, выйдя из ставшего родным вагона поезда, князя Масловы и Романовы выглядели счастливыми окончанием столь долгого пути.

«Wait for a couple of passes, please. Your transport facility will arrive soon»¹⁶ – сказали им на вокзале, и совсем скоро это обещание было приведено в исполнение. Уже через час долгожданные гости стояли в парадной зале Букингемского дворца, где король Георг V с одним из своих герцогов встречал их.

¹⁶ Подождите пару мгновений. Ваш транспорт очень скоро прибует. (англ.)

– Какой интересный у них дворец, – обратился Алексей к восхищенному и затихшему Андрею, – они так полы натёрли, что и упасть вовсе не мудрено! Андрей, чего ты застыл?

– Тсс, – шикнул юный князь своему другу, когда старшее поколение визитёров начало аудиенцию с королём, – дай послушать.

– Ох, право, Андрей, наслушаешься ещё за время нашего пребывания здесь, – цесаревичу явно не стоялось на месте, и он хотел рассмотреть замок, поговорить с людьми, хотел веселиться, – Пойдём, Андрей, тут так много интересного: новые места, новые люди! – князь Маслов никак не реагировал на слова Алексея, поэтому тот слегка толкнул его в левый бок локтем, – Я вижу, что ты не выпался, но хватит меня игнорировать, в конце то концов! Я ж тебе друг, всё-таки.

В этот момент к мальчикам подошёл сын того самого герцога, что стоял рядом с королём. Это был довольно высокий и стройный юноша четырнадцати лет; мягкие волосы его были рыжегато-каштановые, а глаза, которые, улыбаясь, перебегали с одного князя на другого, как бы, оценивая каждого из них, светло-зелёные. Тонкий рот его был растянут в дружелюбной улыбке, из-за которой его острые скулы, казалось, разрезали светлую кожу лица юноши.

Герцоги Мортимер были довольно известными и влиятельными персонами в Великобритании. В принципе, они заведовали всей экономикой страны, были довольно близки с королём и зачастую являлись гарантом исполнения того или

иного международного детища.

– Good morning, – юноша снял свою шляпу и слегка поклонился нашим князьям, – We are glad to welcome you in England! I hope you spent enjoyable time during your journey.¹⁷

– Тсс, – вновь шикнул Андрей и немного подошёл к разговаривающим политикам, чтобы отчётливее слышать их. Разговор у взрослых людей кипел; между четвёркой взрослых мужчин зарождалось чувство здорового интереса друг к другу и к странам, которые они представляли.

– Андрей, ну это уже в конец неподобающее поведение. С тобой заговорила сама принимающая нас сторона, которая, между прочим, должно быть, старше тебя. Так соблюдай субординацию! – Алексей впился глазами в Андрея, который смущённо и удивлённо смотрел на своего друга.

– Ладно! Зачем же кричать? Хорошо! – согласился он, отрываясь от разговора взрослых и поворачиваясь к герцогу, – Good morning, thank you. I hope you are not angry with me for such an incorrect attitude.¹⁸

– No, never mind! – проговорил герцог, улыбаясь, – I am Duke of Hampshire Jonathan Walt Mortimer. But you had better call me John,¹⁹ – сообщил он, протягивая руку для привет-

¹⁷ Доброе утро. Рады приветствовать вас в Англии. Надеюсь, вы насладились вашим путешествием сюда. (англ.)

¹⁸ Доброе утро, принц, большое спасибо. Надеюсь, Вы не слишком злитесь из-за неподобающего отношения к Вам?

¹⁹ Нет, конечно нет. Я герцог Хэмпшира Джонатан Уолт Мортимер, но вы называйте меня просто Джон. (англ.)

ственного рукопожатия.

– Andrew.

– Alexei, – представились оба мальчика.

И у юных русских князей с молодым герцогом завязался долгий и интересный разговор, который был прерван лишь в третьем часу дня приглашением на обед, радушно принятым немного изголодавшимися князьями.

– So, princes, enjoy your meal!²⁰ – сказал Джон в завершение разговора.

– Thanks, you too²¹, – ответили князья, весело поглядывая друг на друга.

Сказать, что мальчики были счастливы, всё равно, что не сказать ничего. От восторга у оба князя не находили слов, и они выбежали из столовой, так и не поевши, от радости подпрыгивая по пути.

– Всё это восхитительно! – тихо улыбался Алексей.

– Точно, я невероятно впечатлён!

«Хорошо, что именно Алексей сейчас со мною», – подумал князь Маслов, глядя на бегу на восторженное маленькое личико цесаревича.

– Ты знаешь, – мгновенно отозвался князь Романов, – я счастлив, что сегодня именно ты здесь со мной.

С поиском новых знакомств в чужой стране молодые князья, чья дружба стала ещё крепче в Англии, мешкать не ста-

²⁰ Итак, князья, приятного аппетита! (англ.)

²¹ Спасибо, Вам того же. (англ.)

ли и уже к концу первого дня пребывания в Лондоне могли смело сказать, что Герцог Джонатан Уолт Мортимер или просто Джон, как он просил называть его, является их другом, который так же был заинтересован в молодых «политиках». Джон, между прочим, всегда интересовался Россией и её культурой, и теперь был вдохновлён приездом иностранных гостей и, будучи лёгким на подъём, был готов к любому движению, принялся усердно изучать русский язык, которым восхищался, и который считал приделом лингвистического совершенства. Несмотря на столь приземлённого и пресного отца, Джон был первооткрывателем, человеком сердца, который делал то, что привлекало его, что он любил. Хоть Джонатану было всего четырнадцать лет, он побывал во многих странах и вообще был весьма умным и начитанным юношей.

После сытного обеда гостям выделили спальные комнаты. Андрея с Алексеем проводили в их опочивальню, которая находилась на втором этаже дворца. Вещи, которые гости привезли с собой из России, уже были разложены и аккуратно убраны по шкафам и различным полочкам. Спальня была довольно большой, с высокими сводчатыми потолками и белыми стенами, по которым были развешены картины и фотографии с пейзажами Великобритании. Большие створчатые окна открывали чудесный вид на площадь перед дворцом, на которой каждую секунду находилось огромное количество людей, сменявших друг друга, разглядывающих

замок, старающихся как-то заглянуть внутрь дворца.

Хоть Англию и называют Туманным Альбионом, страна встретила своих гостей великолепной зимней погодой с солнцем и сухим рассыпчатым снегом, который, переливаясь в солнечном свете, слепил глаза, что радовало и веселило души привычных к снегу русских людей.

Следующий день начался для молодых князей обзорной поездкой по Лондону и его окрестностям. Путешествие возглавил, конечно же, Джон, который и являлся автором данной идеи и который был полон дерзости и решительности осмотреть все запланированные места за одни сутки. Выехав за пределы Лондона, где покрытые снегом поля и леса окружили автомобиль князей, радостный герцог повернулся к своим новым друзьям и переполненным восторгом голосом заговорил:

– So, my dear friends, what is your impression of London? Do you like it?²²

– Of course, John! London is a wonder!²³ – весело проговорил Алексей, глядя из окна машины на сменяющие друг друга пейзажи.

Взирая на всю красоту зимнего Лондона, можно было отчётливо понять восхищение молодых людей. Джон ехал на

²² Итак, друзья мои, каково ваше впечатление по поводу Лондона? Он вам нравится? (англ.)

²³ Конечно, Джон! Лондон – это чудо! (англ.)

переднем сидении и, словно чичероне²⁴, рассказывал истории то одного места, то другого. «В одном замке произошло то-то, а здесь была тюрьма, где казнили того-то. Этот сад – самый большой сад Европы. Здесь то, здесь это...» – только и было слышно со всех сторон. Джон был хорошим проводником, много знал и хорошо рассказывал. Его сказ был полон старинных, уникальных историй, о которых вы не сможете прочитать ни в одном учебнике; слова, которые он говорил, были тщательно подобраны и обязательно подходили под контекст того или иного события или, хотя бы, рассказам о нём.

– По-моему, – шепнул Алексей, обращаясь к Андрею, – Джон слишком хорош, чтобы быть человеком.

– Да уж, – смеясь, согласился князь Маслов, – однако он мне нравится.

– И мне, – кивнул Алексей.

– You have such a wonderful language that it makes me envy, – высказался, оборачиваясь, Джон, – I will take lessons of Russian. Tomorrow.²⁵

К концу дня, возвращаясь в Букингемский дворец, молодые люди были так утомлены, что, не ужиная, отправились в свои спальни и моментально погрузились в мир снов. Надо сказать, что Джон, конечно, не проживал в резиденции ан-

²⁴ Экскурсовод (устар.)

²⁵ У вас такой красивый язык, что я становлюсь завистником. Я собираюсь выучить его. Начну брать уроки начиная с завтрашнего дня. (англ.)

глийских монархов, однако на время поездки король Георг согласился выделить ему и его отцу покои во дворце, за что юный Мортимер был бесконечно благодарен ему.

Глава тринадцатая.

Получив ответное письмо от дочери с точной датой свадьбы, княгиня Ольга Николаевна решила отправиться в Москву, дабы помочь Ольге в свадебных делах, однако всю неделю Санкт-Петербург заносило снегом. Ужасный, яростный буран продолжался почти десять дней, и только к двадцатому января погода затихла, и появилась возможность выехать из города и направится в историческую столицу.

Утром двадцать первого января Ольга Николаевна разбудила Александру, тихо, но беспокойно спящую в комнате княжон, шепнув ей:

– Дорогая, поднимайся. Поезд наш отходит через четыре часа.

«Зачем? – подумала Александра, переворачиваясь на другой бок, – ну зачем будить меня? Коли у мамы поезд, так пусть собирается себе. Я-то тут причём?»

– Просыпайся, Сашенька, собирайся! Мы уезжаем, – мягко проговорила княгиня, наклоняясь над своей дочерью и целуя её в лоб.

– Что значит «мы», мама, разве ты уезжаешь не одна? – не отойдя толком от сна, но уже посаженная матерью на кровати спросила, съёжившись от холода, Александра.

– Дружок, мы с тобой едем в Москву! Собирайся! – теряя терпение, произнесла княгиня, любовно глядя на свою дочь, – Одевайся и выходи, вещи можешь здесь оставить, – и Ольга Николаевна тихо, чтобы никого не разбудить, вышла из спальни, оставив за собой звенящее эхо шагов своих.

Посидев ещё на кровати, глядя в пустоту и будто досыпая оставшиеся для счастья пять минут, Александра медленно поднялась и направилась в уборную. Умывшись, она забрала свои длинные волосы в высокий хвост на затылке, переделась и долго смотрелась в зеркало, не видя в нём ничего, кроме окружающего её полумрака. «Как же так? – вновь подумала Александра, – Почему меня постоянно разделяют с любимыми мною людьми? Это абсолютно несправедливо!» – размышляла она, выходя в большую гостиную на первом этаже, где её уже ждала княгиня.

– Ах, Александра, – умилилась та, увидев свою дочь, – как хороша ты с этой причёской. Ну ладно, боюсь, нам пора в путь. Пойдём!

– Как же так? Мама, ведь ты одна к Ольге ехать хотела, а я должна была позже с Андреем и папой прибыть. Ведь мы же так хотели, душенька моя, так? – Ольга Николаевна слабо кивнула и печально посмотрела Алекс в глаза, собираясь начать речь, – Я ведь даже не попрощалась ни с кем! А я так всех люблю и Ольгу, и Татьяну, и Анастасию, и мою Мари! – Александра чуть не плакала, – Как же так, мама? Ведь все уезжают: Олег уехал и Владимир, и папа с Андреем, и

Алексей с Николаем Александровичем, все, Ольга и вовсе не приехала! Мы ведь одни остаемся в жизни, потому что нас увозят поезда непонятно куда и зачем, ведь так, голубушка? А я жить хочу с друзьями, с любимыми моими людьми, жить хочу, – Александра крепко обняла мать, уткнувшись ей в грудь, и притихла.

– Сашенька, – проговорила княгиня трясущимся голосом, – ведь на это же причины были, на всё на это. Ольга осталась дома, потому что у неё теперь есть другая семья, о которой она тоже должна заботиться и которую она должна любить, но это вовсе не значит, что она больше не помнит нас и не любит, нет. Просто любовь её разбита теперь на большее количество кусочков, которые принадлежат разным людям, но все они частичка её, как и раньше. Олег и Владимир должны учиться. Олег – человек военный, разве смог бы он в компании нашей женской прожить долгое время? Не думаю, свет мой, да ты и сама знаешь, что нет. Владимир же должен получить хорошее образование, но он не хотел уезжать отсюда, от тебя, но так, к сожалению, должно быть, – княгиня Ольга подняла подбородок Александры и теперь смотрела ей прямо в глаза, – что до остальных, так они вовсе ненадолго уехали и вскоре вернуться, но так как свадьба твоей сестры уже не за горами, отец и брат твои решили, что возвращаться из Москвы в Санкт-Петербург будет нецелесообразно, и поэтому мы с тобою сейчас должны уезжать.

– А Мари приедет на свадьбу? – спросила робко Александра.

– Девочки все приедут, а Алексей, по-моему, останется в Москве, не возвращаясь из поездки, – всеми силами своими княгиня старалась успокоить свою дочь, – Ну что, светик мой, пойдём? Нас ждёт долгая дорога, – сказала она, понимая, что Александра достаточно спокойна для этого. Алекс кивнула. Две прекрасные Масловы направились по длинному коридору к выходу, когда голос Александры Феодоровны их остановил.

– Ольга Николаевна! Дамы, вы уходите по-английски? – в гостиной стояла императрица и все её дочери, только проснувшиеся и ещё не до конца одетые и причёсанные, сонно зевая и потягиваясь.

– Александра Феодоровна! Вы встали? – говорила княгиня Ольга, подаваясь вперёд, – мы не хотели будить вас, поэтому и не попрощались... – но речь Ольги Николаевны была заглушена криком Марии, бегущей навстречу Александре.

– Александра! Я буду так скучать! Так скучать! – вскричала она и обняла подругу, и все княжны Романовы подошли к Александре и тоже обняли её.

– И я буду безгранично скучать по вас, мои дорогие!

И девочки замерли, обнявшись, и долго стояли так, не расцепляясь, словно большой человеческий клубок. Посмотрев на это и расчувствовавшись, императрица обняла Ольгу Николаевну и тихо сказала:

– I will miss you, friend of mine!²⁶

– Так приезжай на свадьбу с девочками, мы всегда будем рады видеть вас, при любых обстоятельствах! – уверила Александру Феодоровну княгиня.

На том и распрощались. Теперь девушек грела мысль о скором свидании третьего февраля в величественной, окружённой лесами Москве.

Глава четырнадцатая.

Проснувшись наутро, но не раскрывая своих глаз, Андрей долго слушал окружающую его, звенящую в воздухе тишину, которая обволакивала ещё весь дворец, и не мог понять, почему люди позволяют себе терять столь драгоценное время своё на сон, упускать моменты жизни, пропуская минуты, как песок сквозь раздвинутые пальцы. Для своих десяти лет Андрей был излишне сконцентрирован на философских мыслях, которые, несмотря на то что Маслов гнал их от себя, частенько посещали его красивую голову.

Услышав тихий утренний стон Алексея, князь Маслов распахнул свои огромные небесные глаза, и волна света, вливающегося в комнату через тонкий светлый тюль, ослепила его. Через пару минут адаптации, полностью прозрев, Андрей взглянул на кровать своего друга, но Алексея уж не было в комнате, он будто бы вовсе исчез вместе со своими стонами, сбивающимся дыханием, утренним шарканьем ног.

²⁶ Я буду скучать, дружок!

Прошло порядка семи минут, а цесаревич всё не возвращался. Сердце Андрея заклокотало, и тот, наскоро одевшись, вышел из комнаты и отправился на поиски цесаревича. Во мраке ночи Андрей и не заметил даже, как огромна была гостиная, смежная с опочивальней юношей. Гостиная эта имела три выхода, которые вели либо в спальню, откуда вышел князь, либо в залу для музицирования на втором этаже, где стояло огромное количество музыкальных инструментов, которых вполне бы хватило для какого-нибудь камерного оркестра, либо же в уборную, куда, посчитав это наиболее верным путём, и направился теперь князь Андрей. Высота потолков и дороговизна отделки не могли смутить выросшего во дворцах князя, но и равнодушным Андрей остаться, отнюдь, не смог. Любуясь фресками на стенах, князь миновал порог уборной, а после и ширму, выставленную напротив двери, и застал здесь Алексея, стоящим беспокойно у керамической раковины. Цесаревич держал левую ладонь свою, из которой потоком сочилась кровь, под струёй воды, а заметив Андрея, он вытащил из воды руку и убрал её за спину, думая, что друг его не заметил ещё ранения, и не желая беспокоить его.

– Алексей, – произнёс, взволновавшись, князь Маслов, подхватывая мальчика за левое предплечье, – что произошло?

Цесаревич был сконфужен вопросом и долго пытался делать вид, что не понимает о чём идёт речь, при этом заливая

ковёр в уборной жидкой горячей кровью, однако осознав, что Андрей настойчив и твёрд в решениях, достал руку из-за спины.

– Андрей, всё хорошо, – вполголоса заговорил он, глядя ровно в глаза своему другу, – просто немного разбил склянку с одеколоном и потом немножечко порезался, – разговаривая, Алексей каждую минуту становился бледнее, а речь его замедлялась и затихала, – но у меня всё хорошо, только, кажется, у меня идёт кровь. Не говори только отцу, я прошу тебя, Андрей! – он сделал слабый шаг навстречу Маслову, но оказался сильно обескровлен и начал падать на пол, когда Андрей подхватил его, – Не говори отцу, – повторил только цесаревич, теряя сознание.

Зная о том, что у Алексея Романова гемофилия и, следовательно, осознавая, что это лишь проявление болезни, со стороны всё кажется довольно закономерным и простым, однако для Андрея, который держал своего друга, истекающего кровью и еле находящегося в сознании, на руках, всё было гораздо серьёзнее и страшнее. Первая мысль – хорошая мысль. Так вам скажет любой умный человек. И этого же мнения придерживался Андрей, когда, заматывая поражённое запястье Алексея ручным полотенцем, лихорадочно думал, но первая мысль всё не приходила в голову. «Что же делать? Как мне быть сейчас? – думал юный князь, – Алексей просил ничего не говорить императору, но не могу я оставить его так, а сам я не уверен, что справлюсь. Даже если и

был бы уверен, то где бы взял необходимые медикаменты? Выход один – надо попросить кого-то о помощи, но кого-то, кто ничего не расскажет ни императору, ни даже моему отцу. В таком случае, находясь в Англии всего второй день, не зная никого в этом дворце, кого могу позвать я?» – Андрей был в ужасе, любой прохожий, должно быть, смог бы услышать, как скрипели его юношеские мозги, когда, перебирая имена и лица в голове, он пытался вспомнить хоть кого-то, кто мог бы помочь, и такой человек, к счастью, имелся.

– Джон! – вслух вскрикнул он, – «Джон, только он мне и может помочь, к тому же он человек достойный. Ему я могу доверять!»

И Андрей немедленно вскочил на ноги и побежал в покои Герцога Хэмпшира, в которых он был уверен найти спасение. Уже через пару минут взволнованный Андрей и едва проснувшийся Джон стояли в уборной, а ещё через мгновение укладывали Алексея обратно в постель. Андрей сел рядом со своим приходящим в сознание другом и перевёл свои глаза на Джона, который стоял теперь рядом, потирая руки и изредка зевая.

– Thank you, John, – проговорил Андрей, искренне благодарно глядя на герцога, – You helped us so much! Thank you.²⁷

– Oh, Andrew, it wasn't difficult at all, – ответил он, улыбаясь, – Moreover, I truly like both of you, so, – он посмотрел вверх, собираясь с мыслями, прочищая голос, и довольно чи-

²⁷ Спасибо, Джон. Ты очень помог нам! Спасибо!

сто сказал, – Пожалуйста! – и звонко засмеялся, – Oh, look, he is waking up. Well, princes, see you later, – он уже практически покинул комнату, когда заглянул назад и добавил, – and, Andrew, he is lucky because he has a friend like you.²⁸

– Боже, Андрей, боюсь, что герцог вновь прав, – слабо подал голос Алексей, не отрываясь от подушки, – я действительно щедро награждён судьбой, раз у меня есть такой друг, как ты.

Слов у Андрея для ответа не было. Он был слишком взволнован, а теперь растроган, чтобы что-либо говорить, поэтому он просто наклонился и крепко обнял Алексея.

– Эй, Андрей, Россия сегодня чуть не потеряла, может быть, наследника престола! Так будь же патриотом – не души меня, – он засмеялся, освобождаясь от объятий и, отойдя от хохота, спародировал реплику Джона, – Пожалуйста!

Джон, тем временем, возвращался в свои покои, размышляя о настоящей дружбе и преданности, олицетворение которых он увидел в отношениях русских князей. Молодой герцог был крайне удивлён, что настолько разные молодые люди могли так общаться, поддерживая и дополняя друг друга. Однако, кроме дружбы, Джон заметил искреннюю братскую любовь между юношами, которая выражалась не словами, конечно, а мыслями и переживаниями обоих, реализо-

²⁸ Ох, Андрей, это было вовсе не трудно для меня. К тому же вы оба мне действительно нравитесь, поэтому, пожалуйста! О, гляди, он просыпается! Ладно, князя, увидимся позже. И, Андрей, ему повезло иметь такого друга, как ты.

вывавшихся в смелых или трепетных поступках. Проходя по коридору мимо концертной залы, Джон увидел выходящих из своих покоев Маслова и Романова старших, живо обсуждающих что-то, смело жестикулируя и смеясь. «А молодые князья, однако, похожи на своих отцов. Как же, всё-таки, это интересно: кто-то не похож на своих предков, хоть и старается, а кто-то похож, совершенно не прикладывая усилий, – подумал герцог Мортимер, но вспомнив о своём отце, мысленно добавил, – А кто-то не похож и радуется тому. Великая наука – генетика».

Но как бы не думал Джон, он был невероятно похож на своего отца внешне. Когда люди смотрели на Джонатана Уолта Мортимер, они знали, чей это сын, знали, что это носитель гордой стати и властности герцогов Мортимер, однако, несмотря на отцовские черты лица, Джон всё-таки был иным, более достойным, как выразился Андрей, человеком. Глядя в его ясные светло-зелёные глаза, можно было заметить, как энергичен и искренен этот молодой человек, изгибы губ и бровей говорили о неспособности человека этого быть подлым предателем, а твёрдые скулы и челюсти о решительности его и настойчивости. Одно отличало Джона от отца – мысль: «Нет, я не буду таким, как мой отец! Я никогда не стану гордецом и циником!»

Глава пятнадцатая.

– Мама, – шепнула тихо Александра, дёргая княгиню за

рукав, когда они пересаживались из поезда в повозку, прибывши в Москву, – почему те люди на вокзале так плохо на нас смотрели? Может быть, я сделала что-то не так?

– Нет, что ты, вишенка, они вовсе не плохо смотрели на нас, – слукавила княгиня в ответ. – они должно быть, просто не выспались за ночь. Только и всего!

– Хорошо, а то я уж подумала, что они хотят... – начала Александра, но осеклась, она поняла, что её мать схитрила, но не захотела ей об этом говорить. «Они хотят революции» – вот, что хотела сказать Алекс, но глядя в светящиеся голубые глаза своей матери, она не хотела её расстраивать, и потому промолчала.

В повозке повисла звенящая тишина, сопровождавшая наших путешественниц почти до самого конца их пути. Оглядываясь вокруг, взирая на красоту изумрудных лесов, Александра на миг позабыла свои тревоги, и песня любви и счастья полилась из её алых уст. Пока Алекс пела, её мать смотрела на неё с умилением и гордостью, и всё казалось ей светлее и приветливее кругом, красивее и безмятежнее. Вскоре вокруг кареты стали чаще и чаще мелькать люди, толпы людей. Въезжали в центр Москвы.

– Не хочется прерывать Вас, госпожа, но мы подъехали, – поворачиваясь на дрожках, сказал ямщик.

Повозка остановилась, и мать с дочерью вышли у огромного белоснежного дома, который был окружён довольно высоким кованым забором. Это был дом князя Льва Владими-

ровича Маслова, который, как известно, был человеком с хорошим вкусом, и вид дома определённо подтверждал это. Не успели Масловы оглядеться, как к ним подошли люди, взявшие вещи и проводившие их в дом.

– Оленька! – крикнула Александра, рванувшись к сестре, которая стояла у дивана в гостиной, нетерпеливо потирая руки. Княжна была одета в великолепное бежевое платье, приталенное широким поясом и расшитое кое-где золотом и камнями. Выглядела Ольга великолепно и величественно, но, когда она увидела свою семью, на лице появилось прежнее выражение беззаботности, свободы и детскости.

Обнявшись с матерью и сестрой, поплакав немного, Ольга успокоилась и просила всех присесть на диванчик, а сама лёгким движением позвала дворецкого и сделала маленькое распоряжение. Большой, блестящий самовар тут же появился на столе. За чашкой обжигающего, душистого чая разговор пошёл веселее и легче, уже слышались и смех, и шутки...

– А сегодня утром, Серж (она заливалась румянцем, называя при матери князя К. Сержем, но очень уж ей нравилось это имя, и она сквозь стыд продолжала) был приглашён на выставку Виктора Михайловича Васнецова. Он и меня звал пойти, но как же я? Ко мне дорогие мои гости приехали, – улыбнулась Ольга, рассматривая свою мать и обнимая Александру, – Но он обещал мне, должно быть скоро придет. Сергей Петрович восхитительный человек. Он обязательно

тебе понравится, Алекс, – заверила младшую сестру княжна, загибая пальцы, чтобы только что сказанное действительно обратилось в правду.

День стремительно подходил к концу, а голоса в гостиной всё ещё раздавались, может быть, даже громче и веселее, чем прежде. В полдесятого вечера дверь особняка распахнулась, и в дом вошёл князь К., отряхивая своё пальто и голову от сухого, рассыпчатого снега. В гостиной раздались быстрые шаги шести ног и тихие голоса, подавляемые глухим смехом. «Это он! – взволнованно проговорила Ольга, – Пойдёмте, пойдёмте скорее!». Из-за угла выбежали две совсем юные и одна взрослая женские фигуры. Ольга подалась вперёд, подбежала к своему жениху и обняла его.

– Серж, это моя сестра Александра, я рассказывала Вам о ней, а вот моя мать, Вы уже знаете её...

– Ольга Николаевна, – закончил Сергей Петрович, – ты, дорогая, столько о них рассказывала, что я будто знаю их всю свою жизнь, – сказал он, низко посмеиваясь. Это был невысокий коренастый человек с широкими плечами и прекрасной осанкой. Лицо его было весело, серые сильно открытые глаза игриво разглядывали гостей, брови были приподняты, а уголки губ слегка подрагивали. У князя был большой нос, гармонично смотревшийся на его по-барски крупном лице, которое обрамляла копна густых, чёрных, кучерявых волос, – Ну здравствуйте, дорогие! Безмерно рад видеть вас в Москве.

– Добрый вечер, Сергей Петрович, спасибо Вам за столь приветливое обращение с нами, – проговорила княгиня, глядя спокойно на своего будущего зятя.

– Мы поужинали без Вас, – сказала Ольга, – гости голодные с дороги были, думала, Вы раньше приедете, но потом Ваш лакей...

– Дорогая моя, прошу, забудь слово «Ваш», Вы – моя невеста, теперь у нас всё общее, – выговорил он, влюбленно глядя на Ольгу, – а теперь, позвольте решим, обращаться «на Вы» до свадьбы будем? – Ольга стыдливо улыбнулась, краснея с каждой секундой всё гуще, а сам князь К., глядя на непорочно-смущённое выражение лица своей невесты, казался ещё довольнее, радостнее и, отчего-то, красивее.

Ночь быстро сгущалась над городом, и Александре тут же наказали отправляться в спальню – готовиться ко сну. Поднявшись на второй этаж, Александра увидела средних размеров круглую комнату, в которой, помимо всех обычных для спальни вещей, стояло фортепиано. Стены, открашенные в бледно-фиолетовый, были покрыты многими картинами, пейзажами, в основном. Потолок был также расписан, из-за чего создавалось впечатление купола. Видимо комната эта была одной из любимых у прежних хозяев. На фортепиано стояло два бронзовых канделябра с давно оплавившимися, запыхившимися свечами. Над инструментом висел единственный в комнате фотографический портрет. Не молодая, красивая женщина, одетая в пышное бальное платье, стоя-

ла, грациозно развернув плечи, и смотрела темноволосого мужчину с густыми, причёсанными бакенбардами, который не грубо, не нежно, но скорее несколько серьёзно взирал на неё в ответ, сжимая в большой грубой ладони белую, маленькую ручку жены. «Он всё-таки хороший, хоть и слишком милый, – подумала Александра о Сергее Петровиче, глядя на счастливую пару своих предков, – зря я так плохо о нём думала». До этого момента Алекс действительно скверно думала о князе К., потому что была уверена, что он отбирает у неё сестру, но сейчас она видела, как княжна счастлива с ним, и как он любит её, и потому сама была счастлива.

Позже, когда Александра уже ложилась спать, к ней в комнату зашла Ольга, румяная и улыбающаяся.

– Ну что, сестрёнка, вот мы и одни! – прошептала она, присаживаясь на постель к княжне, – Как жизнь в Царском Селе? Как девочки? Рассказывай, рассказывай же!

– Оленька! – вскрикнула Алекс и прилегла на колени сестре, – Ты готова слушать? Потому что сей рассказ длиною в ночь! – девочки засмеялись, и Александра начала своё повествование, начиная с приезда в Царское Село.

–...а потом Олег и говорит: «Я научу тебя стрелять из револьвера. Держала когда-нибудь такой в руках?» и достает наган. А у меня и свой наган есть, который мне Николай Александрович подарил, помнишь? так вот я рассмеялась и говорю: «из такого мы и сами можем, ты меня лучше драть-ся научи».

– И что же? Научил? – спросила Ольга, смеясь.

– Научил, а как иначе, ты ведь знаешь, дружок, я, если хочу чего, так и мёртвого подниму. Всё бы ничего, только Ольга зашла в комнату и говорит: «Как тебе не совестно, Олег! Не женское это дело – руками махать» ...

– Ну, так и права Ольга, – высказалась княжна, строго качая головой, – я таким же манером сказала бы. Тоже мне, нашли развлечение!

– Ты слушай, – буркнула возмущённая тем, что её перебили Алекс, – Ольга ушла, а я говорю Олегу: «будь тут сестра моя, точно самое же сказала бы»!

– А Олег что?

– А что он? Он согласился и сказал, что ты знатная зануда. Вечно им в детстве всё веселье разрушала.

– Что?! – возмутилась Ольга, – Да он сам меня в детстве просил всех разгонять, чтобы только со мной наедине остаться!

Александра удивлённо повернулась к Ольге и вопросительно выпучила глаза, приподняв белёсые брови. Княжна, осознав, что сказала лишнего, неловко отвела взгляд.

– Так что ты думаешь про московские леса? – попыталась сменить тему она – Они прелестны, не правда ли?

– То есть ты и Олег, – пропищала Александра, тихо подползая ближе к сестре, – вы с Олегом...

– Никакого «вы с Олегом» не было. Была просто я, и был просто он и ничего кроме.

– Так вот почему он столь расстроился, когда услышал о твоей свадьбе, – воскликнула Алекс, потирая лоб, – Должно быть, он всё ещё влюблён в тебя, – добавила она шёпотом.

– Нет, Александра, это давно уже кануло в Лету, – грустно вздохнула Ольга, глядя куда-то вдаль, – А Владимир что? – спросила, как бы опомнившись, она.

– Владимир? Володя просто прелесть! Он самый лучший в мире человек. В свой День Рождения он помогал отцу и Николаю Александровичу подготовиться к поездке, никого не держал при себе и, по-моему, даже не обращал внимания на свой праздник. После того, как он уехал, я очень грустила и скучала по нему, однако он пишет мне письма, и от этого у меня как-то веселее на душе становится. Ольга сказала, что он настроен решительно, и что он до жути похож на «её Митеньку». Пожалуй, что это хорошо, хоть я и не знаю, кто это такой.

– Митенька? – переспросила Ольга, задумавшись, – Митенька... Ах, как я могла не понять сразу. Это Дмитрий, – она во все глаза смотрела на Александру, ожидая её реакции, которой, впрочем, абсолютно не наблюдалось, – брат Владимира, Дмитрий Павлович!

– Брат Володи? А почему Ольга сказала, что он её?

– Наша Ольга была помолвлена с Дмитрием Павловичем, они любили друг друга, но Димитрий не любил Распутина, о чём, не скрывая, говорил вслух. Ты, конечно, знаешь, кто такой Распутин, да? – Александра покачала головой, –

Алекс, как же так? Григорий Ефимович Распутин – приближённый Александры Феодоровны, она его просто обожает. Так вот, узнав, что Димитрию не по душе Распутин, императрица расторгла помолвку и не дала своего благословения на свадьбу дочери с князем Дмитрием.

– Как же так?! – вскакивая на кровати, вскрикнула Александра, – Они же любят друг друга! Неужели они теперь не общаются?

– Нельзя так просто перестать общаться, Алекс, – улыбнулась печально Ольга, – общаются, конечно, просто теперь им приходится скрывать свои отношения и переписку.

– И они всё так же общаются, хоть и не могут видеться? Это невозможно! – заключила Александра, вновь садясь на кровать.

– Всё возможно, Алекс, когда дело касается любви, – шепнула Ольга и поцеловала сестру в лоб, – Уже поздно... Спокойной ночи, вишенка, сладких-сладких снов.

Ольга вышла быстрым шагом из комнаты сестры, озираясь по сторонам, волнуясь, будто, как бы кто не заметил её, а Александра долго ещё лежала без сна. «Великая сила – любовь, с какой стороны не взгляни, – подумала княжна, – Как же хорошо, что она остаётся в этом мире».

Глава шестнадцатая.

Отсидев весь день двадцать седьмого января в кабинетах, слушая, записывая, запоминая, в конце концов, дипломатические переговоры между монархами и их «заместителями»

из двух стран, молодые князья довольно сильно устали сидеть на месте, и потому с радостью согласились на предложение Джона прогуляться по «настоящему» Лондону, без посторонних глаз и умов, по-простому. Потому Андрей и Алексей сменили свой образ, используя одежду, которую передал им Мортимер.

–Great! – воскликнул Джон, потирая руки, – You look like British now. So, let`s go and find a true spirit of London.²⁹

Князья кивнули в знак согласия, и молодые люди все вместе вышли из непосредственных владений британского монарха и отправились на ночную, тихую и подающую велико-лепные надежды прогулку.

– Куда мы идём? – немного недоверчиво спросил у Андрея цесаревич, – Джон говорил тебе что-нибудь?

– Я иду ровно за ним, – ответил Андрей, с наслаждением вдыхая морозный воздух, – а что ты у него сам не спросишь?

– Я не знаю, неудобно как-то после того случая, – Алексей сжал свою руку и конфузливо убрал её за спину.

– Отчего же? Он тогда здорово нам помог, – возразил князь Маслов, кивая одобряюще на Джона, который шёл слегка впереди, постоянно поглядывая куда-то направо.

– Да, и я ему весьма благодарен за то, – он глубоко вздохнул, будто набираясь духу сказать что-то, – просто он видел меня слабым, – выпалил Алексей и опустил голову, устремив

²⁹ Потрясающе! Теперь вы выглядите, как настоящие британцы. Итак, давайте пойдём и увидим настоящий дух Лондона, (англ.)

взгляд свой прямо на заиндевелый, похрустывающий под тяжестью ног грунт.

– Алексей, – Андрей приостановился, – с каких пор это волнует тебя? К тому же это вовсе не слабость была, а слегка трагические обстоятельства, да?

Алексей долго думал, а потом выдохнул и спокойно согласился:

– Да.

Пока юноши шли по освещённым фонарями улицам Лондона, шёл лёгкий снег. К восьми вечера люди, просидевшие весь день в домах, на работе, в учебных заведениях, вышли на волшебные зимние улицы, оживляя их, придавая пустым кварталам теплоту и необычный уют, какой ощущается особенно сильно в холодное зимнее время. Чем дальше уходили юноши от центра, тем меньше машин и построек они видели вокруг себя, здесь был уже не тот город, а «настоящий» Лондон, который и был обещан русским путешественникам Хэмпширским герцогом.

– Voilà! Vous vous rincez l'œil!³⁰ – возгласил Джон, раскинув руки и поворачиваясь вокруг себя, – Wait, you will definitely understand everything in a moment!³¹

Повернули направо, и князьям открылась великолепная неопишуемая на бумаге панорама: пруд, окруженный притихшим английским парком, в котором в холодном свете улич-

³⁰ Вот! Любуйтесь! (фр.)

³¹ Подождите, сейчас вы всё поймёте. (англ.)

ного фонаря не жились пары и семьи; вокруг воды, покрытые снегом, таились маленькие деревца и низенькие, будто притягиваемые странною силою к земле кустарники; далеко на горизонте, виднелись старинные каменные стены монастыря, а из колокольни под самым небом, тяжёлым и хмурым, исходил звон, попеременно смолкающий и возобновляющийся вновь с новой силою и громкостью.

– This is my favourite place in London³², – тихо подал голос Джон, с грустной улыбкой глядя на застывшую гладь пруда.

– Ух, ты! – выдохнул Алексей, подходя ближе к Джону, – It is, it is, – от восторга он не мог подобрать слова, – delightful³³, – наконец вымолвил он.

– I am glad you like it³⁴, – сказал Джон, кладя свою руку на плечо цесаревичу и улыбаясь ему.

Присели на скамейку поближе к воде. Джон с Алексеем разговаривали негромко на разнообразные темы, весело поглядывая друг на друга. Андрей сидел особняком, рассматривал природу, окружающую его, архитектуру, людей. Вот прошли две молодые, весёлые девушки. Заметив молодых людей, они взглянули на Джона, кокетливо похлопали глазами и, немного отойдя, звонко расхохотались, переглянувшись. Алексей повернулся и немного растеряно посмотрел на герцога. Тот только развёл руками в ответ, мол, «я ничего

³² Это моё любимое место в Лондоне. (англ.)

³³ Это, это восхитительно! (англ.)

³⁴ Я рад, что вам нравится. (англ.)

не знаю». На самом деле, Джонатана Уолта Мортимер знал весь Лондон и его окрестности. Этот молодой человек числился одним из самых знатных и завидных холостяков Великобритании в перспективе, однако сам он об этом, хоть и знал, никогда всерьёз не думал, потому и сейчас довольно искренне был удивлён. Однако мы отвлеклись от Андрея, который, совсем отвернувшись от собеседников, наслаждался всем великолепием вечерней природы, умиротворённо и весело поглядывая вокруг себя.

– Dhappa! – послышался откуда-то весёлый детский крик, – Mummy, Dhappa!³⁵

Маленькая рыжая девочка выбежала из-за дерева и, смеясь, «застукала» в игре в прятки свою мать, и та вновь начала считать, а ребёнок со всех ног бросился искать новое укрытие для себя. Вскоре она подбежала к лавочке, на которой сидели наши герои.

– Hush!³⁶ – попросила она, игриво глядя на Андрея, который одобрительно кивнул ей в ответ.

Долго она просидела там, почти не шевелясь, а её мать в это время, широко улыбаясь, усердно делала вид, что она не видит девочки, притаившейся за спинами юношей. Вот мама отвернулась и ребёнок, выбрав довольно удачный момент, подпрыгнул резко и побежал к матери, которая, развернувшись, кинула хорошо слепленный снежок в своё ди-

³⁵ Тук-тук, мамочка, тук-тук! (англ.)

³⁶ Тсс (англ.)

тя. Девочка звонко засмеялась и бросила ком снега в ответ. Началась снежная битва, и вот большой, исправно слепленный снежок прилетел прямо Джону в голову. Повисла пауза. Женщина остановилась и закусила губу, подбирая слова для извинения, когда Джон громко засмеялся и вскочил с лавочки, взяв снега в руки.

– Come' on, princes! Take a break!³⁷ – крикнул он, кидая в мальчиков снежки.

И абсолютно незнакомые друг другу люди подбегали к нашим играющим в снежки мальчикам, маленькой девочке и её матери и присоединялись к игре. По одежде их было видно, что это были люди всех классов и социальных положений. «Какие открытые люди! – подумалось Андрею, – Просто потрясающе!» Но ком снега, прилетевший ему прямо в лицо, прогнал все мысли прочь, оставляя за собой только азарт и веселье.

Уже поздно ночью вернувшись домой, промокшие и озябшие, мальчики, получив выговор от родителей, попрощались с Джоном, так как на следующий день был назначен отъезд, и отправились в спальню.

– Лично я всё-таки буду скучать по Джону, – сказал Алексей, – сегодня я это явно осознал.

– Да уж, – кивнул князь Маслов, – но мы точно не расстаёмся надолго. Уверен, совсем скоро Россию потрясёт приезд герцога Хэмпширского Джонатана Уолта Мортимер.

³⁷ Ладно вам, князья! Возьмите перерыв! (англ.)

Глава семнадцатая.

Проснувшись утром, Александра не услышала ничего. Была только сплошная тишина вокруг неё. Часы уже были девять, но жильцы белоснежного дома на улице Воздвиженка не подавали никаких признаков активности. Сначала Александра немного испугалась, но после подумала: «Чего же здесь странного? В воскресенье людям полагается долго спать». Успокоившись окончательно и понежившись в мягкой постели ещё пару минут, Алекс встала, оделась в домашнее синее платье и бесшумно вышла из своей комнаты. Миновав два лестничных пролёта, она услышала тихие голоса, доносившиеся снизу, и поспешила туда. Пока она шла, громкость разговора усиливалась, и княжна стала узнавать обладателей голосов. Александра ускорила шаг и стремительно вошла в гостиную, где на диване, попивая лениво утренний кофе, сидели князя Сергей Петрович К. и Владимир Львович Маслов.

– Папа! – довольно громко крикнула Александра, рванувшись к отцу, который прервав разговор, поднялся радостно и распахнул руки для объятий с дочерью, выходу которой, явно, был безмерно рад. Наобнимавшись вдоволь, Александра, не отрываясь от отца, подала тихо голос, – когда же вы вернулись, папа? Когда же? Мы так волновались, что вы не успеете приехать в срок.

– Вишенка моя ненаглядная, неужели ты могла вырасти, за то короткое время, что я отсутствовал? – спросил князь,

игнорируя вопрос дочери и глядя на своего оппонента, мол: «Вот так вот дети растут!» Казалось, князь вовсе не хотел отвечать на поставленный Александрой вопрос, но, поймав недовольный взгляд своей юной собеседницы, покорно ответил, глядя на часы, – Да два часа уж, как приехали. Мальчишки спать отправились, умаялись, бедняги, в дороге, а вот меня никчёмная привычка пить утром кофе подняла с постели и привела сюда, где мой прелестный будущий зять любезно согласился составить мне компанию. А ты чего не спишь, Сашенька, или мы разбудили тебя ненароком?

– Нет, папа, что ты, – качнула головой Александра, заглядывая потихоньку, в чашку отца, – вы так тихо сидели здесь, что я даже подумала, что никого в доме вовсе нет.

– Хорошо, – вздохнул отец, облокачиваясь на спинку дивана, – я слышал, что вся семья наша в сборе уже...

– Точно так, – перебила его Александра, – Наталья приехала двадцать седьмого января, она без мужа, так как тот занят по службе, жаль, я хотела познакомиться с ним; позавчера приехала Елена, а вчерашнего дня прибыли Романовы, так что вас только ждали. Мама уж второй день ходит вся на нервах. Вчера вообще сказала, что коли ты прибыть не изволишь, так она одна под венец Олю поведёт, а потом так расстроилась, что заплакала даже.

– Заплакала?

– Точно, да так горько, что мне самой рыдать захотелось, – протянула Александра, театрально поддельвая голос плачу-

щего человека.

– Ох, пойду лучше к ней, – выговорил смущённо князь Владимир, и ушёл в спальню к своей жене.

Александра осталась на кухне одна с князем К., который долго смотрел на неё, собираясь что-то сказать.

– D'accord,³⁸ – наконец, сказал он, – Александра, мне показалось, что Вы неодобрительно относитесь к моему союзу с Ольгой, и я весьма сильно хотел бы узнать... почему?

– Сергей Петрович, – довольно серьёзно вступила Алекс, – буду с Вами откровенна: сначала я действительно относилась к Вам недостаточно хорошо, однако сейчас Вы мне нравитесь, – проговорила она, улыбаясь, но вдруг осознав двусмысленность сказанной ею фразы, добавила, – нравитесь, как будущий Ольгин муж.

– То есть Вы не имеете ничего против? – спросил он, шурясь, лишь для того, чтобы быть уверенным до конца.

– Никак нет! – ответила девочка так, как учил её Олег, положив руку на сердце, – клянусь.

В это время Владимир Львович уже зашёл в спальню и беззвучно любовался мирной красотой его любимой княгини Ольги, которая мерно посапывала, лёжа на боку. Её спальный чепец был практически снят с головы, потому виднелись тонкие белые локоны волос, в беспорядке разбросанные по белоснежной подушке. Через несколько минут княгиня перевернулась на спину, шумно вздохнула и, распахнув

³⁸ Ладно (фр.)

свои голубые глаза, долго лежала, глядя в потолок, не замечая своего мужа, который стоял тихо у дверей не в силах сделать и шагу. Поднявшись с кровати Ольга Николаевна подошла к окну и долго смотрела на прелестный сад, окружающий дом, когда шорохи и медленные шаги позади заставили княгиню резко обернуться. Сделав разворот и увидев своего мужа, княгиня Ольга на минуту застыла, будто испугавшись, но после быстрыми шагами подошла к Владимиру Львовичу и крепко обняла его, приговаривая: «Как я волновалась! Боже мой, какое счастье!» После минуты нежности, княгиня немного отошла от своего мужа и, гневно взглянув на него, начала наступать.

– Скажите, Ваше сиятельство, неужели было так сложно сообщить нам, каким-то там родственникам, что Вы задерживаетесь? – заметя боевой настрой жены, князь начал медленно ретироваться, – Вы же чуть не сорвали главное событие в жизни дочери Вашей, или, может быть, Вам всё равно?! У Вас имеются дела поважнее?! Так уходите, никто Вас не задержит более! – вскрикнула она, указывая на дверь и отворачиваясь от мужа.

– Свет мой...

– Не надо оправданий! Живу, как вдова при живом муже. Вы хоть можете вообразить, что чувствует сердце, когда ты не знаешь, жив ли твой сын, твой муж? Я уж подумала... – голос её оборвался, она села на кровать, и слёзы хлынули из глаз её.

– Душенька моя, – мягко начал князь, подходя к супруге и нежно обнимая её за подрагивающие хрупкие плечи, – Оленька, прости ты меня, не подумал о вас, знал, что успеем в срок, – Ольга Николаевна отвернулась от мужа, мягкой белой рукою отстраняя, как бы, мужа от себя, – Ну же, светик, я так скучал по тебе, мчался домой на всех парах, только бы любимую мою жену увидеть, – княгиня повернула к Владимиру Львовичу покрасневшее лицо и грустно посмотрела на него.

– Я просто так волновалась, – прошептала она и заплакала снова, теперь обнимая своего любимого мужа.

– Ну же, буде, я ж здесь, и Андрей здесь. Посапывает тихо в своей кровати. Хватит печалиться, Оля, улыбнись!

И княгиня послушала мужа, не в силах больше гневаться и губить душу свою переживаниями. Как и любой матери в данной ситуации, ей хотелось скорее увидеть сына, но будить уставших детей княгине было не под силу, и потому она, переодевшись, вместе с мужем спустилась вниз, где уже накрывали стол для завтрака. В столовой сидели уже не только Александра и князь К., но и Ольга, которая сидела рядом с женихом и не могла оторвать от него полных любви глаз; Елена, привыкшая в институте рано вставать, если половину десятого вообще можно назвать ранним временем; и ожидающая ребенка Наталья, которую подняла бесконечная утренняя тошнота.

Когда в столовую вошли князь и княгиня Масловы, все

оживились, увидев только приехавшего отца и повскакивали со своих мест. Первой к отцу подбежала Наталья, которая дольше всех не виделась с ним.

– Папа! – громко крикнула она и бросилась к нему на шею, – как Вы хороши! Как я соскучилась.

– Наташенька, девочка моя, – медленно проговорил князь, разглядывая свою старшую дочь, – как повзрослела! Как похорошела, – сказал он, глядя на живот её и хитро улыбаясь, – ну вот! Растёт наш первый внук! – засмеялся он.

– Да, дружок, – сказала княгиня, – скоро мы официально будем считаться стариками.

Все засмеялись

Следующей к отцу подошла Елена и, предварительно сделав реверанс, так же обняла его:

– Bonjour, papa!³⁹ За время моего отсутствия Вы ничуть не изменились.

– Елена, что за церемонность! – улыбнулся гордо отец, – Гляжу, вас совсем замучили в институте. Безобразие! А ты, однако, похудела, неужели вас и не кормят там?

– Отчего же не кормят? Просто я думаю, что в современном мире непременно нужно следить за фигурой, только и всего.

– У нас растёт модница, – шутя отворачиваясь, сказал княгине Владимир Львович, – Чудесно! Просто чудесно!

Елена задержалась у отца слишком долго, заведя абсо-

³⁹ Добрый день, папа! (Фр.)

лютно лишнюю в данный момент светскую беседу, и потому Ольга не вытерпела и обняла отца своего сзади.

– Папочка, я так рада, что ты приехал! – прощепетала она, немного отталкивая Елену, которая, ничуть не обидевшись, вернулась на своё место за столом, – Я же говорила маменьке, что Вы успеете, – она вновь обняла отца.

– Да как я мог не приехать? – удивился он, – ведь у моей дочери завтра свадьба, а мне нужно её до алтаря довести, и тогда мы с матерью вашей станем ещё свободнее.

– Да что ты говоришь такое! – начала княгиня, но взглянув на смеющееся лицо мужа, поняла, что это была лишь шутка, – Шут! – вскрикнула она, вскидывая руки.

Когда приветствия закончились, все приступили к завтраку, который уже почти остыл, дожидаясь своих потребителей. Однако, видимо, судьба не сулила ему быть съеденным, так как через несколько мгновений по лестнице, зевая, но при полном параде спускался тандем «АА», и потому приветствия повторились вновь. Закончив, наконец, голодные жильцы жадно принялись за пищу, а Андрей и Алексей, устроились по обе стороны от Александры.

– Знала бы ты, Саша, сколько нам надо тебе рассказать! – многозначительно глядя на свой поднятый вверх палец, проговорил Андрей.

– Ты такого в жизни не слышала, говорю тебе, sensation!⁴⁰ – поддержал его Алексей.

⁴⁰ Сенсация! (англ.)

– Такооооооо... – протянул Андрей

– Что тебе и во сне не снилось, – закончил фразу цесаревич.

Александра в это время, заинтригованно закусив губу, смотрела по очереди то на одного князя, то на другого.

– Такооооооо... – повторил Андрей.

– Ну, хватит! – резко оборвала Алекс, хватая брата за подбородок, – Говорите!

– Не здесь, – прикрывая рот рукой, шепнул Алексей, и кивнул головой в правую сторону, как бы предлагая удалиться, – сначала ты иди, мы за тобой.

Александра сделала недовольную гримасу и, поблагодарив всех за завтрак, вышла из-за стола, направляясь в гостиную, которая находилась именно там, куда кивал Алексей. Прождав мальчишек несколько минут, Александра начала терять терпение и беспокойно ходить по комнате.

– Спокойно, сестра, – промолвил Андрей, заходя в комнату, – спасители твоей рутинной серой жизни здесь.

– Что у вас там, спасители? – саркастично спросила Александра, закатывая глаза.

– Она несерьёзно к нам относится, друг, – сказал Андрей, разворачиваясь и глядя на Алексея, – Уходим.

– Ладно, я серьёзна! Очень серьёзна, – повторила Александра, сжимая зубы, чтобы не наругаться на своих друзей. Андрей развернулся к ней и долго смотрел ей в глаза.

– Так-то лучше, юная леди! – изрёк он, наконец. И они

с Алексеем подошли вплотную к княжне и шёпотом заговорили, – Мы твой заказ, между прочим, привезли, – он значительно выгнул бровь, – Вот! – Андрей достал из-за спины среднего размера чёрную коробочку, перевязанную подарочной лентой.

– Андрей? – Алекс удивлённо посмотрела на своего брата, потом на Алексея, – Лёша? Что в ней?

– Сама посмотри, руки, поди, имеются, – Александра недоверчиво сощурилась на брата и взяла коробку. Успев только слегка приоткрыть подарок, Александра захлопнула крышку и завизжала от восторга, – Мальчики! Именные патроны для нагана! Где вы достали их? Я даже и подумать не могла, Боже мой! – она обняла обоих мальчиков и снова открыла коробку, чтобы как следует разглядеть подарок.

– Ну, – начал Андрей, – «Как? Как?». У нас свои связи, да? – Алексей, улыбаясь, кивнул, – Ну, ладно, раз тебе так интересно, нам помог сам герцог Хэмпшира Джонатан Уолт Мортимер, – осознав по лицу сестры, что она понятия не имеет, кто это, добавил, – стыдно, Александра, стыдно не знать таких людей!

Закончив свою саркастичную тираду, тандем «АА» рассказал Александре про поездку и про Джона, конечно.

– Когда будете писать вашему Джону, – сказала Алекс, прижав коробочку плотно к груди, – передайте ему спасибо от меня.

– Можешь и сама написать, – съязвил в ответ князь Мас-

лов, но заметив негодующий взгляд сестры, развёл руки, – да не смотри так на меня. Ладно, передам, что уж.

На этом моменте аудиенция тандема «ААА», если можно, шутя, конечно, так выразиться, была прервана спуском к завтраку Романовых. Алексей с Андреем отправились здороваться со всеми, а Александра осталась сидеть на месте. «Кто же на самом деле такой этот Джонатан Уолт Мортимер? – подумала она, – Человек, должно быть, действительно стоящий, раз мальчишки так лестно о нём отзывались».

Глава восемнадцатая.

На следующий день вся элита Москвы только и говорила, что о свадьбе княжны Масловой с князем К., потому и свадьба оказалась гораздо более многолюдной, чем того ожидалось. Первой в день этот важная проснулась Ольга, которая плохо спала у себя в спальне, всю ночь думая о своём скором будущем. Выглянув в окно, она увидела рассыпчатый снег, покрывающий землю и весело поблёскивающий на утреннем солнце, и порадовалась, что погода благоволит ей. Ольга волновалась так, что руки её потрясывались, когда она вновь рассматривала своё подвенечное платье, сшитое для неё на заказ в Париже и привезённое оттуда лишь неделю назад. «Боже мой, почему же так волнуюсь я? Ведь я люблю Сержа и хочу за него выйти, – думала княжна, когда слушала, как шумно кровь течёт по венам, и как быстро и неровно бьётся её сердце, – Не понимаю. Я всегда жила в большой

и дружной семье, а теперь, что же, неужели боюсь завести свою собственную? Боюсь ли я ответственности или, может быть, так и должно быть перед свадьбой? Как быть мне?»

Ответить на вопросы испуганной невесты пока никто не мог, потому она и чувствовала себя в ловушке, находясь в западне своих собственных мыслей. Однако отвлечёмся от Ольги и рассмотрим великолепное белое платье, которое доходило до самого пола, переходя в шлейф сзади; рукавов у него не имелось, на спине виднелся неглубокий вырез, слегка оголяющий лопатки. Там, где ткани не было, платье было расшито жемчугом и серебром, которые должны были переливаться на солнце среди белых снегов. Платье должно было сесть идеально по фигуре невесты, которая тихо сидела у зеркала и глядела на свои красивые белые плечи, ещё оголённые и не до конца распрямлённые после сна, когда дубовая дверь, тихо скрипнув, распахнулась, и в комнату вошла женская фигура.

– Проснулась уже, Оленька? – спросила княгиня Маслова, подходя к своей дочери, – я гляжу, предсвадебная лихорадка одолела тебя, – сказала она. Княжна удивлённо посмотрела на мать через зеркало.

– Мама, как Вы...

– Поняла? Чтобы понять, что с тобою, достаточно лишь посмотреть в твои глаза, – выговорила она, заплетая волосы дочери в лёгкую косу, – милая, они выглядят так же, как и мои выглядели когда-то. Знаешь, доченька, я тоже боялась

выходить замуж за твоего отца, и дело не в том, что я не любила его, нет. Я очень любила князя Маслова, как люблю и по сей день, однако беспокойно было, отчего-то, на душе у меня. Сейчас, глядя с высоты прожитых мною лет, понимаю, что волнение перед чем-то новым, неизведанным доселе – нормальное явление, потому я пришла сюда, девочка моя, чтобы поддержать тебя, чтобы не дать твоему одиночеству стать на пути твоего счастья.

– Мама! – Ольга обняла свою мать и долго не могла разомкнуть своих объятий.

Немного погодя, Ольга Николаевна высвободилась из пут дочерней нежности и, приняв серьёзный вид, отправила свою дочь в ванную, чтобы та приняла душ и освежила голову пред предстоящим событием. Когда Ольга вышла из уборной, её комната уже была полна людей, которые ожидали княжну, дабы подготовить её к свадьбе.

– Теперь отдайся мастерам своего дела, дочка, – кивнула княгиня, присаживаясь рядом с Ольгой, взяв её за руку, – а я с тобой посижу.

Ко второму часу дня все и всё было готово для свадьбы. Усадьба князя Маслова была живописнее любого красивого места в Москве, и здесь имелся маленький, но довольно оживлённый приход, решили провести церемонию венчания дома, не выезжая никуда. Все персоны, сопровождающие жениха, отправились в церковь, дожидаться появления невесты там, а те, которые были закреплены за Ольгой, остались в

особняке, стоя внизу и нервно поглядывая на лестницу. Надо сказать, что в доме остались все сестры невесты, мать и Романовы в женском составе, то есть, равным счётом, девять человек. Все дамы были одеты в пышные кремовые платья, одинаково сшитые для всех. Больше всего, казалось, свадьбы ждала Анастасия, которая уже не могла усидеть на месте, мечась по комнате, и, тем самым, нарушая покой окружающих её девушек.

– Довольно, кубышка, прекрати глаза мозолить, – громко сказала Мария, останавливая сестру и крепко впиваясь пальцами в её плечо, – не ты, поди, замуж-то выходишь. Так сядь! – Мария проснулась в тот день в ужасном расположении духа, её выводила из себя даже любая мелочь, потому-то она и была столь груба со своей сестрой.

– Мария! – нравоучительно вступилась за младшую дочь Александра Феодоровна, – все мы переживаем в этот ответственный день за Ольгу Владимировну, но всё же, я бы попросила Вас быть сдержаннее, юная леди!

– Да, mother, – недовольно буркнула Мари и села на диван. Вдруг скрипнула дверь наверху, и послышалось постукивание нескольких пар каблучков о деревянный пол. По винтовой лестнице церемонно спускалась княжна Ольга, ведомая под руку своей матерью. Выглядела невеста восхитительно: необыкновенное платье струилось, спускаясь шлейфом по ступеням вслед за идущей девушкой; еле видные из-под платья ноги были обуты в чудесные белые туфли, на руки бы-

ли надеты белые шёлковые перчатки, а голову, заплетённую и превосходно украшенную, покрывала длинная белая фата, которая, как и платье, летела за невестой и закрывала её взволнованное, бледное лицо. Когда ожидавшие выхода дамы увидели княжну, они хором ахнули и принялись хвалить красу девушки. Ольга Николаевна отправилась просить кареты, когда сёстры и друзья окружили Ольгу, не в силах налюбоваться её красотой.

Кареты были поданы, все расселись по местам и поехали до церквушки, в которой их уже ожидали гости и непосредственные участники венчания. Тишина. Слышен лишь тихий говор людей. Князь К. стоит возле алтаря и ждёт начала церемонии. Вот подъехали кареты, которые так долго были ожидаемы. Владимир Львович, ждущий появления дочери, которую он должен был вместе с женой, конечно, довести до алтаря, начал уж волноваться, когда двери распахнулись, и вместе со снежным вихрем в прихожую комнату вошли прибывшие. Девушки тихо начали расходиться по своим местам.

– Ну, что, пока ещё княжна Маслова Ольга Владимировна, что чувствует сейчас твоё сердечко? – спросила Александра, подходя к сестре.

– Я не могу разобраться, – ответила она, чуть ли не плача, – много чего.

– Это хорошо, когда человек чувствует массу вещей одновременно, – произнесла Алекс, обнимая сестру, – Это и

делает его человеком, я думаю, – добавила она и, улыбаясь, прошла в зал.

– Боже мой! – воскликнул князь Владимир, когда все разошлись, и он смог разглядеть дочь как следует, – Господи! Неужели я пойду к алтарю в окружении таких красавиц? Да меня же засмеют! – улыбнулся он.

Люди в зале почувствовали приближение начала и разволновались. Никому не сиделось на месте, когда оркестр заиграл церемониальную музыку. Ольга Николаевна разнервничалась, стоя рядом с мужем и дочерью, которая побледнела как снег, глядя на всех тех людей, которые ожидали её появления, потому княгиня стала поправлять и без того идеальные одежды.

– Ну, что, дочка, готова к новой жизни? – спросил отец, подхватывая княжну под руку. Та медленно кивнула, – Что ж, тогда идём! – весело объявил он, отдёргивая штору, отделявшую их от людей, и ступая на ковры.

Нельзя сказать, как долго шли они к алтарю, но Ольге показалось, что прошла целая вечность до того момента, как отец и мать поцеловали её щёки, и её ладони оказались в больших и крепких руках князя Сергея. Он смотрел на свою невесту, не переставая улыбаться, оттого и Ольге стало радостнее, и губы её растянулись в мягкой, робкой улыбке. Не успела княжна моргнуть и глазом, как она стояла уже безмерно близко к князю К., который медленно и нежно снимал с неё белую, пышную фату. Глаза Ольги закрылись, а губы

почувствовали сладкий вкус поцелуя. Перед людьми стояла теперь молодая княгиня Ольга Владимировна К.

.....

– Ну и лицо у Ольги было, пока она стояла у алтаря, – шепнула Александра Андрею, когда те после окончания церемонии стояли в полной людми гостиной дома.

– Знаешь сестра, у тебя всегда лицо такое, когда ты с Владимиром разговариваешь, – съязвил князь, – должно быть, это у вас глубоко семейное! Кстати, а где он? – спросил Андрей, – где Владимир-то? Я думал, что они с Олегом придут на свадьбу.

– Да, должны были, однако не сложилось что-то у них, то ли с учёбой, то ли с дорогой, – Александра грустно поглядела на кольцо, которое воплощало все её надежды и мечты, то самое кольцо, которое подарил ей на Рождество Владимир, – но знаю одно, что двадцать третьего апреля они точно придут на праздник.

– Двадцать третьего апреля? – переспросил Андрей, – А что за праздник-то? Неужели кто-то ещё замуж выходит? – решил пошутить князь, но заметив недовольный и немного гневный взгляд сестры, добавил, – да знаю я, что у тебя день рождения! Тоже мне великая дата! Что теперь и пошутить нельзя?

– Шутите, князь, пока живы, шутите! – недовольно проговорила Александра.

– Я моложе Вас, княжна, так что дольше жив буду! – вы-

крикнул Андрей и побежал, чтобы ненароком не попасть под горячую руку импульсивной сестры. Забежав за угол, он наткнулся, случайно, на Алексея, который, скучая, бродил по дому, не зная, чем себя занять, – Друг мой, чего мы скучаем? Неужели тебе нечем заняться? У тебя четыре сестры, Алексей, у тебя просто не может быть скучных дней!

– Эх, Андрей, сёстры есть, а всё-таки скучно! Сейчас бы, как в Лондоне, прогуляться по вечерней Москве, подышать свежим воздухом, – мечтательно проговорил цесаревич, глядя куда-то вдаль.

– Действительно, отчего бы и не прогуляться? – вскинул брови Андрей и хитро глянул на друга.

В общем, воспользовавшись всеобщим весельем, два молодых князя улизнули из дома и отправились гулять по вечернему зимнему городу, даже не подозревая обо всех непредвиденных и не очень приятных ситуациях, которые могли бы ожидать их на променаде.

– Хорош зимний воздух, – шумно вдыхая, проговорил князь Маслов, когда молодые люди отошли достаточно далеко от дома.

– Точно, – ответил Алексей, – и красота вокруг, – он обернулся, разглядывая окрестности города, – но это ведь только начало. Пойдём подальше от центра, туда, где жизнь настоящая и простая, – Андрей радостно кивнул, и мальчики отправились на восток.

Проходя всё дальше и дальше вглубь города, князя заме-

чали, как Москва теряет свои краски, становится менее приветливой и радостной, но более мрачной. Люди, находящиеся на улицах, искоса смотрели на празднично и богато одетых мальчиков, переглядываясь и перешёптываясь. Улицы здесь были грязные и пустые, а дома полуразрушенные и холодные. Андрей подошёл к стенам зданий, на которых были расклеены какие-то свеженапечатанные листовки, и сорвал одну. Это был агитационный плакат такого содержания:

«ТОВАРИЩИ! ОСТАНОВИМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ТИРАНИЮ И БЕСПРЕДЕЛ! РЕВОЛЮЦИЯ – ПУТЬ К СЧАСТЛИВОМУ БУДУЩЕМУ НАРОДА. РАБОЧИЕ! ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ МОЖНО ПРОЛОЖИТЬ НАДЁЖНЫЙ ПУТЬ К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ БЕЗ ГОЛОДА И САМОДУРСТВА САМОДЕРЖАВИЯ. КРЕСТЬЯНЕ! ТОЛЬКО ТРУДОМ МОЖНО ПРИЙТИ К ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРСТВУ, В КОТОРОМ НЕТ МЕСТА НИЩЕТЕ И РАЗРУХЕ. ТОВАРИЩИ, ТОЛЬКО БОЛЬШЕВИКИ ПРИВЕДУТ ВАС К РЕЗУЛЬТАТУ! ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! РЕВОЛЮЦИИ ДОРОГУ!»

– Господи, Алексей, ты только взгляни на это, – вымолвил тихо Андрей, с опаской озираясь по сторонам, глядя на развешанные повсюду плакаты и протягивая царевичу листок, – я думаю, нам нужно скорее уйти отсюда, – он схватил друга за локоть и поволок в обратном направлении, оборачиваясь и глядя в лица людей, в которых теперь отчётливо видел недовольство и злобу.

Подойдя уже ближе к центру города, где, переливаясь огнями, пышная Москва грела князей светом уличных фонарей, Андрей, наконец, замедлил шаг и отпустил руку Алексея, который принялся нервно читать данную ему листовку. Дойдя до конца, он долго не мог поверить своим глазам, а потом поднял их и тихо заговорил:

– Не могу поверить, что эти люди так плохо живут. Знаешь, когда мы отошли от центра, я сразу понял, что Москва отличается от Лондона. Здесь ходишь с опаской, напрягаясь на каждом повороте.

– Да, ты знаешь, Россия, будто заблудилась в сером холодном лабиринте, выходом из которого люди видят лишь революцию, но я знаю, что это не так. Есть другие пути, – говорил Андрей, но взглянув на грустно-отчаянное лицо Алексея, резко замолчал.

– Почему так? Люди нуждаются в нашем пособничестве, а мы и не знаем об этом. Сегодня же, нет, лучше завтра я поговорю об этом с отцом, – заключил он решительно, складывая листовку в карман, – Я не собираюсь мириться с тем, что в стране, наследником престола которой я являюсь, люди возмущены проводимой политикой и каждую минуту готовы пойти на бунт! Я сделаю всё, что будет возможно, я стану хорошим правителем своей страны.

– Это точно, – просиял Андрей, обнимая цесаревича за плечи, – ты будешь хорошим государем, а теперь пойдём лучше, а то поздновато уже для гуляний.

И молодые князья отправились обратно домой, где их ожидал серьёзный выговор от их матерей. Мальчики не понимали, насколько плохую новость они несут в дом, потому, в виду своей молодости и доброты душевной, не стали делиться переживаниями с взрослыми людьми, не осознавая всей серьёзности последствий данного происшествия.

Взвинченного состояния мальчиков никто не заметил: все были заняты очередными сборами. Следующего дня возвращались в Санкт-Петербург.

Глава девятнадцатая.

День двадцать третьего апреля 1913 года начался так же, как начинался он последние двенадцать лет. Все собрались в Александровском дворце, чтобы отпраздновать сразу два замечательных праздника: тезоименитство⁴¹ императрицы Александры Феодоровны и день рождения княжны Александры. Дело в том, что младшая из княжон Масловых родилась в день памяти мученицы Александры, то есть сам Бог дал девочке имя, и потому в этот день происходило грандиозное празднество, на которое съезжалась вся огромная семья.

Утром двадцать третьего числа начали приезжать гости, которые не успели приехать до того момента, люди, зачастую даже никому не знакомые, но важные для двора, и потому они принимались и встречались императорской семьёй с уважением и почётом.

⁴¹ День именин члена царской семьи или другого высокопоставленного лица.

С первыми лучами солнца, около пяти часов утра, в Царское село прибыли долгожданные Олег, захватив с собой своего брата Игоря, и Владимир. Константин Константинович с супругой так же должны были быть на празднестве, но, по сложившимся необычным путём обстоятельствам, они отбыли в Европу, где оставались и по сей день. Кроме всех, на празднество приехали молодожёны К., которые совсем недавно вернулись с вод⁴² и были полны сил и энтузиазма. Никого из семьи Масловых более не прибыл, так как Элен не захотела покидать институт более, а Наталья чувствовала скорое появление на свет ребёнка, потому и не решалась уезжать куда-то с тёплого, солнечного Крыма.

«День Рожденья!» С этой мыслью в голове проснулась теперь уже тринадцатилетняя Александра Маслова. Комната княжон, в которой спала девочка, как ни странно, была пуста, молодых Романовых нигде не было. «Как же это? – думала Александра, одеваясь и выходя из комнаты, – Что уж я, многого прошу, что ли? Я лишь хочу, чтобы друзья мои и семья были рядом, хотя бы сегодня, а они!» Александра прошла в уборную, умылась, причесалась и свежей и весенней вышла в свет.

– С Днём Рождения! – прогремело в спальне, когда девушка вошла туда. Это были все её друзья, которые притаились тихо за дверями комнаты в предвкушении появления княжны. Александра не ожидала такого сюрприза, потому

⁴² Имеются в виду Кавказские Минеральные Воды, Российская империя.

немного оторопела, застыла, но потом вновь ожила и залилась добрым и заводным смехом, который лёгким эхом пролетел по всему дворцу, побуждая грустных и угрюмых людей тоже улыбнуться. Немного отойдя от смеха, Александра радостно подбежала к счастливым поздравляющим её людям, обнимая и целуя каждого из них.

– Как это волшебно! – повторяла она, – Спасибо! Спасибо! Замечательный сюрприз, мои хорошие, мои дорогие!

Александра светилась от счастья так, как не светилась она с самого Рождества. Любимые ею, дорогие сердцу люди были сейчас здесь, окружая её, даря своё внимание и заботу. Больше всех из присутствующих Александра оценила появление Игоря, с которым не виделась достаточно давно. Это был мальчик возраста Алексея, как копия похожий на свою мать. Только когда он улыбался, была видна порода Константиновичей, умных и мягких князей. После Игоря приветствовала именинница Олега и Владимира, по которым, за время их отсутствия, изрядно соскучилась.

– Олег! – крикнула Александра и бросилась на шею молодому князю, – Я так сильно скучала!

– Александра Владимировна, Вы ведь теперь взрослая, не так ли, нужно ли мне переменить своё отношение к Вашей особе? – он игриво, как только мог, изогнул бровь, но тут же получил тяжёлой княжеской рукой по плечу и больше не смел шутить в таком стиле.

Вскоре ажиотаж вокруг княжны Масловой прошёл, и все

начали расходиться, чтобы поздравить вторую (официально, первую) виновницу торжества. Когда все, наконец, удалились, Александра осталась в гостиной лишь с одним человеком, и вы, должно быть, догадываетесь, что это был именно Владимир.

– С Днём Рождения, – проговорил он, подходя к княжне, – как жизнь у взрослых дам?

– Владимир, ты ведь видел, как закончился аналогичный разговор с Олегом? Так не провоцируйте меня, светлейший! – Александра строго, но всё же влюблено взглянула на князя, немного задрав подбородок вверх.

– Конечно, princess, весь дом уже говорит о том, как бы не попасть под твою маленькую, но такую тяжёлую ручку, – сказал князь, обнимая Алекс, – Как живётся в Петербурге после посещения исторической столицы?

– Москва не мой город, и ты это знаешь, Владимир. Я по-прежнему искренне верю, что Санкт-Петербург – жемчужина России. Я рада, что вы с Олегом выбрали время, чтобы посетить наш скромный праздник.

– Скромный, это тот, на который вся знать страны съехалась или, может быть, я что-то путаю? – засмеялся Владимир, тепло оглядывая княжну, – однако мы почли за честь приехать к вам, к тому же нам пора было взять небольшой отпуск.

– Небольшой? – с ноткой печали в голосе переспросила Александра, – Так, когда вы уезжаете?

– Боюсь, что завтра, princess.

– Неужели уже завтра? – вскрикнула княжна, – и Олег едет с тобой?

– Дорогая моя Александра, Олег, по какой-то причине, пользуется необыкновенной популярностью у Вас сегодня. Должен ли я волноваться? – шутливо спросил Владимир.

– Ах, право, Владимир, я даже не знаю. Если Вам хватит ума на это, то дерзайте! Так что же, – Александра вернулась к прежней теме, – неужели вы завтра уезжаете, и с этим ничего нельзя поделать?

– Увы и ах,

Но мы должны

Отчизне годы посвящать,

И, забывая о любви,

Ей постоянно пособлять, – промолвил экспромтом Владимир, наклоняясь ближе к Александре, – Но, Аля, я как всегда, буду писать тебе. Ты же знаешь, я держу своё слово.

– Знаю, но от того не легче, – пробормотала Александра, скрестив руки на груди, – Однако отчего же говорим мы про завтра, когда у нас есть целый свободный день! – обрадовалась девочка и весело побежала к лестнице, призывая Владимира бежать за ней. Они уже почти спустились до гостиной, когда Александра вспомнила про свой подарок Александре Феодоровне и пулей пустилась бежать по ступеням назад наверх.

«Ну и шустрая особа» – подумал Владимир и, пожав пле-

чами, пошёл туда, где были все люди: отправился дожидаться появления императрицы. Александра же, снося всё на своем пути, забежала в спальню, аккуратно и тихо открыла свой тайный шкаф, взяла оттуда презент и пустилась бежать обратно, очень уж ей хотелось застать момент самого выхода императрицы. Покинув гостиную, Александра пустилась бежать по длинному коридору, в конце которого она наткнулась на самую Александру Феодоровну, шедшую к лестнице и тихо разговаривающую с каким-то мужчиной, одетым в рясу. Заметив Александру, которая на полном ходу чуть не сбила шедших людей, императрица искренне улыбнулась и представила Александру своему собеседнику, а сама Алекс, переводя дух, подбирала слова поздравления. Лихорадочно думая, она рассматривала незнакомца, который шёл рядом с Александрой Феодоровной: это был высокий и худой мужчина с жёлтой, слегка морщинистой кожей; одет он был, как человек бога, то есть, как священник, а лицо его изображало спокойствие и набожность; жёсткие волосы спускались до плеч его и борода равномерно покрывала подбородок, однако когда он перевёл взгляд своих глубоко сидящих серых глаз на Александру, девочка почувствовала, что не может сделать и шагу и, будто задыхается. Это был Григорий Ефимович Распутин. Этот близкий к императрице человек за одну секунду парализовал юную и впечатлительную Александру, которая смогла сделать прерывистый глубокий вздох, только когда императрица поинтересовалась всё ли у неё хо-

рошо. В глазах у Алекс защищало от запаха, который исходил от Распутина: это был сильный аромат одеколона, сплетавшийся с другим, металлическим вкусом. Это был запах смерти: только так смогла охарактеризовать его княжна Маслова. Забыв все свои мысли по поводу поздравления, Александра промямлила что-то непонятно, судорожно поглядывая на Распутина, всучила императрице подарок и бежала прочь от этого неприятного и страшного человека.

Когда Александра прибежала в гостиную, Александра Федоровна уже вышла и говорила свою речь. Всё это время рядом с ней стоял Распутин, глаза которого, как казалось Алекс, постоянно следили за ней. Пробираясь испуганно через плотно стоявших людей, чтобы только сбежать от его угнетающего взгляда, Александра столкнулась с Олегом, мягкими, спокойными глазами оглядывающего залу.

– Что случилось, княжна? Тебя кто-то обидел? – спросил беспокойно он, заметив Алекс, и, не дождавшись ответа, вывел девочку из шумной, многолюдной комнаты.

– Нет... – Александра чуть ли не плакала, глядя в светлые глаза Олега, видя его и там, – нет. Олег, я могу рассказать тебе что-то, о чём ты никому не должен будешь рассказать?

– Конечно, – проговорил, немного запнувшись князь и подошёл к девочке ближе, встревоженно глядя на покрывшееся мертвенной белизной лицо княжны, – Алекс, неужели я дал тебе повод мне не доверять?

– Ты ...нет, нет... но то, что я тебе сейчас скажу, тебе точ-

но не понравится, – прошептала она, заглядывая в серьёзное лицо Олега, как бы оценивая шансы на то, что князь её подержит.

– Александра, что случилось? Мне стоит волноваться?

Алекс только чуть качнула головой, после чего рассказала про свою встречу с Распутиным, возможно, нечаянно увеличив масштаб произошедшей трагедии.

– Он посмотрел на меня, я знаю, он почувствовал, что я невзлюбила его. В его глазах я видела жажду крови. А теперь, теперь он хочет меня убить, – шёпотом закончила она.

Олег вздохнул облегченно, услышав историю княжны, но посмотрел внимательно и спокойно на Александру.

– Ты мне не веришь! – вскрикнула испуганно Алекс, заметив исчезнувшее во взгляде князя беспокойство.

– Я верю тебе, конечно же, верю, просто не думаю, что всё, о чём ты подумала действительно является правдой. Мне никогда не нравился Распутин, но я не думаю, что он способен на убийство. Он жалкий шарлатан и не больше того. Я не понимаю только, почему ты боялась рассказать мне об этом?

– Потому что, все знают, что Романовы обожают Григория Распутина. Что если бы Александра Феодоровна узнала, что мне он не нравится? Она бы запретила мне видеться с моими друзьями, с тобой и с Владимиром...

– О, Александра, все Романовы его обожают? Его любит только императрица наша, остальные относятся к этому человеку довольно, гм, прохладно, к тому же ты дороже Ро-

мановым, чем какой-то Распутин, так что даже не думай об этом. Он не должен пугать тебя, а вот ему бы самому стоило опасаться Александры Владимировны Масловой, которая умеет не только стрелять из револьвера, но и драться, да?! Эй, Александра, против тебя он не может иметь ничего, – улыбнулся Олег и подмигнул своей оппонентке, которая потихоньку приходила в себя, – Ну, в крайнем случае, я поговорю с ним лично, тогда-то точно у него не останется претензий.

– И костей, – усмехнулась, шмыгнув громко носом, Александра.

«Да уж, если разговор не задастся, то и костей может не остаться» – подумал Олег, когда выходил с окончательно успокоившейся Александрой из комнаты.

Весна была в самом апогее своём, и на улице было не холодно и сухо. Олег остался один: Александра упорхнула от него к Владимиру, Алексея и Андрея видно не было, они, должно быть, растолковывали смысл жизни князю Игорю. Никого не было вокруг, только цветущий Александровский сад.

«Как прекрасна беззаботная юность, когда не надо беспокоиться ни о тяготах будущего, ни о проступках прошлого. Девочки так хороши и свежи, у них вся жизнь впереди, а сердца их чисты и непорочны. Казалось бы, мне только двадцать лет, а я уже загнан в тупик» – думал Олег, гуляя по оранжерее. Вдруг он случайно натолкнулся на сидящих на

лавочке молодожёнов К., которые оживлённо и мило разговаривали о чём-то, влюблённо глядя друг на друга.

– Олег! – весело вскрикнула Ольга, поднимаясь со скамейки, когда заметила проходящего мимо них молодого человека, – Я так рада тебя видеть! – она легко подбежала к нему, но остановилась, так и не обняв своего друга, и только нежно и счастливо оглядела его, – Олег, знакомься, это мой муж Сергей Петрович К., а это князь Олег Константинович Романов.

– Олег Константинович Романов! – князь Сергей дружелюбно пожал руку Олегу, – насколько точно Ольга Владимировна Вас описала, князь. Очень рад знакомству!

– Взаимно, – ответил Олег без особой радости в голосе, – должно быть, я отвлекаю вас, так что я, пожалуй, пойду.

– Что Вы, князь, что Вы! – опроверг предположение Олега князь К. и предложил ему присесть рядом с ним, – мы не можем отпустить Вас так просто. Вы настолько занимательная персона, что я хотел бы поближе пообщаться с Вами, если Вы, конечно, не против.

– Отнюдь нет, – сухо отрезал Олег и присел скованно на жёсткую скамью. Вдруг Ольга, будто почувствовав неудобство Олега, попросила у мужчин прощения и отправилась искать девушек.

Остаток дня Олег провёл с князем К., беседуя с этим интересным человеком и каждую минуту чувствуя отчаяние и душераздирающую ревность.

Весь праздничный день во дворце царила суета, но к вечеру все «ненужные» гости разъехались, и в доме остались только самые родные и близкие люди. Все взрослые мужчины удалились в кабинет для какого-то важного разговора, княгини Маслова и Романова так же ушли куда-то, гуляя и наслаждаясь сладковатым и свежим весенним воздухом. Потому в гостиной остались только сёстры Романовы, Александра и Ольга К., которую теперь беспрестанно расспрашивали о прелестях семейной жизни.

– Знаешь, – проговорила Мари Александре, садясь рядом с ней, – я подумала, почему вы с Андреем не можете жить в Царском Селе постоянно? Я бы поговорила с отцом, и тогда вы остались бы здесь навсегда.

– Я думала об этом, Мари, и додумалась до того, что коли вместе мы станем жить, так точно все перессоримся. Так лучше мы к вам почаще приезжать будем, а вы к нам. Я не понимаю, почему наш прелестный домик постоянно списывают со счетов?! – Александра вскинула в удивлении руки.

– А у вас в доме спален на всех хватит? – спросила влезшая в разговор Анастасия.

– Не глупи, ты была там! – проворчала Мария.

– Хватит, конечно, каждому по одной и ещё пустые комнаты останутся, – внезапно подключилась к разговору Ольга К., – знаете ли вы, – начала она долгую, но интересную историю, – что когда-то на месте усадьбы Масловых был старей-старый театр! В театре том пели лучшие дивы и прима-

донны, одной из которых была основательница рода Масловых, наша пра-пра-прапрабабушка княгиня Ольга.

– Имя не хитрое, но редкое, как вы понимаете, в нашей семье, – прибавила саркастично Александра, перебивая сестру и всё больше и больше веселея.

– Так вот княгиня Ольга была актрисой в том театре, а когда он сгорел, то на его месте она и муж её воздвигли красивейшую усадьбу, которая и по сей день стоит в верховье Невы. А если хотите посмотреть на неё, обязательно поезжайте туда вновь и полюбуйтесь на это творение собственными глазами своими.

Глава двадцатая.

Прошло больше года с того момента, как Александра впервые повстречала Григория Распутина, однако девушка до сих пор чувствовала на себе парализующий взгляд его взирающих из-под густых бровей серых глаз. И даже сейчас, играя в, казалось бы, свою любимую игру, казаки-разбойники, она сидела тихо в засаде и думала о нём. Ещё несколько раз Алекс встречалась с императорским приближённым на приёмах и праздниках, и каждый раз ей казалось, что он смотрит на неё с враждебной брюзгливостью.

– Вижу одну, – звонко крикнула на бегу «казак»-Анастасия, – там Александра! Все сюда!

У Александры сердце вздрогнуло в груди, и она принялась во всю прыть свою бежать по майским лужам прочь от

«казаков». Мысли её испарились, и она стала сосредоточенно строить стратегию своего побега, оглядываясь по сторонам и ища возможные лазейки. Вдруг откуда-то въехал на двор небольшой автомобиль и остановился рядом с входом в усадьбу Масловых, куда уже успела добежать Александра. Вот он – план! Идеальный план родился в голове княжны, которая моментально начала его исполнение, несясь быстро к транспортному средству и забегая за него. Из автомобиля, тем временем, вышел стройным молодой человек со слегка растрёпанными рыжеватыми волосами. Александра на мгновение остановила взгляд на госте, и лёгкая улыбка осветила её нахмуренное лицо. Увидев подбегающую Александру, юноша широко улыбнулся в ответ отошёл от автомобиля в сторону.

– Добрый день! – кланяясь, проговорил он, – Не подскажите, любезная, где я могу отыскать Алексея Романова или Андрея Маслова?

– Тсс, – шикнула на него Александра, оживлённо качая головой, – тихо, пожалуйста! – прошептала она, складывая руки, будто для молитвы.

Молодой гость удивлённо вскинул брови, однако ничего более не сказал и замер, увлечённо и весело разглядывая на неизвестную ему княжну, в ожидании, что кто-то подойдёт к автомобилю, за которым пыталась спрятаться Александра, и ей это, в принципе, удавалось до тех пор, пока водитель не сдвинул транспортное средство с места, открывая локацию

княжны.

– Нет-нет-нет, – тихо проговорила Александра, закусив губу и, заметив бегущих к ней «казаков», принялась бежать, предварительно схватив только прибывшего гостя, остановившегося теперь рядом, за руку и потащив его за собой, непонятно зачем и почему. Он, кстати сказать, довольно легко, даже с каким-то удовольствием поддался воле княжны и побежал за Александрой.

Бежали долго, часто меняя направление и скорость, однако эта стратегия оказалось действенной, и молодые люди вскоре оторвались от погони. Подбежав к прудам, раскинувшись широко во владениях Масловых, они, наконец, остановились, и Александра наклонилась к воде, чтобы умыть покрасневшее от бега лицо. Поднявшись, наконец, она начала издавать странные звуки, похожие на зов какой-то птицы, направляя звук в нужную ей сторону с помощью руки. Юноша в это время стоял чуть поодаль, в смятении потирая лоб.

– Извините, пожалуйста, – решил всё же обратить на себя внимание он, – это всё, конечно, безумно увлекательно, однако я всё же хотел бы найти князя Маслова или Романова, – он немного запыхался от бега, хоть и стоял ровно, невольно улыбаясь чему-то.

– Будет Вам князь Маслов, – Александра прервалась, чтобы ещё раз исполнить «зов кукушки», – если он, конечно, перестанет глупить, – слышались шорохи. Алекс притих-

ла, прислушалась, – А теперь приготовьтесь бежать: кто-то идёт! – она сосредоточенно смотрела в сторону, откуда доносился шум, но вдруг резко поняла, что никогда не видела стоящего рядом с ней молодого человека, потому, не отрывая глаз, спросила, – А Вы кто такой будете, monsieur? Зачем Вам... – девушка не договорила, так как из кустов рядом с ней вылез одетый во всё чёрное Андрей, – Ну слава Богу! – всплеснула руками Александра, строго глядя на своего брата, – Где ты был? Я еле от Анастасии отвязалась, и, кстати, повстречала тут ещё одного, видимо теперь, участника игры, – она кивнула в сторону молодого человека, – Вон, он искал тебя.

– Джон! – воскликнул Андрей, переведя глаза туда, куда указывала Александра, – Сегодня только девятнадцатое мая, почему ты здесь? – князь подошёл к Джону и хлопнул дружески его по плечу, – и, да, Александра, это Герцог Хэмпшира Джонатан Уолт Мортимер, который видимо после такого не захочет с тобой общаться; Джон, это моя сестра Александра. В общем, я вам обоим рассказывал друг о друге, так что знакомьтесь, – быстро проговорил князь, отирая со лба выступившие только маленькие капли пота, после чего посмотрел на Джона, вскинул руки и голову и вновь заговорил, – I am sorry, John. I've just realized you don't speak Russian.⁴³

– Сам ты не говоришь по-русски, – перебила брата Александра, подходя к Джону, – Александра, рада познакомит-

⁴³ Прости, Джон. Я только вспомнил, что ты не говоришь по-русски. (англ.)

ся, – она протянула герцогу руку для рукопожатия.

– Джон, – проговорил он, пожимая руку девушки и несколько удивлённо глядя на неё, – Вы ещё прелестнее, чем я себе представлял.

– Ох, Джон, – Александра немного засмушалась, – к чему эти...

– Ты говоришь по-русски? – теперь, в свою очередь, обескураженный Андрей перебил сестру своим вопросом, – почему я узнаю об этом лишь сейчас?!

– Потому что это был сюрприз! Я специально не стал ничего вам говорить, чтобы вы удивились.

– То есть ты за год...?

– Точно! Ваш приезд настолько вдохновил меня, что я решил не терять времени зря.

– То есть...

– Ш-ш, – Александра глядела куда-то через просветы в окружающих пруд деревьях. Примерно минуту возле прудов висела мёртвая тишина, но после послышался крик «казачков», и Александра схватила обоих мальчиков за руки и побежала сначала в одну сторону, но там оказались люди, затем в другую, однако и там путь был обрезан, тогда девочка не нашла лучшего решения, как податься вперёд.

– Александра, там же вода! – крикнул Андрей, но девочка уже забежала в воду, ныряя в спокойную гладь.

– Скажешь пароль – и тебе их пытки щекоткой покажутся!

– Могла и не говорить! – возмутился в ответ Андрей, но

услышать его было некому: Александра уж плыла изящно на противоположную сторону пруда, – А теперь нам надо отвлечь внимание от неё, – бросил князь Джону, – она наш единственный шанс быть освобождёнными.

Не понимающий ни игры, ни её правил, однако довольно заинтересованный в происходящем, Джон согласно кивнул, и мальчики побежали навстречу «казакам», чтобы отвлечь внимание от пруда и княжны Александры.

То, что играют сегодня только пять человек, не считая самого Джона, он понял, когда они попали в плен. «Разбойников» вели в главный штаб, где их уже ожидал «атаман» – Алексей. Увидев, что ведут двоих пленённых, он радостно потёр руки, предвкушая победу, а когда «пленных» подвели ближе, Алексей удивлённо и обрадовано подался вперёд.

– Джон? – сказал он, глядя на юношей, – Откуда ты? А... а где Алекс?

– Не знаем, – буркнула Мария, которая обычно была лучшим следопытом, – мы её упустили.

– Упустили, значит, – заговорил сквозь зубы Алексей, – что ж вы её сразу к «штабу» не привели, а? – гневно взглянул он на сестёр, подойдя к ним вплотную.

– Не знал, что Алексей может быть таким ...э...

– Свирепым, – подсказал Андрей, – да, они похожи в том с Александрой. Оба ужасно азартны. А теперь, Джон, раз уж мы так мирно сидим, и нас ещё не пытаются, я расскажу тебе суть игры.

– Пытают? – переспросил Джон, но князь уже рассказывал правила, и герцогу оставалось только вникать в тонкости и детали, – То есть, если Александра освободит нас, мы все вместе сможем захватить штаб и победить? Занятно, – присвистнул Джон, когда Андрей закончил, – Так, а какой, говоришь, у нас пароль?

– Ты действительно хочешь это знать? Если тебя будут пытаться, и ты случайно скажешь его...

– То твоя сестра снимет кожу с моей головы.

– Это называется скаल्प, но в общую суть ты вник, – кивнул Андрей, – ладно, наш пароль...

– Зелёная печать, можно убежать! – раздался в этот момент голос Александры.

– Быстро она... – Джон глядел ошеломлённо то на Алекс, то на Андрея.

– Беги! – в один голос крикнули Масловы, и все побежали в «штаб».

– Победа, – прокричала мокрая насквозь Алекс, стоя на импровизированном столе «казацкого» убежища, – как ты чудесна на вкус!

– Нечестно! – воскликнул забежавший в «штаб» Алексей, – я поймал тебя, а ты вырвалась и убежала. Это шулерство!

– Ничего и не шулерство! Я честно убежала, – обиженно говорила Александра, размахивая руками, с которых летели капли воды, – Ты проиграл, Алексей Николаевич, так про-

играй же достойно!

Алексей был в бешенстве, глядя своими глазами по сторонам и разыскивая объект выплеска своей ярости.

– Согласна с Александрой, – кивнула спокойно Мария, – это была прелестная игра, моя мокрая подруга. Красивая победа, – сказала она непосредственно Алекс, хлопнув одобрительно в ладоши.

– Согласна? Да ты всё время была с ней заодно! Вы обе, – скрипнул зубами цесаревич, оглядываясь на сестёр.

– Как бы там не было, игра есть игра, а мы в этой игре победители! Признай это, – всё это время Александра и Алексей наступали друг на друга. Это был, своего рода, поединок двух капитанов, за которыми сейчас наблюдали их команды.

– Признать, что мою команду переманили на другую сторону? Да с лёгкостью! – вскричал Алексей, буквально не своим голосом.

– Какой ты упрямый! Это невыносимо! С этой командой, с другой ли, ты бы всё равно проиграл, потому что это была славная игра, и удача, явно, с самого начала была на моей стороне.

– С другой командой...

– Славно! Хочешь с другой? Тогда играем так: девушки против юношей. Тебя устраивает?

– По рукам! – подтвердил Алексей, и они скрепили договор рукопожатием.

– «Всех устраивает? А, по-моему, только мы с Алексеем

хотим ещё играть! Ну, тогда ладно. Сыграем завтра» – она же нас спросила! – передразнил голос Александры Андрей, всплёскивая руками, – Джон, между прочим, даже не разместился! Посмотри на его костюм! Это и не костюм больше, – и правда, льняной бежевый костюм Джона был весь в грязи и траве, помят и порван кое-где, – К тому же он, должно быть, устал. Ты устал? – спросил Андрей, повернувшись к Джону.

– Ничуть, русские игры такие заводные. Я голосую за ещё одну игру.

– Здесь не голосуют! – отрезала Александра, переводя взгляд на Джона, – но тебе разрешаю, ибо мне нравится ход мыслей твоих.

– Ты говоришь по-русски?! – одновременно с Александрой, выпучив глаза, воскликнул Алексей, – Ничего себе новость! – Алексей раскаянно посмотрел на сестёр, как бы прося у них взглядом прощения, – Джон, это мои сёстры: Анастасия и Мария. Дамы, это – Джон, – девочки, игриво переглянувшись, сделали реверанс.

– Подождите, господа, раз Джонатан не против, значит играем?

– Однако я всё-таки хотел бы сменить одежду.

– Верно. Ладно, вы тогда идите заселяйте и переодевайте его, а мы... Давайте сначала вытащим жребий: кто «казаки», а кто «разбойники».

Жребий тянули два капитана. Александра вытащила «казак».

– Вот, так даже лучше, вы идите, переодевайтесь и прячьтесь, а мы подготовим «штаб» и через полчаса уже пойдём на поиски.

На том и сговорились. Молодые люди отправились в усадьбу, быстро закинули в комнату вещи и отправились наряжать Джона во что-нибудь подобающее случаю: простое, лёгкое и удобное. В итоге британец был одет в немного помятые и кое-где порванные армейские штаны, чёрную майку без рукавов и армейский китель князя Олега. Делалось всё в очень быстром темпе, потому через десять минут юноши были готовы искать себе убежище.

– Дамы часто играют с нами, – сказал собранно Алексей, когда они спускались по лестнице в усадьбе, – и знают тактики мою и Андрея. Потому предположу, что успешнее мы будем, если направление будет избрано Джоном. Так как он играет с нами в первый раз, – добавил цесаревич, аргументируя свои доводы.

– Разумно, – согласился Андрей, пожимая плечами и кивая головой.

Джон стал оглядываться по сторонам, ища самое неприметное, на его взгляд, место, в котором можно было притаиться. Усадьбу, надо сказать, окружали два смешанных леса; с правой стороны Нева отрезала остров от суши. Территория родового гнезда Масловых была огромна: вышеописанные леса, луга и поля, а также несколько прудов, расположенных параллельно реке – огромное пространство для то-

го, чтобы надёжно спрятаться.

«Что же мне выбрать? – думал Джон, – Леса? Слишком предсказуемо. Рядом с прудами, как я понял, у девушек явное преимущество. И что мне остаётся? Неужели я поведу людей, которым надо спрятаться, на открытую местность? Хотя...»

– Мы пойдём в поле, – заявил Джон, уверенно указывая рукой в нужном направлении.

– Ты не понял, наверное, – качнул головой, наклонившись, Алексей, – поле is a field and we need to go into the woods⁴⁴ – лес.

– Нет-нет! – Андрей хлопнул слегка друга по плечу, – Лёша, он абсолютно прав. Кто станет прятаться в открытой местности?

– Вот и я о том, – насупившись, буркнул Алексей, – одни безумцы.

– Не безумцы, – не согласился Андрей, – стратеги! К тому же кто станет нас там искать?

– Твоя сестра!

– Александра не глупа, но этот ход даст нам лишнее время и поможет штурмовать «штаб», который Алекс не станет прятать.

– Не станет? – переспросил Джон, снова теряя смысл игры.

– Нет... – задумчиво глядя вдаль, проговорил Алексей, –

⁴⁴ Поле – значит поле, а нам нужно в лес – лес. (англ.)

но она будет его защищать.

Тем временем, девушки стояли около своего «штаба» и договаривались между собой о стратегии данной игры.

– Дамы мои дорогие, – начала довольно строго Александра, – как вы знаете, мы не имеем права караулить наш «штаб», и посему я считаю, что надо поймать каждого противника нашего по отдельности.

– Стратегия разделяй и властвуй! – отчеканила громко Мария.

– Верно! Таким образом, предлагаю каждой из нас взять одного юношу под свой контроль, – девушки кивнули, – Тогда так: Анастасия, как младшая, возьмёт на себя Алексея, к которому нельзя применять силу; в таком случае, я возьму на себя Андрея, так как знаю его стратегию и специфику его игры, а Мари возьмёт иностранца.

– Я не хочу брать Алексея, это не честно! – плачущим голосом проговорила Анастасия.

– А как ещё? – удивилась Александра, – вы знаете, что я азартна, потому и не могу взять брата вашего, а ты не сможешь удержать Джона, он тебя выше раза в два.

– Слушай, Алекс, – рассудительно начала Мария, – давай тогда я возьму Алексея, а Анастасия – Андрея. В конце концов, мы уже играли с ними и знаем, как ты сказала, их стратегию и манеру игры, а ты бери Джона.

– То есть вот как, да? – сказала театрально Александра, – бунт, значит, на корабле! Ну что ж, будь по-вашему, – она

развернулась и быстро пошла осмотреть «штаб», – а за причинение вреда иностранцам есть наказание?

– Иди уже, – засмеялась Мария, и они с сестрой побежали в лес, искать «разбойников», а Алекс осталась подготавливать «темницу» к предстоящей игре.

Считанные минуты до начала... Но вот он, звон колокола в церкви: время начинать.

Так как «темница» была оставлена на том же месте, что и в прошлый раз, Александра была уверена, что её скоро найдут, потому решила сменить свою стратегию с наступления на наблюдение, и залезла на ближайшее к ней высокое дерево. Оказавшись на высоте и получив широкий обзор местности, княжна долго крутилась на ветке, стараясь найти юношей, и минут через десять поиск дал результаты. «Прятаться в поле? – думала она, спускаясь с дерева, – как это вообще понимать? Если вы хотите, чтобы вас не нашли, вы прячетесь там, где вас не видно, а они делают всё как-то не по-русски. Ну конечно, у них же в команде Джон! – осенило княжну, – Что ж, герцог, отдаю Вам своё почтение». Однако, когда девушка оказалась на земле, ни о каком уважении она не могла и думать, потому побежала назад в «штаб», куда уже пришли с разведки сёстры Романовы. Доложив об обстановке, девушки разделились и пошли наступать с трёх сторон, чтобы обязательно загнать юношей в тупик.

Но молодые люди так же оказались отнюдь не глупыми и, увидев девушек, бросились врассыпную. «Странно» – по-

думала Александра и погналась за Джоном, который бежал в сторону города по полю, не пытаясь свернуть или найти укрытие. Надо отдать ему должное, бежал он быстро, не оглядываясь и не сбавляя скорости, но помешало юному Мортимер то, что знал он местность хуже (точнее вовсе не знал её), чем Александра, которая, сделав крюк, подрезала Джона сбоку и повалила на землю.

Лёжа в пшенице и отдыхая от быстрого бега, герцог перевернулся медленно на спину с хитрой улыбкой на лице. «Нет! Это уловка!» – вздрогнула Алекс, сидя на коленях над Джоном и сурово глядя на него.

– Хороший план, Джонатан Уолт Мортимер, побежать в обратном от «штаба» направлении и вывести меня из игры, а после тащиться за мной в гробовом темпе, чтобы я не попала в «темницу» до самого вечера. Прекрасный план! – саркастично заговорила Александра, поднялась на ноги и, отряхивая колени штанов (княжна была одета в старые штаны брата), поправила прилипшие к потному лицу волосы, – Однако Вы, скорее всего, не знали, что я, как «атаман», имею право попытать Вас, где для меня угодно будет. Так что, приступим? – хитро спросила она, рассчитывая на некоторый страх со стороны Джона, но такового не последовало, – Я примерно предполагаю, каков будет ответ, но всё-таки спрошу: скажете пароль? – герцог отрицательно покачал головой, – Что ж, я так и думала! – воскликнула Александра и вдруг резко развернулась и в быстром темпе начала удаляться, – Чего

Вы сидите? Стану ли я уговаривать!? Ещё чего не хватало! – княжна всплеснула руками, строго глядя на Джона, которому ничего не осталась, как встать и повиноваться воле смелой «казачки». Алекс властным жестом развернула герцога и связала руки его за спиной крепко верёвкой, – Пойдёмте-с, сэр!

По дороге к штабу Алекс всё думала, как ей выведать у Джона пароль. Между тем, становилось понятно, что заговорить герцога у Александры не получится: чем больше она разговаривала с герцогом, тем больше углублялась в суть разговора и забывала про пароль. Необычайно схожие взгляды и увлечения молодых людей не позволяли закончить беседу, и за одной темой мгновенно возникала другая.

Так незаметно дошли до штаба. Поднимался ветер, а небо затягивала глубокая серость. Далёкие раскаты грома говорили уж напрямую: будет дождь! но игру не отменить!

– Итак, мистер Мортимер, как собираемся мы коротать наше свободное время? – в штабе вспомнив вновь, что она атаман, заговорила твёрдо Александра.

Джон пожал спокойно плечами, не отводя чистого взора своих зелёных глаз.

– Пожалуй, ты могла бы отпустить меня.

– Ну конечно! – иронично подтвердила Александра, – Эх герцог, всё, что говорил ты до этого момента, спасало тебя от пыток, но ты оступись, Джон, – проговорила она, поднимая с земли заготовленную для этого момента крапиву и подходя

к связанному юноше, – Знаешь, что это такое?

– Боюсь, что нет.

– Ну, ничего, эта замечательная травка – крапива. Действие её проясниться для тебя через пару мгновений, – говорила она, блестя глазами, бичуя руки и шею Джона пахучей травой, – И да, спасибо за патроны!

Уже через несколько минут светлая кожа герцога покраснела и кое-где начала покрываться волдырями. Конечно, поражённый эпителий безумно чесался, но Джон мужественно терпел, молча глядя на Александру, которая начала волноваться из-за стойкости иностранца.

– Пароль? – Джон снова отрицательно покачал головой, – Слушай, если ты скажешь мне пароль, я дам тебе воды, и раздражение на коже тут же пройдёт! – он улыбнулся и вновь покачал головой, – Да ты...

Но в этот момент, прервав княжну, прозвучал новый раскат грома и моментально началась гроза. Проливной дождь застучал по земле, листьям деревьев, и уже через десять минут Александра стояла по щиколотку в воде и грязи. Становилось холодно, а стоять под деревом опасно.

– Ладно, у меня такое предложение, – вымолвила промокшая насквозь и замёрзшая Александра, постукивая слегка зубами, – ты мне скажешь пароль, а я уведу тебя с потенциально опасного места, идёт? – Джон снова покачал головой. «Вот упрямец! – подумала Александра, – он определённо мне нравится!», – Ладно, – решила Алекс, доставая ре-

вольвер, который она старалась всегда носить с собой, – сделаем по-другому...

– Неужели ты хочешь застрелить меня, княжна? У вас, в России, это не запрещено законом?

– Убить тебя? Да боже упаси! – театрально сверкнула глазами девочка, подставляя револьвер к собственной голове, – играем по-взрослому, Джонатан. Каждую минуту твоего молчания я буду стрелять. В револьвере стоит один патрон, так что это будет, пожалуй, игра в русскую рулетку. Начнём? – вскинула брови она, раскручивая барабан.

– Александра, ты же не безумная? – улыбнулся Джон, но девочка сделала первый выстрел. Сердце Джона провалилось куда-то в пятки. – Распутин! – крикнул Джон, глядя испугано на Александру, – Это был наш пароль.

От страшного имени у девочки пробежали мурашки по спине. Она убрала револьвер и подошла к Джону, чтобы развязать ему руки, когда явились сёстры Романовы, ведя с собой двух пленных князей.

– Мы победили! – вскрикнула Мария.

– Как я понял, – рассудил Андрей, слышавший практически весь разговор сестры и Джона перед тем, как его поймали, – Александра приняла пароль, который не являлся действительным, а это значит, что победили, фактически, мы.

– Что?! – Александра шокировано посмотрела на брата, а потом перевела взгляд растерянных глаз на Джона, – вот хитрец!

– Подождите! – выговорил Джон, щурясь от заливающейся в глаза воды, – давайте будем объективными, – нас всех поймали до того момента, как я сказал пароль, а Алекс приняла его, так что я предлагаю ничью.

– Я принимаю, – пробормотала, зажав кулаки, Александра.

– Пойдёт, – согласился Алексей.

И продрогшие, замёрзшие дети отправились скорее домой, туда, где ароматный чай и разожженный, дарящий тепло и уют камин уже ожидали их.

Глава двадцать первая.

– Александра, нельзя быть настолько безответственной! – высказал Андрей своей сестре, когда те остались на следующее утро наедине, – у меня чуть сердце не выпрыгнуло, когда ты оружие к виску приставила. Как ты могла так поступить?! Я ведь не простил бы себя за то, что привёз тебе эти проклятые патроны!

– Андрей, Андрей, не кричи, – Александра отложила книгу и поднялась медленно с дивана, – ты же не думаешь, что я действительно бесконтрольно стреляла в себя?

– То есть, как?

– Не было там патронов, конечно, я не слабоумная, – сказала Александра, отводя взгляд, – к тому же я привыкла носить наган с собой, а про патроны к нему вечно забываю.

– Ах, ну ты и актриса, сестра моя! Как мастерски вы про-

вели один другого. Да, Александра, вы с Джоном стоите друг друга.

– Да распознала бы я ложь, если бы он не сказал: «Распутин». Почему именно это? Опять этот Распутин мне всё испортил! – пробурчала Александра, взволнованно ходя по комнате.

– Отчего ж ты так разволновалась, сестрица? Не от того ли, что Джон метит на место самого главного здесь? – издеваясь над сестрой, проговорил Андрей, – Ну после меня, конечно.

– Ты-то пожизненный лидер, я гляжу!

– А ты на меня стрелки не переводи, милочка, речь не обо мне, отнюдь, – Андрей присел на диван, закинув ногу на ногу, – Мы сегодня в театр едем, а вы чем планируете заняться?

– В театр!? – Александра подвинулась вплотную к брату, – На оперу?

– На балет, – выговорил, глядя хитро в глаза сестре, Андрей.

– Балет?! – воскликнула Алекс, разочарованно отодвигаясь от Андрея, – скука-скука. Скорей бы приехал Володя, в конце концов! От такой рутины и рассудок потерять можно! Безысходность, – грустно вздохнула Александра, закидывая ноги на спинку дивана, оказываясь, таким образом, лежащей вниз головой, – И скучно и грустно! – и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды...

Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?

А годы проходят – все лучшие годы! – процитировала М. Ю. Лермонтова княжна.

– Любить – но кого же? – на время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...

В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа,

И радость, и муки, и все там ничтожно, – продолжил за неё выходящий из своей спальни Джон.

– Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,

—

Такая пустая и глупая шутка... – закончили они, буквально, в унисон.

– Откуда такие познания в русской поэзии, Мортимер? – проговорил слегка озадаченный произошедшим Андрей.

– Люблю работы Лермонтова. Великолепно отражают всю суть и красоту русского языка.

– Лермонтов! Обожаю его! – воскликнула Александра, вскакивая на диване.

– Даже дрожь берёт! – поморщился Андрей, – приторно, – добавил он, уходя и глядя при этом на Джона.

– Твой брат не поэт, не так ли? Позвольте? – спросил Джон, указывая на диван, как бы спрашивая разрешения для того, чтобы сесть.

– Что за вопрос? Конечно, садись, – улыбаясь, ответила

Александра, хлопая ладонью рядом с собой, – Андрей умён, но он солдат с головы до самых пят своих. Как спалось Вам на новом месте, герцог?

– Не плохо, спасибо, – любезно отозвался Джон, беспрестанно почёсывая свою тонкую шею, которая теперь была красной, покрытой волдырями.

– Что с твоей шеей? – спросила княжна, подвигаясь ближе, – это из-за крапивы! – осенило её.

– Боюсь, что так. Особенности восприятия.

– Боже мой, Джон, прости меня, пожалуйста, я даже не могла подумать...

– Чего уж там, всё было честно. К тому же потом я обманул тебя, так что...

– Кстати, – снова вспомнила Александра, – почему ты сказал именно «Распутин»? Ты знал, что я... Ты знал?

– Знал что? Нет, – недоумевая, ответил Джон, – просто перед приездом в Россию, я видел его в какой-то газете и запомнил, потому что он мне жутко не понравился.

– Правда?! – Александра ужасно обрадовалась, но Джон снова начал чесать шею, – Надо что-то сделать с этим, пойдёмте! – сказала Алекс и направилась куда-то из гостиной, Джону оставалось только проследовать за ней.

«Интересная, всё-таки, особа, – подумал Джон, следуя за княжной вниз, – Ещё вчера она была такой резкой, задиристой и язвительной, а теперь что? Милая и отзывчивая, но всё такая же решительная и настойчивая. Большая редкость

– столь незаурядная открытость для девушек в наши дни. Особенно для столь прелестной девушки» – в своих размышлениях герцог не заметил даже, как дошли они до кухни, и как Александра стала искать что-то в шкафчике с лекарствами.

– Где же ты, чёрт, где? – бормотала она себе под нос, – Нашла! – вскрикнула княжна и разогнулась так резко на столе, что чуть не упала с него.

– Аккуратнее, – воскликнул Джон, но Александра уже спрыгнула на пол и подходила к нему. В руках княжна держала маленькую стеклянную ёмкость с бело-прозрачной субстанцией внутри.

– Эта мазь должна помочь, – провещала Александра, – от твоей, гм, – она ненадолго задумалась, – аллергии!

– Читала Рише?⁴⁵

– Нет, Сахарова.⁴⁶

– Не дурно, – заметил Джон. «Она ещё и умна».

– Сама знаю, к тому же мне Владимир оскомину набил, рассказывая о нём и его трудах.

– Владимир? Это тот, который приходится двоюродным братом императору? – спросил Джон.

– Точно, вы знакомы?

– Отнюдь, однако Андрей и Алексей мне много рассказывали о нём. И в высших кругах говорят, что достойный мо-

⁴⁵ Шарль Рише – французский физиолог.

⁴⁶ Гавриил Петрович Сахаров – российский врач и патофизиолог.

лодой человек.

– Это правда, замечательный, лучший! – воскликнула Александра, вспоминая любимые черты лица, но вдруг припомнила, что Джон стоит рядом, – он должен приехать вскоре – познакомитесь.

– Почту за честь, – сказал Джон, намазывая шею густой, душистой мазью.

Глава двадцать вторая.

Владимир действительно приехал в скором времени, захватив с собой Олега, с которым они к тому времени стали практически неразлучны. Князь Олег был отправлен из армии домой на побывку, чем, честно говоря, был изрядно раздосадован. Узнав о том, что друг его находится на пути из Павловска, где находился Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, в котором служил Олег, Владимир решил перехватить его по дороге и привезти к Масловым.

О плохом расположении духа князя Олега говорило всё тело его, начиная с нахмуренных тёмно-русых бровей и заканчивая руками, которые были сжаты в кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели.

То, что долгожданные гости приедут восемнадцатого июля, анонсировано не было, потому вся усадьба жила своей обычной, довольно суетной жизнью. Суббота июльская выдалась мрачной, слякотной и достаточно прохладной, в общем, день не сулил обитателям Петровского острова ничего

приятного. Дождливая погода навевала долгий сон всем жителям усадьбы, даже беспокойной Александре, которая сегодня смогла разомкнуть глаза лишь в половине десятого утра. Однако и после своего пробуждения она не смогла быстро встать с уютной перины, потому пролежала в кровати ещё некоторое время, потягиваясь безмятежно со сна.

Вдруг чуткий музыкальный слух Александры, который частенько досаждал ей тем, что улавливал тишайшие звуки, или же то, что происходило далеко от неё, донёс до неё тихий скрип колёс на улице, а после шум распахивающейся двери и голоса в холле. «Приехал!» – воскликнула она, вскакивая с кровати и наскоро одеваясь. Наскоро одевшись, Александра пулей понеслась по ступеням вниз, где её мать и дворецкий, встречали дорогих гостей.

– Мама! – окликнула княгиню Алекс, быстро спускаясь по ступеням, – Приехал? Приехал, мама?!

Ответа не понадобилось. Спустившись вниз и быстро выбежав в длинный холл, княжна почти столкнулась с Владимиром, который заходил в комнату с сумками в руках.

– Владимир! Наконец-то! – вскрикнула она, игнорируя чемоданы и буквально прыгая на Владимира, чтобы обнять, но, уже обнимая его, подняла голову и тихо сказала, – ты такой мокрый, будто бы только из речки вылез.

– Конечно, – угрюмо заворчал Олег, – там, на улице, чёрт поймёт, что с погодой творится, то дождь, то град, то непонятно что! Das ist unmöglich, – пробормотал он, снимая ки-

тель, промокший насквозь, и отряхивая его, – Ich hasse den regen!⁴⁷

– Олег! – воскликнула Александра, ещё, будто, боле обрадовавшись и подбегая к Олегу, – ты тоже приехал!

– Ты и так мокрая, Александра, ты же заболеешь! – но Алекс это не остановило, и она припала к сильной княжеской груди.

– После такого внимания к твоей особе, Олег, – заговорил Владимир, когда юноши поднимались в выделенную им спальню, – моё желание привозить тебя в этот дом резко угасает, – Олег, который был явно не в настроении шутить, только фыркнул в ответ.

– Как только на службу пустят, сразу же уеду, не беспокойся.

– Да полно тебе уже ворчать, Олег, я ведь не всерьёз, – проговорил Владимир и положил руку на плечо своему другу.

Разместившись, князья спустились к завтраку в столовую, где все к тому времени собрались. Во-первых, это была Ольга Николаевна – единственный взрослый человек из двух семей; далее Пётр Ильич – дворецкий, Мия – молодая австрийская гувернантка Андрея по немецкому языку; так же здесь жили Андрей и Александра Масловы, и Алексей, Анастасия и Мария Романовы, и Джон. Десять человек, подавляющее большинство из которых дети, громко разговаривали, сидя

⁴⁷ Это невозможно! Ненавижу дождь! (нем.)

за длинным деревянным столом, дожидаясь завтрака. Сидели не так, как это обычно было в Царском Селе, а хаотично, так, как сами того хотели или же просто, как сложилось. Александра, видимо, позже остальных пришла в столовую, так как сидела она на краю: рядом с Джоном с одной стороны и с двумя пустыми стульями для прибывших князей с другой.

– Князья! – воскликнула она, вскакивая с места, и сигнально размахивая руками, когда молодые люди вошли в комнату, но, заметив на себе удивлённый взгляд всех сидящих, притихла и села, тихо похлопывая ладонью по стулу; юноши подчинились, – Джон, – шепнула Алекс, пихая локтем сидящего рядом с ней герцога в бок, – Джон, это они.

Джон, видимо, только отходил от бессонной ночи, потому он не взглянул даже на прибывших и безлико воззрел на Александру, которая кивнула головой и что-то прошептала, наклонившись ближе к нему.

– Как те самые? – спросил он, выпрямляясь и глядя на князей поверх головы Алекс, – Так это они! – взволновался он, – Доброе утро, – произнёс он уже совсем другим, весёлым голосом, немного отодвигая Александру, чтобы протянуть руку юношам для рукопожатия, – Здравствуйте! Какая честь для меня, вы не представляете, как мы ждали вас, как лично я, – засуетился Джон, но, собравшись и сделав серьёзное лицо, продекламировал, – Джонатан Мортимер. Знакомству очень рад.

Олег принял рукопожатие и вновь вернулся к своему крепкому кофе, а вот Владимир оставил завтрак и обратил светлое лицо к герцогу.

– Честь имею, – сказал он, – так вы тот самый герцог Мортимер? Занятно. Я думал, что Вы гораздо старше.

– То есть как, Вы слышали обо мне, prince? – удивился Джон и пододвинулся ближе, так, что он практически сидел с Александрой на одном стуле, но, видимо, им обоим это не приносило никакого неудобства.

– Ха, Вы смеётесь? Вы, Джон, произвели неизгладимое впечатление на Андрея и Алексея. Общаясь с ними в той степени, что и я, нельзя было не узнать о Вас, герцог, к тому же с самых лучших, пожалуй, сторон.

– Польщён, правда. О Вас, могу Вас заверить, я слышал так же только весьма лестные вещи, которые не могли не заставить меня восхищаться Вашей натурой.

– Ну что Вы... – хотел, было, ответить Владимир, но Александра, сидящая меж беседующих, прервала «премилый» диалог.

– Уф! Что за формальности? Вы ведь не на светском рауте, так общайтесь как нормальные люди!

– Oh, princess, are we annoying you?⁴⁸ – спросил Владимир, несколько забыв даже, что рядом сидит британец.

– Но, prince, amazing accent! Is it the posh English? I am

⁴⁸ Ох, княжна, мы раздражаем тебя? (англ.)

impressed.⁴⁹ – сказал Джон, снова пожимая руку князю.

– Спасибо. Вынужден сказать, что Ваш русский тоже очень хорош, герцог. Давно учите?

– Год, он учит русский только год! – выпалила Александра, вновь прерывая разговор и придвигаясь к Владимиру, – Володя, как дела твои?

– Алечка, ну неужели ты действительно хочешь обсуждать это здесь и сейчас? В этот раз у меня большой отпуск, так что мы сумеем ещё обсудить всё, – проговорил Владимир, кладя свою руку на ладонь Александры и сжимая её.

Завтрак окончился лишь в двенадцатом часу дня. Погода не способствовала весёлым развлечениям, так что все жители усадьбы остались в тепле дома.

Оставшись в одиночестве, после того, как все разбились на «группы по интересам», Александра, не долго раздумывая, взбежала по лакированным ступеням, поскользываясь на поворотах, и, пробежавшись по длинному коридору второго этажа, застыла у последней двери.

– Олег, – тихо проговорила княжна, отворяя дверь, – у тебя, быть может, что-то случилось? – Олег, сидя на диване, полировал свой револьвер, обернулся и устало посмотрел на Александру.

– А, Александра, это ты, – буркнул он и снова отвернулся, но, когда заметил, что Алекс с несвойственной ей скромно-

⁴⁹ Ого, князь, великолепный акцент. Это Аристократический английский? Я впечатлён. (англ.)

стью стоит в дверях, добавил, – ты проходи, что ж, присаживайся.

Александра села рядом с Олегом на диван и долго смотрела, как он чистит своё оружие, молча, не отрывая глаз.

– Ты чего пришла-то, княжна? – прервал тишину князь, – надеюсь не из-за моего ...гм... скверного настроения?

– А как иначе? – обрадовалась тому, что Олег первый начал этот разговор, Александра, – ты же мой друг, можешь всё мне рассказать, – кивнула она, пододвигаясь, ближе.

– Ха, рассказать? да нечего рассказывать! Сказал я им: не хочу в отпуск, когда ситуация в Европе нестабильна, а они настояли, генералы!! Тоже мне, отправлять домой, когда каждый человек может в любую секунду понадобиться.

– А что с Европой-то? – спросила заинтересованная княжна.

– А с Европой всё нечисто. Идут серьёзные прения между Австрией и Сербией, которую, в случае чего, конечно поддержит Россия, из-за этого Германия рвёт и мечет, но ещё хуже, что Австро-Венгрия пытается противодействовать нам. В любом случае, Антанта готова к кризисным ситуациям, значит и армия должна быть, а нас распустили! Позор! – Александра видела, как Олег переживал за Россию, отчего ей стало как-то тепло и приятно очень.

– Ясно, так, а что теперь делать? – осведомилась она.

– Княжна, тебе же не интересно.

– Интересно, – слукавила Александра, но Олег искренне

и по-доброму взглянул на неё, – не очень. А что же тогда, молчать, что ли?

– Отчего молчать? Ты мне лучше расскажи что-нибудь, а я послушаю. Когда к вам этот иностранец приехать успел?

– Так уже месяц, как приехал. Да там, на самом деле, такая интересная ситуация нашего знакомства сложилась. Мы играли в «казаки-разбойники»... – начала Александра.

– У, так это ж вы знакомство с травмы начали. Нехорошо, – засмеялся Олег, – но я одобряю!

– Да нет же, ты слушай, – возмутилась Александра, которая жутко не любила, когда люди прерывали её рассказы, – Ну, а он приехал, весь при параде стоит, в костюме, а я тогда от Анастасии убежала, так вот, вижу его, думаю: какой симпатичный, между прочим, шанс на победу. Схватила тогда его за руку, машинально, как-то, и бежать пустилась. Там от «казаков» ещё уплывать пришлось, но то, какой я шикарный стратег – есть иная история. А потом, после того, как мы выиграли, конечно, Алексей говорит: это, мол, нечестная победа была. Хочу игру-реванш с другой командой, а я и говорю: да, пожалуйста. Играли во второй раз: дамы против юношей...

– То есть вы с Андреем разделились? – переспросил не поверивший своим ушам Олег.

– Ну да, да, так о чём это я? Ах, да, играли во второй раз. Ну, мы с девочками, как люди, так сказать, учёные, сразу же разделили обязанности. Так получилось, что я оказалась за

Джона ответственной. Я смотрю, а они в поле спрятались, говорю девочкам, чтоб все, мол, туда бежали, а оказалось, что ловушка. Джон как побежит от меня в противоположном от «штаба» направлении, да так быстро, что я бы не догнала, если бы не срезала себе дистанцию. Повалила я его, значит, а тот лежит и улыбается, меня прямо-таки в дрожь кинуло. Я думаю: вот я сглупила, на уловку попалась. Но ему-то не показываю, что я сконфужена и ничего в этом роде, я его только в «штаб» повела, а там связала и набила крапивой, чего делать не стоило бы, но ты же знаешь, я азартная. В итоге, подставляю наган к виску и говорю: говори пароль или я стреляю...

– Прямо к его виску, а он что? – закачал головой, смеясь, Олег.

– Да нет, к своему виску, – отозвалась она резко, показывая, как было дело, – а он...

– Ты что, обезумела?! – прикрикнул, прерывая рассказ Олег, глядя строго на Александру, – я допускаю... допускаю, чтобы ты приставляла оружие к чужим головам, но если это твоя собственная...

– Да что ж вы все думаете, что такая глупая!? – воскликнула Алекс, глядя, как бы, в небо, – ну неужели вы не понимаете, что не было там патронов. Он был пустой, – сказала она, глядя Олегу ровно в глаза.

– Пустой? – переспросил он с облегчением.

– Ну да, не заряженный. А теперь я могу продолжить? –

она дождалась упрямо кивка князя, только после чего вновь начала говорить, – Так вот, я приставила *пустой*, – она сделала чёткий акцент на этом слове, – револьвер к виску и первый раз спустила курок. Джон тогда так изменился в лице, что просто не описать, а тут ещё дождь идёт, и мне так холодно было, что прямо захотелось ударить Джона, чтобы он не тянул с ответом, но я была терпелива. Говорю: пароль или я стреляю, а он тогда говорит: «Распутин. Это был наш пароль». У меня, как ты понимаешь, мурашки по спине пошли, запах вспомнился, потому я и приняла пароль, чтобы больше не думать об этом гадком Распутине, а оказалось, что он соварал! Представляешь! Правда мы решили, что эта игра сыграна в ничью пользу. А на следующий день оказалось, что он совсем замечательный, умный и талантливый человек. Он любит Лермонтова, кстати. Просто прелесть.

– Я, наконец, могу сказать? – искренне смеясь, поинтересовался Олег. Алекс кивнула, – Что ж, Александра, гляжу, вы не скучали здесь. Я горжусь твоими задатками солдата, княжна, правда, – он приобнял Алекс, – а теперь иди спать. И так мы слишком долго здесь засиделись, – он глянул на часы. Была ровно половина одиннадцатого, – Как долго мы болтали с тобой? Часов пять? Странно ещё, что Владимир не явился до сих пор. Ладно иди.

Александра уже покидала комнату, когда Олегу подумалось: «Надеюсь, она не станет рассказывать Владимиру о том, какой Джон распрекрасный. Зная его ревнивую натуру,

очаами видно, чем это закончится: трудным, долгим разговором со мной».

Глава двадцать третья.

Стоит отдать Олегу должное: за годы общения с Владимиром он изучил князя достаточно хорошо, чтобы осознать все последствия появления у Масловых такого человека, как Джон. Хотя сценами ревности и гнева Владимир не забрасывал ни Александру, ни иностранца, никого бы то ни было другого, то, что молодой человек испытывает эмоциональные страдания, было написано на благородном челе его, когда он заходил после долгого дня в спальню и раскрывал свои бумаги. Несмотря на то, что Олег много раз говорил ему, что, на самом деле, Александра не испытывает никакого интереса к Джону, и хоть Владимир безумно хотел поверить этому, он не мог.

«Как я глуп! – думал он практически каждый вечер, – ведь я же знаю, что Александра тонка душою, что она сказала бы мне обо всём, не желая мучить. А ведь, получается, приношу ей страдания я сам, и ничего не могу поделать с собою. И виноват во всём этом лишь я один? – часто спрашивал себя князь и, вскоре, сам же приходил к ответу, – А больше и некому, отнюдь. Никому не понятны мои мучения оттого только, что необоснованны они и не подкреплены ничем существенным и действительным. Какой я всё-таки мерзостный человек: мало мне того, что я себя всего измучил, так я ещё и таких замечательных людей страдать заставляю. Моя

бедная Аля хотя бы знает возможные причины моего отдаления, а Джон? Он-то как трактует мою апатичность? Думает ли он, что не нравится мне, что я, может быть, презираю его? А я ведь не испытываю ничего негативного к нему. Он искренний, умный, интересный человек, который стал жертвой глупейших обстоятельств, запутавшись в паутине моей необузданной любви, а теперь болтает ножками, не в силах выпутаться. Сколько я уже живу в этом аду недомолвок и сомнений? Год? Два? Нет, лишь какую-то жалкую неделю, а сердце устало мучиться и мучить других. Бешено устало. Нет, невыносимо продолжать так жить, ведь это и не жизнь, а мука, одна сплошная боль, которую надо поскорее прекратить. Но как? Поговорить ли мне с Александрой? Нет, не могу ей даже слова сказать об этом ребячестве! Стоит поговорить с Джоном: это дело моих нравственных ценностей и качеств. Герцог – достойнейший юноша. Он должен понять меня», – решил, сидя вечером в садике ровно через десять дней после прибытия и глядя на красоту летней ночи, Владимир. Нетерпение и страх упустить момент победили разум молодого князя, потому через полчаса он постучал в массивную дверь спальни Джона, которая едва ли не мгновенно распахнулась пред ним.

– Джон, – начал, не заходя в комнату, Владимир, – Вы, надеюсь, знаете, как благосклонно я отношусь к Вам. Возможно, Вы замечали, что на протяжении недели я веду себя ...гм... по-разному, особенно с Вами, и часто мои действия

и слова оказываются отвратительными и даже гадкими, хоть в действительности я так и не думаю, – он говорил быстро, не позволяя Джону вставить и слова, а когда закончил вступительную часть разговора, он поднял глаза и взглянул на герцога, который стоял в белой пижаме, сконфужено глядя на Владимира. Воспользовавшись паузой, Джон жестом пригласил своего гостя зайти и плотно закрыл за ним дверь. Владимир сел на стул у окна, переплёл пальцы, закрыл ладонями лицо и долго, молча сидел, сомкнув глаза. В это время Джон, укутавшись в халат, тихо стоял у стены, не сводя глаз со своего посетителя.

– Да, я поэт, я ревнив! – вымолвил, наконец, поднимаясь, Владимир, – и потому все эти пытки выпадают на мою долю, но я не хочу, чтобы страдали окружающие меня люди. Люди, которых я люблю и бескрайне уважаю, потому я и пришёл к Вам, герцог. Прошу, выслушайте меня без усмешки, потому что иначе я не знаю, как мне ... как мне жить.

– Князь, я...

– Позвольте, дайте мне, сначала, сказать, а после я предамся Вашей воле, клянусь, – проговорил Владимир, отворачиваясь к окну, – Когда я ехал к Масловым я не знал, что Вы находитесь здесь и, знает Бог, когда узнал бы, только счастлив бы стал. Но мой пытливый ум не даёт мне покоя, когда я вижу Вас, герцог, рядом с... – он замешкался.

– С Александрой, – выдохнул Джон, наконец, понимая, о чём сей разговор.

– Да, да, именно с ней! Дело в том, что я знаю княжну, кажется, всю свою жизнь, и всё своё брренное существование я люблю её. Откровенно говоря, и Александра, испытывает ко мне нежные чувства, по крайней мере, так было раньше. А теперь, когда я вижу, как ей весело и интересно с Вами, герцог, моё сердце рвётся на части. Скажу без преувеличения, Вы мне симпатичны. У Вас хороший вкус, должное образование, воспитание, и, кроме того, наши с Вами моральные и нравственные ценности, я полагаю, во многом совпадают. И как не горько мне это признавать: Вы гораздо лучше меня во многих отношениях, потому-то моя душа неспокойна и просит пощады, которую я, увы, не могу ей дать, – Владимир закончил, отвернулся от окна, и теперь он стоял лицом к Джону, который, сосредоточено глядя на князя, аккуратно подбирал слова.

– Прошу Вас, князь, не надо. Присядьте. Вы говорите теперь, не обращаясь к фактам; я знаю, что я не просто не могу быть лучше, я не могу оказаться даже наравне с Вами, потому что я не представляю собою, равным счётом, ничего, в то время как Вы, взгляните, и поэт, и музыкант, и военный деятель. Поверьте, я никогда не говорю того, что не считаю правдой. Вы – творческий гений Владимир, и это не только мои слова. К тому же хочу Вас заверить, что Алекс любит Вас, это я вижу. Так вот, и я не играю никакой роли в развитии ваших отношений, я лишь хочу оставаться другом и княжне, и Вам. Вас я обожаю, честно сейчас говорю, без ле-

сти и обмана, потому мне больно смотреть, как Вы мучаете себя. Прошу, Владимир, не думайте, что я имею что-то к Александре Владимировне, нет. Она прелестная девушка, но я люблю её исключительно как друга, не более того, – закончил герцог и улыбнулся, подняв глаза на Владимира, поджав несколько стыдливо закусил губу.

– Джон, – произнёс Владимир, впервые искренне улыбаясь за последнюю неделю. Князь почувствовал, как тяжёлый камень свалился с души его, как легче ему стало дышать, говорить, думать. На языке у Владимира было много того, что он, возможно, хотел бы сказать Джону, но даже поэту иногда не хватает слов, потому он глубоко вздохнул и крепко, с жаром пожал руку герцога, – как же я был неправ, – единственное, что смог выговорить князь.

Можно с уверенностью сказать, что именно этот день стал исходной точкой в развитии отношений между Джоном и Владимиром, которые теперь приобрели нечто весьма ценное – умение говорить правду. Если молодые люди нуждались в совете, в котором они хотели быть уверены, они решительно шли друг к другу, зная, что не услышат ничего, кроме искренней правды. Кстати говоря, именно этот разговор спас трепетные отношения Александры и Владимира, который за одну только ночь помолодел будто и накопил столько энергии, сколько, казалось бы, человеку никогда не удастся потратить.

Выходя глубокой ночью из комнаты Джона, Владимир

услышал голоса наверху и, не желая идти в спальню, отправился туда. Слишком долго он бездействовал, слишком долго не общался с дорогими ему людьми, а теперь настало время всё исправить и восполнить те моменты, которые он, из своей молодости и горячности, упустил. Поднявшись наверх, Владимир увидел в огнях большой залы с бархатными портьерами, высокими окнами одну лишь Александру, которая читала стихи, казалось, сама себе; в комнате больше никого не было, и Владимир тихо, чтобы не прервать княжну, зашёл и встал в тени занавесы.

Читала княжна эмоционально, абсолютно не придавая значения некоторой нелитературной лексике, которая присутствовала в стихотворении. Сказать честно, никто, особенно женщины, в то время не позволяли себе читать в высших кругах столь провокационную поэзию, возможно, именно это и стало причиной того, что Александра читала, находясь в одиночестве, остерегаясь, как бы, лишних глаз и ушей.

– Bravo! – выкрикнул, выходя из тени и хлопая в ладоши, Владимир. Александра немного подпрыгнула от неожиданности, но увидев, кто пришёл к ней сильно обрадовалась.

– Владимир! Почему ты здесь? – спросила Алекс, подходя к князю.

– Гулял, – весело проговорил он, – и услышал, как кто-то прелестно читает стихотворные строфы. Кстати, автор мне, кажется, неизвестен? Кто же он?

– Да разве ты не знаешь? Ты действительно не знаешь?

Как же так, ведь Владимир всегда знает всех поэтов, и разве его тёзка Владимир Маяковский может стать исключением?

– Это не тот ли, приверженец социал-революционеров?

– Не знаю. Наплевать, главное, что он шикарен! Его произведения просто восхитительны. По-моему, все Владимир – поэты-гении.

– Будет тебе, – несколько смущённо заговорил Владимир, – Расскажи лучше, как у тебя дела.

– У меня всё неплохо, только я испугалась очень, когда ты прекратил общаться со мной, подумала, что больше, ну ... не любишь, – шёпотом закончила она.

– Эх, глупышка, да как же я мог тебя разлюбить, – спросил он, обнимая княжну, – Олег сказал, что мы с тобой лебеди, и я начинаю в это верить.

– Олег сказал? – переспросила Александра, – лебеди? занятно. Похоже, ты плохо на него влияешь.

– Я точно тоже самое ему сказал, – Владимир посмотрел на Александру, – кажется, я плохо влияю и на тебя.

– Кажется, ты плохо влияешь и на меня, – произнесли они в один голос, – Ого! – отозвалась Александра, – Кошмар! – и молодые люди звонко рассмеялись. Им предстояло ещё много чего обсудить, и целая ночь, которая была у них впереди, давала им время насладиться желанным обществом друг друга.

Глава двадцать четвёртая.

Утро следующего дня выдалось, прямо сказать, странным. Мало того, что погода двадцать восьмого июля была не летней, так ещё и жители дома были без причины взволнованы с самого утра. Александра, которая накануне ночью не спала практически, проснулась, когда на первом этаже в столовой зазвонил телефон, да так громко, что она не могла игнорировать этот шум, потому и встала. Не выспавшаяся, но всё же весьма счастливая девочка живо оделась и бегом спустилась по ступенькам вниз, туда, где собрались все жильцы дома, и даже Анастасия, которая обычно просыпалась позже всех, уже доедала свой английский завтрак. На звонок, видимо ответил Олег, который в данный момент стоял с трубкой в руке и хмуро слушал звонящего. Когда Олег закончил разговор он начал нервно ходить взад-вперёд по комнате, глядя в пол и тяжело дыша, брови его были сдвинуты и подрагивали слегка, а губы закушены. Князь долго думал о том, как же ему поступить с полученной информацией и, так как кроме Ольги Николаевны никого из взрослых людей в усадьбе не было, Олег извинился, что прерывает завтрак княгини и попросил её выйти с ним для короткой аудиенции.

– Доброе утро, – радостно сказала Александра, садясь за стол, и, увидев, какие взволнованные лица были у её друзей, спросила, – что случилось? Я пропустила что-то?

– Тсс, – шикнул по своему обыкновению Андрей, – мы тут пытаемся слушать, – молодые люди стояли, прислонив головы к двери, за которой шла беседа.

– А, – протянула Алекс и подошла к Владимиру, – как давно они там?

– Да уж порядком, – он взглянул на часы, – минут уж десять. Пойду узнаю, что у них произошло, – вздохнул он, улыбаясь, и ушёл. Разговаривающие не появлялись около пяти минут, а когда они стали приближаться к столовой, некоторые слова из их речи доносились обрывочно до ушей сидящих за столом.

– Может быть, не стоит им рассказывать? – испуганно говорила Ольга Николаевна, – они же, всё-таки, ещё дети.

– Они всё равно узнают об этом, так лучше пусть от нас эту новость услышат, а не из газет каких-нибудь, – сухо и безоговорочно отрезал Олег. Дверь со скрипом раскрылась и первой в комнату зашла бледная, словно снег, княгиня Маслова, после неё шёл Владимир, а за ними Олег. В комнате воцарилась мёртвая тишина, которую долго никто не решался нарушить.

– Как вы все знаете, – начал, наконец, Олег, – обстановка в Европе была нестабильна в последнее время. Мне только что сообщили, что Австро-Венгрия объявила Сербии войну и пересекла сербскую границу, а это значит, что Антанта будет принимать необходимые меры, – хмуро сообщил он.

– А мы уезжаем в армию, – добавил стоящий рядом с Олегом Владимир.

После данного объявления никто ничего не говорил и не ел. Все долго ещё недвижно сидели в столовой, боясь проро-

нить даже звук. Джон, которого данное сообщение взволновало очень сильно, постоянно стоял у телефонного аппарата, делая звонки домой и в замок короля, и куда только было возможно. Олег и Владимир отправились в свою спальню, чтобы собрать вещи и как можно скорее отправиться на фронт.

– Как же так? – взволнованно допытывалась Александра, пока князья собирались, – Неужели из-за какого-то герцога вы сейчас уедете от нас?

– Александра, ты понимаешь хоть, о чём ты говоришь? – резко вскрикнул Олег, – Ты что, хочешь, чтобы наша страна погибла?

– Я ... нет ... я, – глаза девочки заслонили мутные, колючие слёзы, и она уже ничего не видела, только представляла, как её любимые мальчики умирают из-за какого-то нелепого австрийского вельможи.

– Олег, прекрати, – заступился за княжну Владимир, – Аля, ну что ты? Что уж такого случилось? – он нежно обнял Александру, – Сейчас мы нужны нашей стране, потому и едем, а когда всё закончится, обязательно вернёмся к вам.

– А если нужно будет – погибнем за свою страну, – всё так же резко сказал Олег, – потому что мы – офицеры, и наша задача состоит в том, чтобы защищать великую Российскую империю, и мы выполним наш священный долг любой ценой.

От таких слов у Александры ком встал в горле, и она уже

не могла сдерживать своих рыданий, поэтому выбежала из комнаты и побежала куда-то по коридору. Владимир сурово посмотрел на своего друга, покачал головой и вышел из комнаты вслед за Александрой.

– Аля, стой! Подожди! – окликнул он Алекс, – Аля, – Владимир нагнал княжну, только когда та не смогла сдерживать слёз и сползла по стене на отчищенный до блеска пол и безудержно зарыдала, – Ну же, princess, полно плакать, ничего ведь не случилось.

– Пока не случилось, – трясущимся голосом произнесла княжна, со страхом глядя куда-то вдаль, – это война, Владимир! На войне убивают, – Александра больше не плакала, она теперь серьёзно и спокойно смотрела на Владимира, крепко держа его за тёплую руку.

– Аля, что ж ты меня похоронила-то сразу? – князь печально улыбнулся, – мне, милая, есть для чего возвращаться, да?

– Если ты не вернёшься, – прошептала она, выдержав долгую паузу, – то я умру.

– Конечно, я вернусь, обязательно вернусь к тебе, – сказал он, глядя юную княжну по щеке и светло глядя на неё.

Оставшийся день прошёл суетно. Трое молодых людей, живущих в усадьбе, собирались уезжать, готовили транспорт, прощались с родными и друзьями. Третьим юношей был, конечно, Джон, который, узнав о политическом кризисе в Европе, сразу же собрался вернуться в родную страну

и, если понадобится, отправиться на фронт. Отъезд герцога хэмпширского привёл Александру к последней стадии потрясения и отчаяния. До самого отбытия она не проронила и слова, а когда к выходу из усадьбы подъехал большой чёрный автомобиль, который должен был послужить средством передвижения для отбывающих юношей, Александра вышла из дома и долго стояла под дождём без зонта, глядя как вещи князей и Джона укладывают в багажный отсек.

– Александра, пожалей себя, ты же заболеешь, – тихо подходя сзади и покрывая Алекс большим зонтом, сказал Олег, – слушай, прости меня, я не хотел расстроить тебя.

– Я знаю, просто я так волнуюсь за вас, – всхлипнула Александра и печально взглянула на Олега.

– Я знаю, знаю, но всё обойдётся, я обещаю, – он поцеловал Александру в лоб, оставил ей зонт и сел в машину. Алекс огляделась по сторонам: она одна стояла на улице посреди дождя, и только грустно-чёрный автомобиль стоял рядом, а в нём, закрыв лицо руками и опустив отяжелевшую голову, сидел князь Олег. Чуть позже, видимо, попрощавшись со всеми, вышел Джон. Он был взволнован и беспрестанно глядел на свои наручные часы.

–I must be at the railway station in a half an hour. I mustn't be late⁵⁰, – бормотал он себе под нос, спускаясь по ступеням крыльца. Когда он увидел Александру, он слегка улыбнулся ей, – О, а я уж подумал, что ты не хочешь попрощаться со

⁵⁰ Я должен быть на вокзале через полчаса. Я не могу опоздать. (англ.)

мною, Алекс. Будем прощаться?

– Тебе необходимо уехать, не так ли? – спросила она тихо.

– Да, и, я надеюсь, ты не будешь против писем с английского фронта, – он улыбнулся слабо.

– Джон! – прошептала княжна, обнимая тесно герцога, – будь осторожен, пожалуйста, хотя бы ты.

– Хотя бы я? А что так?

– Моим хоть говори, хоть нет, я точно знаю, осторожными они не будут, – она посмотрела вниз. От своих же слов ей стало совсем как-то грустно.

– Ладно, княжна, не печалься, – вздохнул Джон и вновь обнял Александру, – мне пора! À bientôt⁵¹.

Александра теперь ждала лишь одного, самого главного для неё человека, который по какой-то причине всё никак не появлялся. На улице было холодно и ветрено, как это и бывает; дождь закончился, но иногда собирался вновь, даже брызгал слегка, но прекращался каждый раз, пугая только наивных, не знающих петербургского климата приезжих; солнце не светило вовсе, будто из какого своего принципа, и, только завидев приближающуюся тучку, тут же ныряло за неё. Вода в прудах была мутна и беспокойна, холодными каплями орошая и так непросыхающий берег. На желтых играющих волнах пытались удержаться утки, втягивая шеи и подгибая лапки, искали рыбу, но и та не выпалывала, пряталась в вязкой тине, согреваясь хотя бы так. Ветер играл волосами

⁵¹ До скорой встречи!

прохожих людей, нет, не играл, лучше сказать, издевался над ними, жестоко и безжалостно, дул в глаза, вызывая слезы; от ветра болело лицо, болели уши, но, когда он утихал, становилось пусто и безжизненно, ничто не веселило ухоженный английский сад, и беспрестанный гул в ушах угнетал гораздо больше, чем вызвавший его некогда ветер. Невыносимая тоска подавляла и томила, потому Алекс помахала на прощание рукой сидящим в машине и пошла по ступеням назад в особняк. Её мокрые светлые волосы прилипли к лицу, поэтому она ничего не видела, когда складывала зонт и плечом открывала массивную дубовую дверь особняка. Из гостиной пахло вечерним кофе и какой-то выпечкой, там было светло и уютно, но Александра застыла в тёмном и печальном коридоре, отряхиваясь от воды и вытирая глаза от внезапно выступивших слёз. Вскоре туда вышел и Владимир, который, казалось, искал в доме кого-то и никак не мог найти.

– Ах, Аля, ты здесь! Я искал тебя, – проговорил Владимир, подходя к ней, – нам нужно проститься, чтобы Джон быстрее попал на вокзал, а не то он меня прикончит быстрее, чем это сделает вражеская пуля, – он улыбнулся, но увидев серьёзное лицо Александры, добавил, – ну же, Аля, улыбнись. Миру нужен этот свет, без него и лето не лето, слышишь, – Алекс попыталась выдавить из себя улыбку, но получилось слабо, – До скорой встречи, любовь моя, обнимешь хотя бы напоследок? – он раскинул свои руки, и Алекс прижалась к Владимиру.

– Володя, пожалуйста, вернись живым, – попросила печально она, снимая кольцо со своей руки и протягивая его князю, – это тебе будет напоминанием о том, что ждёт тебя здесь. До встречи, князь, – промолвила Александра, отстраняясь от него. «Так обоим будет легче» – решила она, потому стояла теперь поодаль, глядя печально в глаза Владимиру.

– Ладно, princess, мне нужно ... идти. Я люблю тебя, – улыбнулся он в последний раз и, развернувшись, пошёл прочь, вышел из особняка, сел в машину и умчался на ней далеко и, к сожалению, надолго.

Глава двадцать пятая.

Со дня отъезда молодых людей Александра находилась в состоянии постоянной депрессии и хандры, она плохо спала и ела, не могла ни читать, ни петь, ни заниматься какой-либо наукой. Александра не общалась ни с кем кроме Андрея, который понимал её лучше других, чувствуя все её эмоции и тревоги и переживая их на себе. Юный князь обожал свою сестру, и, хотя ей он об этом никогда не говорил, это было очевидно: поступки молодого князя говорили за него. Александра и Андрей стали совсем неразлучны, будто это был один человек, разделённый когда-то, но воссоединившийся сам с собою теперь, когда более того нуждался в этом.

Первого августа конфликт Австро-Венгрии с Сербией открыто затронул Российскую империю: Германия официально объявила России войну. Ситуация на Европейской аре-

не развивалась стремительно, и шестого августа Австро-Венгрия поддержала Германию и объявила войну Российской империи тоже. Вскоре к конфликту присоединились Англия и Франция, выводя, таким образом, войну, зародившуюся на Балканах, на международный уровень. Всеобщая мобилизация в армию была объявлена, и потому каждый дом теперь жил в ожидании конца этого ужаса, который, к сожалению, был ещё невероятно далёк. Сначала Российской империи улыбалась удача, и потому на начальном этапе военных действий она добивалась успеха, раз за разом разбивая врагов. Нужно сказать, что огромную роль в данном успехе сыграл, конечно, мощный патриотический подъём, охвативший страну и мужество русских солдат и офицеров. Однако всё было не так благополучно, как могло бы показаться на первый взгляд, потому уже в начале осени 1914 года военная ситуация для России осложнилась, но об этом говорить теперь совсем не время.

В жизни мирных людей же царило полное затишье: оставшиеся дома женщины и дети не имели даже наималейшего понятия, что им сделать и чем заняться, чтобы хоть как-то облегчить судьбу фронтовых. Огромное количество молодых девушек ушло на фронт за своими мужчинами как сёстры милосердия. Добровольцы – называли они себя. Эти добрейшие и храбрейшие из всех старались держаться ближе к фронту, чтобы в любой момент броситься на помощь раненым и страдающим.

В данном рвении Александра не была исключением. С самого начала этой опустошающей войны юная княжна рвалась на фронт. Она, конечно, хотела быть не просто медицинской сестрой, в мечтах своих Александра могла воевать рядом с мужчинами, помогать им и беречь. Намерения её были достаточно серьёзными: не говоря об этом своей семье, Александра несколько раз пыталась сбежать в темноте ночи из дома, но каждый раз её останавливал Андрей, который категорически строго смотрел на неё и безмолвно возвращал княжну в покои. «Я поклялся Владимиру, что сберегу тебя, и я сдержу клятву любой ценой, Александра!», – сказал он один раз, и это так тронуло сердце мучающейся княжны, что она оставила свои тщетные попытки бежать.

Все девушки семей Масловых и Романовых стали сёстрами милосердия и посещали церковные литургии каждый день, молясь за судьбу России, солдат и офицеров её. С началом войны переехали в Царское Село, где теперь и ходили в многолюдную когда-то, но теперь пустую, будто вымершую, церковь. Перед самым своим отправлением туда зашёл Владимир, зная, что на литургии будут его родные, чтобы проститься с ними и со спокойной душой уйти на фронт. Зайдя в церковь, он не обнаружил за утренней молитвою лишь Александры, чем был искренне раздосадован и удивлён.

– Нет, сегодня Сашеньки не будет, – качнула головою Ольга Николаевна, грустно глядя на Владимира, – заболела она. Всё происходящее вокруг: давящее и нарастающее день

за днём напряжение, отсутствие спокойного сна, собственная депрессия девочки – всё это привело к тому, что Александра слегла. Находясь в плену собственного тела, Александра подолгу тихо лежала, глядя в белые потолки и размышляя о том, что сейчас происходит с солдатами и офицерами. А иногда Александра вставала с постели, собирая последние силы свои, и подходила к окну, мечтая, что война вот-вот окончится, и она увидит возвращающихся с фронта Владимира и Олега. Но каждый раз силы покидали девочку, и она опускалась на пол и долго, неподвижно сидела, глядя в холодную пустоту комнаты. С тех самых пор, Андрей не отходил от своей сестры, переживая за неё всем своим сердцем, желая помочь, но, к сожалению, это было не в его силах. Потому он просто находился рядом, рассказывал новости и известия, избегая скверных и печальных. Именно Андрей рассказал Алекс, что Наталья родила прелестных двойняшек: девочку, которую назвали Екатериной, и мальчика – Павла; что Ольга уехала в Америку ещё до того, как в Европе разгорелась эта чудовищная война, и теперь довольно свободно проживала там со своим мужем, каждую минуту переживая за участь своей семьи. Мысль о том, что, хотя бы её любимой сестре, Ольге, не грозит ничего ужасного, заставило Александру улыбнуться впервые за последний месяц. После она, собрав все свои силы, сжала руку брата и слабым голосом произнесла:

– Спасибо.

С того дня Александра стала медленно поправляться, и уже к началу октября девочка могла бы сказать, что она здорова, если бы не выглядела, как бывшая заключенная концентрационного лагеря из-за своей бледности, худобы и внешне заметной физической слабости. Так много времени Александра была заперта в доме, что теперь и минуты не могла находиться здесь боле, потому в первый же день своей официальной выписки Александра пошла в церковь, простояла на ногах всю утреннюю литургию, а после, не выказывая усталости, отправилась на прогулку с тандемом «АА».

Надо сказать, что с началом военных действий, мальчики выросли, по какой-то причине, повзрослели и поумнели, и теперь были своеобразными взрослыми людьми в неокрепших юношеских телах. В десять часов утра, как всегда, принесли почту. Каждому пришло хотя бы по одному письму, а кому и по три, и по четыре. Александре, как того и обещали практически ежедневно писали Владимир и Джон, письма которых Андрей иногда читал девушке, когда та болела. Вот и теперь пришло три письма: от Владимира, Джона и Олега, от которого долго не было никаких известий, потому Александра разволновалась и затряслась, но, быстро взяв себя в руки, распечатала письмо и живо принялась читать.

«5 октября 1914 года, Северо-Западный фронт, г. Владиславов.

Дорогая Александра,

Узнал, что ты сильно заболела, но времени писать к тебе

совсем не находилось, потому прошу у тебя прощения. Как твоё здоровье, княжна? Готова слушать о фронтовой нашей жизни? Надеюсь, что да, потому как не могу не рассказать тебе о нашей стратегической победе над Германией в битве при Танненберге. Это чудо, что, несмотря на признанное тактическое поражение русской армии, Германия отступила, и планы её были полностью разрушены. В основном всё у нас неплохо, рутинная жизнь солдат и офицеров повергнет любого дворянина в глубочайшую тоску, но только не меня. Ты же знаешь, как я обожаю армию нашу и русский народ, который, глядя боли и смерти в глаза, негибимо стоит под градом пуль и штыков или неостановимо рвётся вперёд, на врага. Если уж что, то не волнуйся за меня, Александра, потому что ранен я ещё не был, полон сил и желания закончить все эти ужасы военного времени и вернуться домой. Однако здесь я понял, что война – это не только смерть. Это такая жизнь, какой никто из нас прежде не видел, и не знал никто и не задумывался даже, насколько она ценна, эта жизнь.

Недавно услышал, что сестра твоя Ольга оправилась в Америку, где её и застала война. Не могу ли я осведомиться хотя бы у вас, как она поживает, и как идут её дела? Что до Германии, могу сказать, что они простые мошенники, развязавшие войну тогда, когда им было угодно сие. Прошу прощения, княжна, но не имею времени и сил писать тебе боле. Надеюсь, ты поправилась и в состоянии будешь написать мне в ответ. Передавай мои поклоны всей семье.

Искренне твой,

Олег»

– У него всё хорошо, – судорожно выдохнула княжна, чувствуя напряжённый взгляд друзей на себе. «Слава Богу» – подумала она про себя.

Александра быстро встала со скамейки, на которой они сидели, отчего у неё закружилась голова, и скоро, как могла, зашагала в кабинет, чтобы написать ответ Олегу и, конечно, прочесть остальные письма, присланные ей. Все живы, все здоровы – вот самое главное для Александры. От волнения у княжны помутнело в глазах, и она рывком села на стоящий рядом стул, часто моргая, пытаясь восстановить сознание.

После обеда все письма, написанные в Александровском дворце, были отправлены на фронт. Оставалось теперь лишь молиться и ждать ответа.

Десятого октября впервые за долгие месяцы позвонил телефон, находившийся не в политическом крыле здания. Трубку сняла Александра Феодоровна, которая долго тихо слушала, что ей говорили, потом побледнела сильно в лице, ответила что-то непонятное и прервала звонок. После она немного постояла возле телефона, осмысливая то, что ей только что было сказано, и пошла прямо в кабинет мужа, тихо попросив Анюшу пригласить туда Ольгу Николаевну. Никто из детей не видел этого и никто не знал, что разговаривали взрослые люди долго, совершая тяжёлые звонки, утирая глаза и судорожно вздрагивая от новых неутешитель-

ных, трагических известий. Эти аудиенции проходили часто, ежедневно, а вечером двенадцатого числа в кабинете прозвучал роковой звонок. Трубку снял Владимир Львович. Воцарилась мёртвая тишина. С другой стороны слышались всхлипы и стоны, женский плач.

– Мы должны сказать об этом детям, – не поднимая глаз, проговорил князь Маслов, – Завтра придёт его почта. Они должны узнать об этом до того, – Ольга Николаевна громко всхлипнула.

– Это убьёт их. Как нам сказать?

– Мы скажем своим, – проговорила Александра Феодоровна, держа подругу нежно за плечо, – вы главное сообщите Александре.

– Моя девочка, – всхлипнула княгиня Маслова своему мужу, закрывая покрытое слезами лицо руками, когда они выходили из кабинета императора и направлялись к юной княжне, – Она будет так горевать, – выговорила она и зарыдала безутешно и горько.

– Александра, – нежно вымолвил князь Владимир Львович, заходя в кабинет к дочери, где княжна писала что-то в красивом кожаном дневнике, – можешь, пожалуйста, выйти в гостиную, нам нужно кое-что сказать вам с Андреем.

Сердце княжны неприятно перевернулось, предчувствуя что-то, и ушло в пятки. Где-то в глубине души вырвалась наружу та тревога, которая подавлялась девочкой долгие годы. Александра отложила письмо в сторону и медленно встала.

Ей, почему-то вовсе не хотелось выходить и слушать ту новость, которую родители хотели им сообщить. Покинув комнату, она увидела на диване свою мать, лицо которой выглядело очень несчастным, несмотря на то, что она пыталась принять наиболее спокойный вид. Рядом с княгиней сидел Андрей, скулы которого были напряжены. Мальчик тоже был расстроен, однако хорошо скрывал это и, всячески поддерживая мать, сидел спокойно, поглаживая ладонь Ольги Николаевны. Увидев сестру, Андрей немного дёрнулся и головой пригласил Александру сесть рядом с ним. Когда девочка села, воцарилась тишина, которая вскоре была нарушена князем Масловым.

– Позавчера нам позвонили из военного госпиталя, – начал отец, – и сказали, что, – он резко остановился, прерывисто вдохнул и посмотрел на Александру перед тем, как произнести имя, – Олег, вырываясь вперёд на врага и ведя людей за собою, был тяжело ранен. После того звонка мы осведомлялись о самочувствии князя ежечасно, однако ситуация его оказалась довольно плачевной. Олег находился в сознании и сказал, что он очень счастлив, что это то, что нужно, чтобы поднять патриотический дух войска, – он посмотрел на Александру: она тихо сидела, скрестив пальцы, нервно и внимательно глядя на отца, – но врачи не смогли ничего сделать. Ранение оказалось слишком серьёзным, – он вновь взглянул на Александру, пытаясь понять, нужно ли продолжение, – Сегодня нам позвонила Елизавета Маврикиевна.

На руках своего собственного отца, отдав жизнь за Родину свою, Олег скончался, – когда Владимир Львович закончил, все взоры аккуратно устремились на Александру. Все ждали чего-то.

– Это всё, что вы хотели мне сказать? – осипшим голосом спросила княжна и, не дождавшись ответа, встала и побрела в свою комнату, пошатываясь, ступая неуверенно и слабо. Она не могла ни плакать, ни кричать. Она просто упала на перину, держась рукою за ноющую грудь. Так она и пролежала всю ночь без сна, глядя на белый потолок, слушая звенящую тишину и периодические всхлипы княжон Романовых.

Наутро принесли прощальные письма князя Олега. Одно из них было адресовано, конечно, княжне Александре Масловой, которая лежала в своей постели ещё, не в силах подняться. Письмо Андрей принёс ей прямо в комнату и хотел задержаться, чтобы поддержать сестру, но та взглядом дала понять ему, что хочет остаться одна. Рассмотрев со всех сторон конверт, Александра аккуратно развернула его и сразу заметила, что писал не сам Олег, а кто-то за него.

«11 октября 1914 года, Вильно.

Дорогая моя Александра,

Прости меня, что не могу написать тебе сам, но, понимаешь, моё брэнное тело перестало слушаться меня. Чувствую, что скоро отдам жизнь свою за Россию, чем ничуть не расстроен и, может быть, даже обрадован. Александра, ты мне очень дорога, поэтому я не хочу, чтобы ты страдала, плакала

или же винила кого бы то ни было в моей гибели. Это было моё решение, которого я бы никогда не изменил. Возможно, ты злишься на меня, у тебя на это есть полное право. Только я хочу, чтобы ты знала, что я никогда не оставлю тебя, я всегда буду стоять ровно за твоим плечом, чтобы беречь тебя и охранять.

Ты сильная, Алекс, только не дай твоей силе задушить тебя изнутри. Передай своей сестрёнке, что я таки пронёс свою любовь к ней до гроба, а теперь я искренне рад, что она не связала свою жизнь со мною. Хотя, нет, не стоит, не говори. Она знает, слова – вздор. Прощай, княжна, надеюсь, мы встретимся с тобой очень и очень нескоро».

На этом письмо обрывалось. «А если нужно будет – погибнем за свою страну», «ранен я ещё не был, полон сил и желания вернуться домой», «всё обойдётся, я обещаю», – вспомнились ей разные слова Олега.

– Как ты мог не сдержать обещание?! Как ты мог бросить меня?! – закричала Александра, глядя куда-то в небо, и горько зарыдала.

Глава двадцать шестая.

После известия о смерти князя Олега Александровский дворец притих ещё боле, посерел и будто бы уменьшился. Не слышался теперь тут даже мимолётный смех, музыка или стихи. Никто уже не мог плакать, но и прийти в себя жильцы были не в силах. Хуже всех выражала свою боль Александра, для которой Олег был словно старший брат. Она не просто

больше не плакала, княжна не проявляла никаких эмоций по отношению ко всему происходящему в принципе, бродя по замку холодно и апатично, она будто сливалась с серыми стенами замка, превращаясь в призрак, чья бессмертная душа навеки прикована к холодному камню дворца. Хотя она редко выходила из комнаты, которую ей выделили по её собственной просьбе, чтобы находиться больше одной, без княжон, брата, родителей, без кого бы то ни было. Живя затворницей, Александра целую неделю не покидала второго этажа особняка, отказывалась от еды и не делала ничего, кроме отправки писем, которые она писала каждый день, боясь опоздать пообщаться и потерять ещё одного дорогого ей человека, даже не попрощавшись. В своих письмах к Владимиру девочка изливала свою душу: на письме она выражала страшные рыдания, гнев и страх, оставаясь абсолютно бесстрастной наяву. Однако в какой-то момент письма от Владимира перестали приходить в Царское Село, и сердце юной княжны заняло сильнее и яростнее. Каждый шум или шорох извне заставлял Александру нервно вскакивать с перин и подбегать к двери, отворять её и разочаровано видеть, что это лишь Анюша принесла ей еды, или мать пришла, чтобы попробовать поговорить, или отец подошёл, чтобы немного тихо постоять у дубовой преграды, а потом так же тихо, безмолвно уйти. Так прошло дня четыре или, может быть, пять, и Александра начала замечать у себя признаки паранойи: слышать и видеть то, чего не существует. Но двадца-

того ноября послышался негромкий, но довольно настойчивый стук. Александра немедленно вскочила с кровати, чтобы скорее открыть дверь; за дверью она нашла Андрея, стоящего слегка улыбаясь. Князь был одет просто: в солдатский китель, какой часто носил Олег и в кожаные сапоги, надетые поверх простых чёрных штанов. Александра, увидев своего брата, ухватила его за запястье и резким движением затянула в свою тёмную комнату.

– Он написал? – с надеждой и некой уверенностью спросила она, – отдай мне письмо, отдай скорее, Андрюша, – но Андрей только грустно посмотрел на сестру и тихонько покачал головой. Алекс огорчённо выдохнула и отошла от своего брата, – Зачем тогда пришёл ты, Андрей?

– Саша, ты убиваешь себя, разве сама ты не понимаешь? Думаешь, этого хотел бы Олег? – произнесённое имя будто полоснуло ножом по сердцу девочки, потому она нахмурилась и отвернулась от Андрея, – Неужели лучше забыть его, чем принять смерть? Александра, Олег заслужил, чтобы его помнили! Саша, пожалуйста, – Андрей подошёл к своей сестре и встал напротив неё, – послушай меня. Я знаю, насколько тебе больно, и хоть моя потеря не сравнится с твоей, я прошу тебя: живи, пожалуйста. Не хочешь жить ради себя, сделай это ради Олега, сделай так, чтобы он гордился тобой, чтобы видел, что ты не сдалась, что ты действительно дорожила им, Александра, – он заглянул своими большими синими глазами ровно внутрь девочки, и сердце княж-

ны будто перевернулось, потому Александра крепко обняла брата своего, прижавшись, головой к тёплой и широкой его груди, – Я, кстати, кое-что принёс тут, – интригуяюще проговорил Андрей после небольшой паузы, – Это не письмо, конечно, но тоже очень хорошая вещь, – сказал он, доставая из внутреннего кармана кителя плитку шоколада, – сделан вручную, знаешь. Пришлось хорошенько побегать, чтобы найти его.

Через пять минут от шоколадки осталась только обёртка, которая теперь аккуратно складывалась и раскладывалась руками Александры, пока их хозяйка слушала смешную историю Андрея, о том, как он искал этот «дурацкий, но уж очень нужный шоколад», и изредка слегка посмеивалась. Из одной только этой сцены можно было понять, насколько Андрей любит свою сестру. Андрей, для которого смерть Олега оказалась сильным ударом, сейчас безмятежно носился по комнате, делая всё, чтобы заставить Александру улыбнуться, хотя бы чуть-чуть. И, надо признать, что план Андрея действовал, по крайней мере, до тех пор, пока запыхавшаяся и немного напуганная, почему-то, Анюша не забежала в комнату.

– Там ... Вас зовут, княжна, ... сказали, ... почта пришла.

– Пришла! – воскликнула Александра, поднимаясь, и, покинув комнату, бегом спустилась вниз по ступеням. За княжнюю, конечно, спускался Андрей, который не мог понять, какая может быть почта в два часа дня. – Сказали поч-

та! Сказали – пришла! Где? Где она? – кричала Александра, забегая в гостиную. В комнате никого не было, и никто не отвечал на вопросы княжны, – Как же так? – едва ли не плакала она, оборачиваясь на Андрея, – Как же это? Неужели, обманули?

– Ох, обманывают здесь людей, обманывают. Мне сказали: «Приезжай! Она здесь ни ест, ни пьёт, ни с кем не разговаривает. Без тебя нам не справиться!»

– А я знал, что я и сам справлюсь, – заговорил Андрей скорее театрально, – «Без поэтов разберёмся»⁵², – однако слова Андрея практически полностью были заглушены криком Александры.

– Владимир! – закричала девочка, кидаясь вперёд, – Ты живой! – Александра обняла его, но тут же вспомнила о том, как она волновалась, и со всей силы ударила Владимира по плечу, – Как ты мог просто взять и перестать писать мне письма! Я думала, ты умер!

– Ну, я был в дороге сюда, потому и писать было некогда. Как ты, Аля? – спросил он, абсолютно меняя тон голоса, – Выглядишь...

– Ужасно, я знаю.

– Я хотел сказать, подавленной.

Андрей, заметив, что он здесь лишний, вздохнул глубоко и отправился решать другую проблему: проблему с Алексеем. Надо сказать, что болезнь в любом случае брала своё, и

⁵² Цитата Олега, удачно применимая здесь.

Алексей чувствовал себя хуже год за годом, хотя и пытался скрывать это.

Зайдя в спальню, где сейчас находился цесаревич, Андрей не придумал ничего лучше, как заключить теперь дружеское пари.

– Спорим, Владимир уже завтра уедет отсюда?

– Это общеизвестный факт, Андрей Владимирович! За кого ты меня принимаешь!

– Как завтра! – воскликнула Александра, когда Владимир рассказал ей о краткости своего приезда, – Что ж вы все меня мучите?!

– Отчего же мучаем-то сразу? – поинтересовался Владимир, – Я тебе пишу? Пишу. А теперь и сам приехал, хоть и на денёк. К тому же мы так с тобой и не попрощались порядком, так что мне тягостно было служить, чувствуя эту незавершённость.

– Так давай и не будем прощаться. Может быть, тогда у тебя будет весомый повод домой вернуться?

– Повод у меня и так найдётся. – Александра придвинулась ближе к Владимиру. От князя пахло апельсинами и табаком.

– Ты куришь? – спросила она, заглядывая в глаза его.

– Начал после, ну... – Владимир погрустнел и отвёл глаза.

– Да, – подтвердила Александра. Девочке захотелось подарить Владимиру что-то, ради чего ему захотелось бы жить, потому она дотронулась руками до лица его и мягко и нежно

поцеловала пахнущие сигарами губы.

Это был их первый настоящий поцелуй.

Часть вторая.

Глава первая.

Время меняет всё. Ход времени неумолим и беспрепятствен. Что такое десять лет для человека? Целая жизнь, наполненная переменами, событиями, значимыми и несущественными минутами. Что же это для истории? Лишь краткий миг, прошедший когда-то и где-нибудь записанный. История не запоминает моменты, она считает даты, события, великие потрясения и перемены, в то время, как хрусталь человеческой судьбы может бесповоротно повредить даже краткий год, два года, три...

Наступил 1917 год. Со стороны казалось, что никаких изменений не последовало, и Российская империя продолжала жить своей обычной жизнью. Газеты в Новый год печатали всё те же обыкновенные статьи про императорскую семью, дополняемые указами Его Величества, про религиозные праздничные служения и светские рауты, про культурные события и вечные, заурядные проблемы. Прежние люди посещали спокойно назначенные места, день закономерно сменялся днём, и только едва уловимое напряжение, читавшееся на лицах прохожих, редкие проявления отстранённости и недовольства намекали, что перемены уже начались,

но, казалось, этого никто не замечал.

Что же было неизменным? Война. Война, которая за три года своего существования уничтожила миллионы жителей земного шара, разрушила города и страны, всё не прекращалась, обретая затяжной характер, однако не только она забирала человеческие жизни. Гибель Олега стала чем-то вроде пускового механизма для судьбы, которая уносила больше и больше дорогих сердцу Александры людей. Летом 1915 года в своём кабинете скончался Великий князь Константин Константинович; смерть сына стала для него роковым ударом, от которого он уже не смог оправиться. Через два месяца трагически погибла княжна Елена Маслова, находившаяся в Москве, которая попала в волну беспорядков и анти-немецких бунтов. Толпа, уничтожавшая всё на своём пути, не заметила даже, что ворвалась в институт, а когда осознание снизошло до людей, изменить что-либо было невозможно. Зимой 1916 года был убит Григорий Распутин, чем, надо сказать, была расстроена лишь одна половина дома, Александра же наоборот почувствовала свободу и покой, которым не пришлось продлиться долго.

Январским утром княжна Александра проснулась рано. Сердце её неистово билось в груди, чувствовало приближение Владимира, с которым Алекс не виделась уже более года. Когда Александра встала с постели, в спальне не оказалось княжон.

«Странно, – подумала она, – Должно быть, прибыл». И

Александра, наскоро одевшись и кое-как расчесавшись, начала свой ежедневный спуск по ступеням дворца, с каждым шагом лучше предчувствуя встречу с Владимиром. Она знала, что князь был рядом, и теперь просто не могла сохранять терпение. Пройдя все ступени и дойдя до дверей гостиной, Алекс услышала голоса, и хотела было постучать, но, решив, что это будет лишним, быстро распахнула дверь и вошла внутрь. В комнате оказалось пятеро человек: Мария, Владимир, две молодые и одна взрослая великолепно одетая, но совершенно незнакомая Александре женщина, но княжна, не замечая никого, подпрыгнула и с визгом помчалась к Владимиру, который, услышав знакомый голос, тут же прекратил разговор и с счастливой улыбкой развернулся к Алекс, раскинув подрагивающие руки.

– Владимир! Володя, как долго! Как я скучала! – она бросилась ему на шею и долго обнимала его, уткнувшись в его китель, вдыхая его запах, прижимаясь к его груди. Александра за последние три года очень выросла: стала красивее и нежнее, глаза стали ещё чернее и будто бы больше; плечи расширились немного, а изящный стан стал тоньше, хоть и выглядел уже менее хрупким; грудь округлилась и вздымалась сильнее с каждым вздохом; тонкая шея напрягалась каждый раз, когда Алекс волновалась, и тонкие вены, узкие мышцы проступали на ней, в общем, фигура стала более женственной, хотя Александра оставалась худа, – Владимир, Боже мой, ты ранен? – промолвила взволнованно она, гля-

дя на перебинтованную руку князя. Владимир молча стоял, будто бы не в силах отвести глаз, любуясь преумноженной красотой своей возлюбленной.

– Должно быть это Александра? – строго, но с улыбкой поинтересовалась незнакомая княжне женщина, сощурив немного тёмные глаза, – много слышала о Вас, юная леди. Рада наконец познакомиться.

– Александра, – заговорил Владимир, всё так же обнимая девушку, – это Ольга Валериановна, моя мать.

От услышанного у Александры сердце провалилось в пятки. «Надо было надеть что-нибудь покрасивее, – подумала она, – и причесаться получше, и постучать в дверь. Какая же я глупая!»

– Доброе утро, – сконфужено произнесла Алекс, – до такой степени я ошастливлена этой встречей с Вами, что мне трудно найти подходящие слова, – княгиня ослепила Александру своей красотой и грацией. Это была фигуристая дама, одетая в шёлковое бордовое платье, поверх которого она носила чёрный, очевидно, ценнейший мех. Тёмные волосы княгини были убраны в причёску на затылке, а пронзительные тёмно-серые глаза смотрели будто сквозь Александру, анализируя все её недостатки и погрешности. Княжна, восхитившись этой женщиной, одновременно весьма испугалась её. Алекс захотелось закончить эту неловкую беседу как можно скорее. «Первое знакомство с матерью Владимира и такой крах!» – подумалось ей.

– Надеюсь, я не смутила Вас, ma chère?⁵³– спросила княгиня, поднимаясь с дивана.

– Нет, что Вы, что Вы, я ... это просто неожиданно, – проговорила Александра, совсем теряясь, однако, вспомнив о том, что она актриса, взяла себя в руки и улыбнулась, – как Вы добирались сюда, Ольга Валерьяновна? Надеюсь, Вы не очень устали в дороге.

Однако, несмотря на все старания Александры, разговор с ней княгиня вела неохотно, она часто взирала на сына и, несколько оскорблённо осознавая, что он не смотрит неустанно на неё одну, возвращалась к Александре, и вновь вводила княжну в краску. К радости для Алекс диалог этот завершился вскоре, когда в комнату зашла Александра Фёдоровна, «украшая Ольгу Валерьяновну всего на минуточку». Только Александра выдохнула с облегчением, Владимир вновь повёл её куда-то.

– Должно быть, стоит познакомить тебя с моими сёстрами, princess, – сообщил Владимир, улыбаясь незнакомым Александре девушкам, – это Ирина и Наталья. Дамы, это Александра.

– C'est vrai qu'elle est très belle! – сказала Наталья, глядя лукаво на Ирину, – C'est pourquoi Volodia⁵⁴...

– Рады познакомиться, княжна, – перебила сестру Ирина, – не будем отвлекать вас с братом, так что пойдём,

⁵³ Моя дорогая (фр.)

⁵⁴ Она действительно очень красивая! Поэтому ли Володя... (фр.)

Nathalie, посмотрим нашу комнату.

Девочки удалились так скоро, что Александра не успела промолвить и слова в ответ, только слегка изумлённо посмотрела на Владимира.

– Ну что, princess, как тебе моя семья? – спросил он.

– Такие красивые, – выговорила Александра, – вот только твоей матери я, увы, не понравлюсь.

– Аля, откуда такие мысли? Да разве можешь ты не понравиться хотя бы кому-нибудь? – вскинул брови Владимир, поднимаясь с княжной на второй этаж, – решительно нет. Ты очаровательна.

– Ты ранен?! – вспомнила Александра о руке Владимира, – Как это произошло?

– Это так, пустяк, – отмахнулся он, улыбаясь, – как ты выросла, Александра. Какая же ты красивая, – заключил Владимир, останавливаясь, и влюблённо глядя на княжну, наклонив русую голову вбок. Романтический момент был трогателен, но в этот момент из комнаты императрицы вышла, размахивая веером, Ольга Валерьяновна. Она была чем-то раздражена, что Владимиру стало понятно из-за обращения его матери с её любимым предметом вымещения эмоций. Когда княгиня заметила Владимира, она элегантно развернулась на каблуках и быстро зашагала по направлению к своему сыну.

– Владимир, я боюсь, что ... – она прервалась, когда заметила, что рядом с Владимиром стоит Александра, – rouvons

nous parler tête-à-tête pendant quelques minutes?⁵⁵ – однако, когда княгиня заметила, что её сын очень неохотно отходит от княжны, она остановилась, – Хотя, что уж. Владимир, мы уезжаем.

– Что? Маман, но ...

– Владимир, как я поняла, Александра Феодоровна не изволит боле видеть нас в своём дворце, так что собирайся.

– Александра Феодоровна очень тепло относиться к Владимиру и к Вам, княгиня, – проговорила робко Александра, – должно быть, произошло недоразумение...

– Юная леди, – немного повысила голос княгиня, но после, успокоившись, проговорила, – это совсем не Вашей компетенции, княжна. К тому же Вы не сможете ничего изменить, – и она развернулась и ушла, постукивая каблуками, по лестнице вниз.

Александра расстроено смотрела вслед уходящей княгине и думала, каким образом она может исправить сложившуюся ситуацию.

– Странно, – Владимир растеряно взглянул вокруг себя, – обычно она спокойнее. Должно быть, что-то действительно случилось.

– Должно быть...

– Но она тебя не ненавидит, в этом я могу тебя уверить.

– Что же делать? Была бы здесь моя мама, она бы точно всё исправила, – вымолвила Александра, вскидывая голову.

⁵⁵ Можем мы поговорить наедине несколько минут? (фр.)

– Да, кстати, а где Ольга Николаевна?

– Она уехала сразу после Рождества в Казань, чтобы помочь Наташе с подрастающими двойняшками, пока князь Василий Павлович Бекетов на фронте.

– Ох, как неожиданно официально ты своего зятя представляешь, – улыбнулся Владимир.

– Да, а как иначе? Мне и без того постоянно достаётся из-за моей любви вольно о людях отзываться. Плюрализм не в моде нынче!

– О да, старое доброе самодурство теперь не в чести, – ответил Владимир, но, поймав суровый взгляд Александры, вернулся к прежней теме, – тогда ... тогда я просто не поеду с ними, и только.

– Не впадай в панику, Володя, не получается примирить женщин – иди к их мужьям, – словно некую мудрость, объявила Алекс.

– Это чья-то цитата?

– Как «чья-то»? Моя, – смеясь, ответила Александра и отправилась в кабинет Николая Александровича, где сейчас предположительно находился её отец.

Дверь кабинета оказалась открытой, и оттуда доносились смех и звуки дружеского разговора.

– Ну как же, право, – удивился князь Маслов, – отчего ты не знаешь? Я уж трижды дедушка, так что блюдите суверенитет, царь.

– Да как трижды, Владимир? Ты меня не разыгрываешь

часом? Знаю, что двойняшек Наталья родила, но это только двое. А третий откуда?

– Обижаешь ты меня, Николай Александрович, обижаешь. Буквально в декабре Оленька моя родила внука мне. Александром назвали.

– Хорошее имя, хорошее. Поздравляю тебя, дед, от души поздравляю, – Николай Александрович хлопнул князя Маслова по плечу, – Жаль только, что она не в России родила.

– Да вот видишь, война.

Вот выдалась пауза, которой и воспользовалась Александра, чтобы вторгнуться в кабинет.

– Останься здесь пока, – шепнула она Владимиру и запорхнула в комнату. Сделав красивый, глубокий реверанс, Александра улыбнулась и нежно проговорила, – Доброе утро, Николай Александрович, доброе утро, папа. Надеюсь, я не помешаю вам своим присутствием.

– Отнюдь, – сказал князь Романов, – что-то случилось у тебя, Александра?

– Боюсь, что так, Николай Александрович. Вы же знаете, что к нам утром приехала княгиня Ольга Валерьяновна со своими детьми?

– Как не знать, знаю, конечно. Что она, напугала тебя своей натурой? – спросил император, лукаво глядя на девушку.

– О, да ... точнее нет, проблема, в общем-то, в другом, – Александра закрутила прядь волос на палец от волнения, – Мы сейчас стояли с Владимиром в коридоре, – услышав это

князя, улыбаясь, переглянулись, – когда она вышла из кабинета Александры Феодоровны и заявила, что им не рады во дворце, и что они немедленно уезжают.

– Вот как? – взволновался император, – Ладно, Александра, поговорю я с княгинями, не переживай, – Александра поклонилась князьям, поцеловала отца и вышла из комнаты, – опять Аликс за своё, – вздохнул Николай Александрович, – услышала где-то, что Ольга причастна к смерти Распутина, вот и мучается теперь, бедная.

– Впрочем, *pas du tout!*⁵⁶ – проговорила Александра, выходя из комнаты императора, – теперь всё будет по плану. Завтра День Рождения отпразднуем ...

– А что потом? – спросил Владимир, когда они поднимались наверх по ступеням.

– Потом? А чего ты хочешь?

– Чего я хочу? – переспросил Владимир, останавливаясь, – я хочу того же, что и всегда, *princess*, лучший вопрос: чего хочешь ты?

– Я и не знаю даже. Я хочу спокойной жизни с тобой, доброй крепкой семьи и свободы. Я люблю тебя, Владимир, знаешь. Что же, ладно, время пришло, – проговорила она, немного выдержав паузу, – мне уже шестнадцать, так что, если ты всё ещё хочешь, чтобы я стала твоею женой, то я готова, – Александра посмотрела прямо в глаза Владимиру, и испуганно отшатнулась, – ох, ты не хочешь.

⁵⁶ Пожалуйста! (фр.)

– Хочу, Аля, безумно хочу, но не могу. Я не могу взять тебя в жёны, пока война не закончится, я не могу оставить молодую красавицу-жену вдовой.

– Ой, Володя, не надо так говорить, ладно? хочешь после окончания войны, пусть будет так, только не говори таких слов больше никогда, пожалуйста.

– Хорошо, princess, больше не буду, – они продолжили идти наверх, – ты же не обижаешься на меня за это, да? Ты ведь знаешь, я тебя очень сильно люблю.

– Знаю, – сказала княжна и уже без прежнего стеснения или страха поцеловала Владимира.

Вечером Ольга Валерьяновна объявила, что отъезд откладывается, и что она с детьми остаётся во дворце ещё на несколько дней.

Глава вторая.

Несколько дней действительно прошли чудесно, полностью по плану и стали светлой точкой в жизни Романовых – Масловых. Девятого января отмечали день рождения Владимира; празднество удалось на славу. Все гости, коих было немного, насладились вдоволь праздничным столом и культурной программой, а для самих Романовых и Масловых ценнее всего оказалось время, проведённое вместе, то самое время, ход которого неумолимо меняет всё.

Уже одиннадцатого числа дети Ольги Валерьяновны с ней самой во главе отбывали в своё имение. Сладкое проща-

ние порезало душу Александры, в которой, однако, поселилась неудержимая надежда на окончание войны, на долгую и счастливую жизнь.

Когда Владимир, поцеловавши Алекс на прощание, вышел из дворца и вместе с сёстрами своими садился в карету, Александра жадно хватала глазами каждое его движение, чтобы только насладиться видом любимого, чтобы только не забыть ни малейшей детали. А когда карета, потряхиваясь, выехала со двора в душе княжны, занимая обильную территорию близ надежды, поселилась всепоглощающая тоска.

Медленно прохаживаясь по тёмным залам замка, заглядывая в окна, зеркала, Александра видела его повсеместно. Вот комната, в которой всегда останавливались Владимир и Олег, а тут... тут она впервые поцеловала его. Если говорить о дорогих сердцу местах, то в большом и страшном подвале, в который никто из княжеских детей не смел спускаться, и познакомилась Александра когда-то с Владимиром. Играя с Романовыми в прятки, девочка как-то случайно наткнулась на непримечательную дверку и решила, что это именно то, что ей нужно было, и поспешила спуститься. В подвале было сыро, темно и холодно. Каждый шаг девочки отдавался глухим эхом. Вот Александра слышит шорохи в глубине комнаты и бесстрашно идёт туда, где и находит она мгновение спустя Владимира, ещё и не осознавая даже, насколько встреча эта изменит её жизнь. А сейчас Александра лишь потеряно бродила по замку, чувствуя приближение кардинальных пе-

ремен.

Что ж, перемены действительно прибыли в Санкт-Петербург с февральскими выюгами. В самом конце месяца сердце спящей, выжидающей тихо подходящего момента беды вновь забилось. Да, это была революция, самое страшное событие для всех знатных людей, особенно для тех, кто был связан с короной. Первые очаги возгорания находились, конечно, в Петрограде, однако Николаю Романову и Владимиру Маслову пришлось тогда отправиться в Ставку Верховного главнокомандующего, в Могилёв. Планы по подавлению революции вступали в силу один за другим, но ничто не смогло удержать этого яростного зверя, а третьего марта в Царское Село приехал Павел Александрович Романов, сообщивший семье о том, что Николай II отрёкся от престола, и что власть теперь находится в руках недавних депутатов Государственной Думы. Через неделю после отречения императора на семью его был наложен домашний арест, что означало, что Романовы и половина Масловых остались запертыми в Александровском дворце без права на выезд, свободную переписку и ведение привычной светской жизни.

Страшно было каждому от самых младших и мало что понимающих до самих князей – глав семейства, которые всячески скрывая ужас, охвативший их, старались сохранить привычную для своих детей жизнь. Каждое утро после визита в церковь ходили на прогулку, обходя всю площадь угодий Александровского сада по несколько раз. Для «заклю-

чённых» это было единственным приятным делом, которое и не надоедало никогда и каждый раз по-новому, с какой-то невозможной силою притягивало молодое поколение. Зелёные леса, окружающие дворец, благоухали, распуская аромат на всю округу, и радовали глаз. А когда спускался густой, белый туман на Петербургскую землю, становилось сразу холодно и мрачно даже у огня камина, и люди притихали особенно, и руки невольно опускались. Однако, когда на Востоке поднималось лукавое, конопатое солнышко, дело находилось для каждого, и, забывая о своём аресте, Романовы и Масловы трудились и старались хоть как-то разнообразить свой досуг и наладить быт.

Между тем политическая обстановка в стране обострилась до предела. Временное правительство, как ни старалось, не могло сдерживать бастующих рабочих и крестьянские массы. Им всё было мало. Народ хотел власти, народ хотел крови, и каждый понимал, что рано или поздно она прольётся.

Вскоре дело дошло до того, что народ, обточенный умелыми языками, был готов заживо разорвать царскую семью и всех, кто имел к ним отношение. Что же делало правительство? Осознавая недопустимость готовящегося действия, Временное правительство, а именно Павел Милюков, проводило довольно короткие, но результативные переговоры с королём Георгом V, итогом которых стал договор на переезд семьи императора и близкого окружения его в Англию под дипломатическую опеку монарха. Отъезд был запланирован

на март 1917 года, однако карты пали. Романовым суждено было принять иную судьбу.

Домашний арест в стенах дворца длился вплоть до августа месяца. Условия содержания известнейшей в России семьи были строжайшими, однако нельзя сказать, что не находилось во всей огромной России людей, сочувствующих Николаю II; тех, кто бы, проходя мимо Собора Василия Блаженного в Москве или Зимнего дворца в Петрограде не вздыхал бы с сожалением и грустью и не переживал бы за судьбу государя и семьи его. Однако темпы жизни в России не позволяли расслабиться никому, начиная с самых богатых и влиятельных когда-то, заканчивая нищими и безграмотными.

Что это такое? Чрез что смотрит теперь на Москву чужеземец? Нет, это не пурга, не туман застилает московские виды, это дым заводов спускается к земле, удушая всех живущих на ней, а потом вновь вздымается к небесам, будто желая погубить всех и там обитающих.

– А это что?! Неужели почта! – слишком громко воскликнула только что оправившаяся от отита Мария, легко подхватывая на руки письма с мраморного пола, – И впрямь почта! Александра, Андрей идите скорее сюда!

– Что там у тебя, Мари? – спрашивала осипшим от болезни голосом Алекс, – ты знаешь: время пить лекарство! Ты только что поправилась!

– Тут почта, Алекс, почта пришла к нам! Вот, кажется, из вашего дома письмо.

И действительно на грубом жёлтом пергаменте конверта стояла семейная печать. Александра оживилась, ведь от Ольги Николаевны не приходило новостей уже несколько месяцев.

«Ты не разыгрываешь меня, Мари? Не разыгрываешь?!» – говорило её лицо, когда княжна подлетала к Марии и нетерпеливо выхватывала письмо из рук подруги.

– Андрей! – изо всех сил крикнула Александра, – Андрей, скорее! Скорее иди же сюда! – сил ждать брата на месте совершенно не было, потому княжна уже бежала по ступеням вверх и вверх, пока не столкнулась с Андреем, чуть отлетев назад от столкновения с высоким, сильным младшим братом, – Андрюша! Что ж ты там так долго?!

– Вы же знаете, что я не могу уходить надолго, – буркнул он, хмурясь, переменная пальцы. Алексей плохо переносил свою болезнь, а когда в замке началась эпидемия кори и отита, Андрей не отходил от своего друга ни на шаг, постоянно оберегая его. Князь, кстати, был единственным в замке, кто не покорился бушующей болезни, и всё время оставался абсолютно здоровым физически и морально, – Чего ты хотела? – спросил он, но, заметив письмо в руках Александры, сразу понял, к чему такая срочность, – от матери? – Алекс тихо кивнула, – давай.

– А почему это ты распечатывать будешь? Я старше, если Вы не забыли, князь.

– Да что ж ты, раз взрослая такая, сама не открыла-то

письмо, без меня? – Александра немного оробела, но Андрей улыбнулся ей, и конверт, наконец, был распечатан.

Корявые мужской почерк много и кропотливо описывал что-то. Письмо не было написано рукой Ольги Николаевны, однако оно было посвящено ей, потому практически каждое предложение содержало в себе её величественное имя.

«28 июля 1917 года, Петровский остров, Петербург.

Дорогие господа мои Андрей и Александра,

Прошу-с прощения, что посмел побеспокоить вас в столь сложное время, однако жизнь выставляет всё новые и новые препятствия на праведном и благородном пути вашем. Не желал бы сообщать вам сию новость, однако знаю, что обязан, потому и говорю: вчерашнего дня из Казани прибыли её Сиятельство княгиня Ольга Николаевна. Все оставшиеся в имении, коих, кстати говоря, совсем не много, были безгранично осчастливлены приездом их, однако Ольга Николаевна оказались больны очень и совсем немощны.

Сегодня поутру приходил доктор к нам, однако, приняв серьёзный вид, сказал только: «У больной пневмония. Я не смогу помочь ей, увы, лишь покой и забота, вероятно, смогут». Известие ужасающее, потому я постарался сразу сообщить вам, господа мои. А потому как знаю, что его Сиятельство уехал в Москву, передал письмо в Царское Село, где, надеюсь, мои дорогие Александра и Андрей живы и здоровы.

Её Сиятельство стали совсем плохи, бредят, боятся, что умрут, не увидев своих детей. Мы, конечно, молим Бога за

княгиню. Однако теперь мне нужно закончить. Княгиня плачут, зовут; мне нужно помочь им.

С уважением и огромнейшим сочувствием ваш покорный слуга,

Землёв Пётр».

– Боже мой, – ахнула Александра, чьё сердце смялось внутри, но заплакать она никак не могла, – как же... – но Андрей оборвал сестру, выхватив письмо из рук её, и стал взволнованно и быстро ходить взад-вперёд по комнате. Через несколько минут он резко остановился, серьёзно взглянул на сестру и тихо сказал.

– Александра, ты едешь в Чёрные пруды.⁵⁷

– Что?

– Ты едешь к матери в Чёрные пруды, – всё тем же тоном повторил он.

– Но, Андрей...

– Александра, какие могут быть «но»? Ты не понимаешь, что мать сейчас одна среди людей, которые вот-вот озвереют? Я не просто так это говорю, сестра, я не хочу ни расставаться с тобой, ни, тем более, выгонять тебя. Но такова жизнь. Ты же не можешь бросить маму одну?

– Я ... а что, если с вами что-нибудь случится? – пробормотала, чуть не плача, Алекс.

– Так, а что, разве может? Мы окружены таким вниманием, что в Царское Село и муха незамеченной не залетит,

⁵⁷ Название имения Масловых на Петровском острове.

да? – Андрей тепло улыбнулся сестре, – А теперь отдохни лучше, тебе предстоит тяжкая ночь.

Так как Александровский дворец действительно находился под пристальным вниманием, решили осуществить выезд из дворца скрытно, во тьме ночи. Чтобы достигнуть кибитки, которая ожидала княжну за территорией Царского Села, Александре предстояло пройти около десяти вёрст пешком.

Уже после полуночи двадцать девятого июля все жители дворца собрались в главном холле, чтобы попрощаться с Александрой, проводить её. Сказав прощальное слово каждому, Алекс вышла на улицу в сопровождении Андрея, который поцеловав её в лоб, выговорил только:

– Будь осторожна, сестрёнка, я тебя очень... – у него перехватило дыхание на мгновение, он замолчал, но взор, прямой, чистый говорил за него. Князь еще раз обнял Александру, – А теперь иди, – проговорил он и остался стоять на крыльце, глядя, как любимая сестра его растворяется в темноте ночи. Но Александра вдруг резко остановилась, скинула наземь шарф, которым были укрыты её тонкие плечи, и рванула назад, бросилась на шею своему брату и долго, тихо стояла, обнимая его.

Когда, наконец, она успокоилась, Андрей устремил на неё свой пронзительный взгляд. «Так должно быть. Всё хорошо» – говорил будто он. После Андрей сжал крепко руку своей сестры и спокойно кивнул.

– Береги себя, Андрей. Это всё, о чём я прошу, – с эти-

ми словами княжна отправилась в долгий свой путь. Андрей же, потеряв сестру из виду, зашёл обратно в замок. Все уже разошлись по комнатам, и только Алексей ждал своего друга, сидя на кожаном диване холодной гостиной. Худые руки его нервно подёргивались, лежа на длинных коленях, а глаза быстро бегали по комнате.

– Алекс расстроена, – сказал тихо Алексей, когда Андрей присел рядом с ним.

– Она страдает. Известие о болезни матери – сильный удар для любого человека, к тому же с каждым, кто дорог Алексею, её разлучает судьба. Но рядом с мамой ей будет лучше, я знаю.

– И безопаснее? – спросил вполголоса цесаревич.

– Да, – согласился Маслов. Мёртвая тишина повисла в плохо освещённой комнате. Андрей всё думал о том, как сейчас его сестра: идёт, бедная, одна сквозь сады, холодные, колючие леса.

– А ты почему не пошёл с ней? – Алексей повернул к князю своё исхудавшее лицо. Андрей серьёзно, но добродушно посмотрел на него, слегка улыбаясь.

– В шахматы? – предложил вдруг слишком взрослый для своих лет князь.

– Давай, – согласился юный цесаревич.

Глава третья.

Как много времени прошло, сколько ещё осталось пройти,

Александра уже и не знала. Понимала она только, что шла долго, порвав платье и поцарапав о кустарники и оборванные ветви старых деревьев кожу ног. Что царило в душе девушки? Было ли ей страшно, волновалась ли она, или просто бессознательно шла навстречу судьбе? Сплошные вопросы, на которые и сама Александра не смогла бы дать тогда вразумительного ответа. Всё как-то смешалось внутри, отчето княжне сделалось даже дурно, но останавливаться было нельзя, и Александра слегка прибавила темп.

«Господи, да как могла я даже подумать о том, чтобы не поехать! Неужели мама не сделала бы всё ради меня? Моя мама ... ох, мамочка, она же всё для нас делала, ни себя не жалела, ничего, лишь бы детям всё хорошо было. А когда надо, так строга была с нами, чтобы только научить чему. А на ночь ... на сон грядущий такие песни пела, да так красиво, что и засыпать нам не хотелось. Боже мой, как же я могла медлить? Я никогда не прощу себя, если ...» – но мысли Александры были прерваны. Вот где-то совсем недалеко слышалось ржание лошади и нетерпеливый перебой копыт. Александра оглянулась: действительно, она уже выходила с территории Царского Села. Осталось пройти лишь какие-то двести метров. Мороз охватил душу и тело девочки, она покрепче обмоталась платком, а потом повернулась лицом к дворцу, который давно уж скрылся из виду, как в последний раз взглянула на него и прошептала тихо: «Прощайте, родные. Берегите себя».

А рассвет неумолимо приближался, и Александра заставила себя выйти из состояния тихой тоски и побежать навстречу бричке. Достигнув дороги, Александра не сразу даже заметила свою серую повозку с впряжённой в неё красивой бархатно-чёрной лошадью. Завидев приближение княжны, кучер, молодой парень с ярко-рыжей головой, спрыгнул с козлов и бросился к княжне.

– Скорее! Скорее, Ваше Сиятельство мы уж и так слишком задержались! – говорил почтительно он, помогая Александре залезть в крохотную бричку. Потом он тихо стегнул коня, и повозка, покачиваясь, тронулась, быстро набирая скорость и отдаляясь от дорогих сердцу мест.

Лошадь, однако ж, попалась Александре резвая, без усталости рвущаяся вперёд, легко поворачивая и преодолевая попадающиеся на тупи преграды. Княжна, сидя в открытой бричке, смотрела много по сторонам, от ветра кутаясь в шарф, постоянно спрашивая кучера, долго ли ещё ехать осталось, хоть и нужды в сим не было: дорогу до Царского Села Александра помнила наизусть. Однако усидеть на месте молодая княжна никак не могла. Когда оставалось совсем немного проехать, страшные мысли стали посещать уставшую голову Алекс, и она стала приговаривать: «Скорее! Скорее же!» – сначала тихо, потом громче и громче, хоть и знала, что лошадь идёт на предельной скорости, и что ни она, ни ямщик не могут ничего изменить. Вот уж показались вокруг широкие, залитые красно-золотистыми лучиками поднимающегося солн-

ца поля, а теперь видны невооружённым взором вдали пруды, вода в которых черна и неподвижна, и всегда так свежа, что тянет к себе. Однако Александра целеустремлённо глядела вперёд, пытаясь разглядеть хоть силуэт родного дома или ухоженного садика, или старинной, каменной церкви. Но солнечные лучи слепили глаза княжны, и она щурилась, безрезультатно всматривалась в недоступную для неё даль.

Но вот она – усадьба – пестрит огнями и радует глаз проезжающих мимо. Сердце Алекс провалилось в пятки, она беспокойно заёрзала на сидении, беспрестанно постукивая ногой.

Вот уж кучер замедляет лошадь, и повозка спокойно теряет скорость. Не дав кибитке до конца остановиться, Александра поднялась на ноги, достала из кармашка два золотых империаля и сунула быстро их в свободную от вожжей руку кучера.

– Спасибо, спасибо, сударь! Моя благодарность не знает границ! – крикнула она, выпрыгивая на ходу из повозки и бегом направляясь к высоким дверям великолепного дома.

Первой преградой, с которой столкнулась задыхающаяся от волнения и холодного утреннего ветра Александра, стала дверь. На самом деле огромная дубовая дверь особняка, которая никогда не запиралась, когда в доме кто-то находился, сейчас была закрыта. Сердце княжны провалилось в самые пятки.

«Не может быть! Неужели я опоздала?» – подумала она и

с силой три раза стукнула в дверь. Лишь гулкая тишина прожужжала в ответ девочке; Александра прислонила голову к холодному дереву: внутри были слышны отдалённые голоса. Алекс всю передёрнуло: «Как же это? Голоса есть, а двери не отпирают!», и она принялась бить костяшками пальцев в дверь, неистово и даже зло. Ответа нет. Но голоса становятся ещё слышнее, и их уже можно узнать.

– Прасковья Дмитриевна, голубчик, откройте дверь! – довольно настойчиво проговорила княжна, разгадав голос их ключницы. Говор внутри притих, а после и вовсе умолк. Через зашторенные окна перед Александрой предстал силуэт низкой полной женщины, хромя, подходящей к двери.

– Сашенька, ты ли это? – осведомился её звонкий, испуганный голос, не отворяя двери, но, не дождавшись ответа, Прасковья Дмитриевна щёлкнула замком, раскрыла дверь и резким движением затянула княжну в дом, – Дитя моё, – простонала она, прижав Александру к своей пышной груди, – мой светик, прости ты нас, – и зарыдала. Но как бы ни любила Александра добрую ключницу, думать о сентиментальностях она сейчас была не в силах.

– Где мама? – спросила она тихо, освобождаясь из объятий. И все засуетились вокруг, забубнили, но один грозный взгляд Прасковьи Дмитриевны заставил всех снова образовать тишину в доме.

– Пойдём, пойдём, дитя, я отведу тебя. Ох, какая же ты доходяга, бедное моё дитя, – она закашлялась, утёрлась хлоп-

ковым носовым платком и быстро повела Александру на второй этаж по ступеням. – Она всё горела, бредила последние дни, а сегодня, вот, весь день спит, и жар немного спал, слава Господу. – вымолвила она шёпотом и, перекрестившись, остановившись рядом с комнатой Ольги Николаевны. Но Александра уже не слушала, она тихо открыла дверь и беззвучно зашла, стараясь никаким образом не нарушить покой матери. Когда княжна взглянула на исхудавшую, бледную княгиню, лежащую в белой ночной сорочке без чепца, но с мокрой повязкой на голове, на глазах у Алекс выступили слёзы, но она, всячески сдерживая рыдания, подошла к кровати, присела на колени и взяла в свои руки горячую, иссохшую ладонь матери. Ольга Николаевна застонала, повернула два раза голову с закрытыми глазами, потом раскрыла их и замерла, глядя ровно на Александру.

– Когда я была маленькой, мне maman⁵⁸ совсем не разрешала есть ...гм...– она два раза чмокнула языком, и Александра дала ей попить,– la chocolat⁵⁹, но когда она уходила, я всегда прорабиларась,– она облизала потрескавшиеся губы и сжала руку дочери,– пробиралась в столовую и крала оттуда шоколадки разные, j'ai les aimé beaucoup!⁶⁰ Нельзя было красть, нельзя было, – закончила она, и слеза покатилась по её щеке.

⁵⁸ Мама (фр.)

⁵⁹ Шоколад (фр.)

⁶⁰ Я их очень любила (фр.)

– Мама, – прошептала Александра, приближаясь ближе к лицу своей матери, – мама, узнаёшь ли ты меня? – спросила она, но Ольга Николаевна уже заснула, довольно громко посапывая. Александра поцеловала мать в лоб и бесшумно покинула комнату.

Александра не плакала, но в горле слёзы встали комом, а на плечи будто надели свинцовые погоны. Спустившись на первый этаж, Александра застала в гостиной всего троих женщин: Прасковью Дмитриевну, Мию Хофбауэр – молодую и болезненную гувернантку Андрея и Надежду Ивановну Рудакову – местную кухарку, женщину набожную и тихую. Она стояла в углу, постоянно подтирая слёзы, текущие из глаз безостановочно. Вся её худая, высокая фигура тряслась в судорогах, а из распухших красных губ доносились слабые всхлипы. Когда Александра вошла, все повскакивали со своих мест и засуетились вокруг неё, но княжна остановила их, падая бессильно на диван.

– А где же все остальные? – грустно спросила она, – поздно для утренней молитвы.

– Никого больше не есть, – слабым, высоким голосом сообщила Мия, присаживаясь рядом с Александрой и укрывая её мягким пледом, – все совсем ушли.

– То есть как – ушли? – переспросила девушка, открывая чёрные глаза свои.

– Все трусили, предатели! Тьфу на них, иродов! Всех их сразу бы придушить надо было, руками голыми! – закричала,

выходя из угла и размахивая руками, госпожа Землёва.

– Прасковьюшка Дмитриевна, да как же это? А муж Ваш – Пётр Ильич? Он ведь писал нам.

– И он нас бросил, душа моя. В тот самый день, что написал вам с Андрюшенькой, письмецо-то отправил и умер, до церкви не дойдя. Сердце сорвалось. Ещё один человек здесь верный: отец Христофор остался с нами. Но он церкви-то не поставляет, всё там что-то возиться, Бога за Оленьку Николаевну просит. А ты, светик, – сказала она, меняя тон на более заботливый, глядя на измученное лицо Алекс, – устала, поди. Пойдём, я тебя и накупаю, и откусать тебе Надя приготовит, – она взглядом сделала распоряжение, и Надежда развалистой походкой поплелась на кухню, – и перинку я тебе в твоей комнатке накрою...

– Не надо, голубчик, спасибо Вам, я к маме пойду. Вы нам только водички принесите, у княгини во рту пересыхает часто, – Александра вздохнула тяжело и быстро зашагала наверх, в комнату больной. Присев на большое бархатное кресло отца рядом с кроватью, Александра подогнула ноги под себя и долго смотрела на силуэт спящей в темноте женщины, но после усталость одержала верх над телом княжны, и она моментально уснула, не меняя даже своего крайне неудобного и нелепого положения.

Через некоторое время, ещё через сон Александра услышала, как княгиня стонет и переворачивается на кровати, и поспешила раскрыть глаза. Как следует прозрев и сбросив

затёкшие ноги с кресла, княжна увидела, что Ольга Николаевна сидит на постели, шатаясь из стороны в сторону, и внимательно, и умилённо глядит на свою дочь.

– Девочка моя, так это был не сон! – вымолвила она слабым голосом и протянула руки к дочери. Александра вспрыгнула с кресла, подбежала к матери и аккуратно обняла её.

С этого момента княгиня стала медленно оправляться от болезни, быть может, потому, что Александра беспрестанно заботилась о матери; а, может быть, это просто должно было произойти...

Глава четвёртая.

Шёл уже третий день с того момента, как княжна Александра покинула Царское Село, а Андрея всё мучили мысли. Он не спал, не мог ни на чём сконцентрироваться, только думал, как же там его сестрёнка одна с больной матерью, и дошла ли она вообще. Как быть? Жить в постоянно возрастающем волнении и раздражении становилось невозможно: надо как-нибудь связаться с Александрой, но как?

«Написать письмо? Слишком долго, к тому же нет гарантий, что письмо это будет доставлено. И что тогда? Выехать с территории вообще нет никакой возможности, – так думал князь, прохаживаясь по мраморному залу на первом этаже, оглядываясь вокруг, вдруг на глаза ему бросился телефонный аппарат. – Не может быть, чтобы работал... хотя это бы-

ло бы выходом из ситуации», и князь тихо подошёл к агрегату, раскрутил ручку и поднял трубку. Сначала длинные и медленные, потом короткие гудки послышались в ней, Андрей затаил дыхание. Сонный голос оператора сказал что-то, но князь диктовал уже номер телефона Чёрных прудов. Снова гудки, ещё более напряжённые, прозвучали в аппарате, после чего последовал ответ.

– Это есть имение князей Масловых... – сообщил тихий женский голос, но Андрей перебил его, недослушав.

– Мия, позови скорее княжну, – проговорил он строго, и в трубке послышалось шипение, потом треск, а где-то через полминуты Андрей отчётливо услышал уставший голос Александры.

– Д...да, – растеряно отозвалась она. Княжне не приходилось много общаться по телефону.

– Александра, слава богу, ты добралась. Как мать?

– Андрей? Она ... ей лучше, жар уж спал. Как вы там? Как ты звонишь? – быстро проговорила она, но было поздно. Связь была прервана, – Андрей? – спросила вновь она, но ответа не последовало. Тогда княжна положила трубку и поспешила рассказать матери о том, что Андрей звонил, что у него, должно быть, всё нормально.

А Андрей со стуком положил трубку телефона и стал быстро ходить по затемнённой комнате, очень уж его вывел из себя незапланированный конец разговора с сестрой. Через какое-то время в низкую дубовую дверь заднего хода по-

стучали, Андрей хотел было отворить её, но вниз спустился Николай Александрович, одетый в тёмные хлопковые штаны, заправленную в них светлую домашнюю рубашу и лёгкий длинный пиджак. Он пошёл наперерез Андрею, кинул на него мимолётный взгляд, полный напряжения, и вжал дверную ручку.

С улицы послышался гнусавый мужской голос. Хамоватый владелец его разговаривал с экспрессивной лексикой и грубой интонацией, вовсе не подбирая слова и обращаясь к императору, хоть и бывшему, даже без общего уважения.

– Послушайте, господин...

– Товарищ, – ещё развязнее поправил он.

– Этот звонок был абсолютно личным, гражданским, так что не забываетесь уж вконец, господин «товарищ», – проговорил, не выдержав крайнего хамства, Николай II и захлопнул тяжёлую дверь.

– Николай Александрович, извините, я не должен был... – начал Андрей, но император только взглянул на него грустно и махнул головой.

– Как Александра, добралась? – Андрей кивнул, – Хорошо. Ужасное невежество: отправить ребёнка одного в такое время, но ничего: *tout est bien qui finit bien*⁶¹, – произнеся это, он потрепал легко Андрея по плечу и тяжёлой походкой пошёл наверх, позабыв, видимо зачем покидал он второй этаж.

Ночью того же дня из Москвы вернулся князь Владимир

⁶¹ Всё хорошо, что хорошо кончается (фр.)

Львович. Николай Александрович, встретивший его, только взглянул на него и понял: переговоры провалились. Позже князю Маслову рассказали про болезнь супруги и отъезд дочери, на что он отреагировал бурно: стукнул с силой по столу, крикнул «так невозможно боле!» и ушёл в свою комнату, откуда не выходил до самого утра.

Андрей, и без того прибывавший в раздражении, теперь просто не мог сдержать своих эмоций. «Die scheusal! ⁶²» – пробормотал он только и быстро вышел на свежий воздух. Прохладная летняя ночь в Петербурге – нечто неповторимое и неопишуемое. Когда ещё не выпала роса на траву, а разгорячившаяся за жаркий день земля не успела остыть, именно тогда слышно, как природа отдыхает, об этом говорит каждое дуновение холодного ветерка, молчание птиц и животных, тёмная глубина небес и тусклый свет северных звёзд. Конечно, это успокоит любого. Вот и Андрей, вырвавшись из напряжённых пут дворца, вздохнул глубоко, с облегчением и, вскинув голову к небесам, подумал: «Когда же это, наконец, закончится?!», хоть и сам знал ответ: совсем не скоро. Пока Андрей думал, он отдыхал и наслаждался тишиной ночи, которая вдруг была нарушена.

– Ты чего вышел, а? Сейчас я тебя проучу, царёнок! – прогнусавил голос того же «товарища», что заходил в Александровский дворец накануне. «Царёнок» – это Алексей, это князь понял сразу и побежал туда, откуда доносились слова.

⁶² Уроды (нем.)

В лучах уличного фонаря довольно далеко от самого дома Андрей нашёл своего друга. Он был напуган и пятился назад под натиском довольно высокого и худого человека, который держал в руках какую-то неровную палку. Этот «товарищ» много говорил слов гадких и отвратительных, при этом необратимо двигаясь вперёд.

– Извольте, я не совсем понимаю, – проговорил, всё ещё отступая, Алексей.

– Ах ты, буржуйский сын, – рявкнул он и замахнулся, но в этот момент в конфликт вмешался князь Маслов.

– Подберите, сударь, себе соперника с подходящей физической комплекцией! – вскричал он с агрессией; теперь Андрей отчётливо видел лицо этого человека: чёрные волосы, маленькие глаза, густые запутанные брови и жирный красный рот, сложенный в самодовольный, осклизлой ухмылке. Он стал наступать на Андрея, переминая неуклюже палку в руках.

– Договорился, смельчак, теперь тебе вместе с царёнком попадёт.

Хоть выглядел мужчина внушительно, голос звучал его громко и устрашающе, но драться он вовсе не умел. Это стало понятно сразу, когда, сжав руку в кулак, он попытался ударить Андрея, который был почти на две головы ниже его, но ударил по дереву, отчего взвыл как зверь и разозлился только пуще. С сего момента удача прибывала на стороне князя, которого Олег научил когда-то драться, а теперь

он лишь уклонялся от неуклюжих ударов, что было довольно просто, и пытался вспомнить всё, что когда-то говорил ему Олег. Точно, живот – беспроегрышный вариант. Андрей приостановился, перевёл дыхание, как мог, и, что было силы, ударил костяшками пальцев чернобровому промеж глаз, а после острым локтем своим в незащищённый, костлявый живот. Тот застонал, сложился пополам, а потом повалился на землю, схватившись одновременно руками за живот и за кровоточащий нос. На этот раз никчёмный поединок завершился в пользу князя Андрея Владимировича Маслова.

– Ты с ума сошёл? – спросил Андрей, когда они с Алексеем зашли в их комнату, – разве ты ещё не понял, что на улице вполне небезопасно?

– Вообще-то, было нормально, до сегодняшнего дня. К тому же ты сам на улице был.

– Я подышать вышел, а вот драки с необразованными грубиянами в моих планах не значились.

– Андрей, я не понимаю, как это так? Почему вдруг люди стали так агрессивны?

– Они всегда такими были ... Алексей, у тебя кровь идёт, – Андрей указал на нос друга, из которого действительно сочилась кровь красной тонкой струйкой, – давай, я обработаю, – с того самого случая в Англии Андрей всегда хранил при себе аптечку самых необходимых вещей. Когда князь подошёл к шкафу, где лежал коробок с лекарствами, он попытался открыть его и поёжился от резкой боли в руке. Правая

рука его, после встречи с твёрдым лицом нахального мужчины, была вся бледная, вены распухли, костяшки стали синими, а одна из них и вовсе приобрела фиолетовый оттенок и раздулась до ненормальных размеров.

– Что с рукой, – поинтересовался Алексей, когда Андрей, заложив больную руку за спину, подошёл к нему с аптечкой.

– А что с ней? – попытался схитрить князь Маслов, но, когда понял, что это пропавший номер, показал другу кисть, – не совсем удачно ударил, должно быть. А, может быть, у него и лицо ядовитые вещества выделяет, забияка явно не моется слишком часто.

– Ну вот, как всегда из-за меня пострадал ты, – пробормотал, насупившись, Алексей, – давай тогда уж я тебе помогу, брат, – сказал он и попытался сделать что-то с рукой, но выхода не было, – надо показать доктору, а то я тебе ещё чего-нибудь сломаю.

Молодые люди отправились в покои романовского доктора, умного и тихого человека, который только наложил на сильно ушибленную руку Андрея тугую повязку и, неодобрительно качнув головой, отпустил детей, умолчав о происшедшем в последствие.

Глава пятая.

Ещё в начале февраля 1917 года доктор Ольги Валерьяновны Палей подтвердил, что болезненное состояние Владимира напрямую связано с его фронтовым ранением. Со дня на день ухудшалось самочувствие князя, а вскоре доктора

стали опасаться за руку Владимира, которая нуждалась в помощи, буквально молила о ней. Большинство врачей утверждало, что необходимо вывести князя за границу на лечение, однако свершившаяся революция и отречение императора заставили знатных людей по всем уголкам России, в особенности потомков Романовых, затаиться и спрятаться. Начиная с февраля месяца, Владимир проживал в своём имении в Царском Селе вместе с матерью и сёстрами, всячески заботящимися о его самочувствии, которое сильно колебалось, и нельзя было предсказать, в каком состоянии он проснётся завтра. Хоть иногда и доходило до критического минимума, князь неутомимо боролся за свою жизнь, и к лету, казалось, состояние здоровья Владимира стабилизировалось: князь стал выходить на прогулки, писать понемногу, интересоваться новостями. В начале августа, когда семья Николая II и два князя Маслова были перевезены в Тобольск, Владимир случайно узнал, что Александры не было среди ссыльных, что она одна сейчас ухаживает за больной матерью в Чёрных прудах, и глубокий, сжимающий сердце страх посетил юношу; он, не раздумывая даже, собрал свои вещи и спустился в холл особняка ожидать только заказанную им бричку.

– Нет, нет и нет! – звонко заявила спускающаяся по мраморным ступеням Ольга Валерьяновна, – Владимир, сие абсолютно безответственно, ты ещё не поправился основательно, а желаешь ехать бог весть куда! И зачем? Какой в сим резон? Твоя любезная Александра даже в ссылку не попа-

ла, живёт себе преспокойно с Ольгой Николаевной. А ты что же? Своё здоровье губить собираешься: трястись в холодной кибитке? Не позволю!

Владимир только беззвучно и мягко посмотрел на свою мать, поцеловал её широкий белый лоб и, взяв в руку чемодан, вышел прочь из особняка. Тёплое летнее солнышко тотчас приласкало бледное чело князя, а досель свежий, утренний ветерок потрепал легко светлые, мягкие волосы его. Сердце Владимира билось часто, дыхание прерывалось, но он быстро и неотступно шёл вперёд, впервые за последнее время он чувствовал моральный подъём, и позабыл он и о больной руке, и вновь приходили ему в голову стихотворные строчки, он вновь жил и чувствовал, дышал и наслаждался окружающей его природой. Владимир шёл и шёл вперёд, пока тройка, заказанная им, не показалась на горизонте. Три крупные чёрные лошади рвались вперёд, подвластные только поводьям ямщика, который, глотая свежий ветер, мерно постукивал ногой своей и покуривал турецкую трубочку. Владимир двигался навстречу кибитке до тех самых пор, пока она не остановилась. Извозчик хотел было слезть с козлов, но Владимир быстрым жестом остановил его и, широко улыбаясь, заскочил в открытый экипаж.

– Что же Вам, князь, не сидится-то на месте? Куда турне держать будем-с? – любопытствовал чернобородый крупный мужчина, сидящий на облучке, немного картавя, как бы под стать французам.

– На Петровский остров, пожалуйста, – распорядился Владимир, протягивая деньги, – Васильич, поезжай скорее.

– Что ж Вы, князь, за кого меня принимаете? Чтобы я, да с собственного хозяина деньги?! – изумился он, разворачиваясь и переводя на Владимира свои косоватые серые глаза.

– Я не твой хозяин, а деньги лучше возьми, возьми и доведи скорее меня, Васильич, прошу тебя.

Лошади тронулись и понеслись, словно жеребята, по мощёной дороге Царского Села. Владимир закинул ногу на ногу, скрестил пальцы и устремил взор своих светлых глаз на проносящиеся мимо поля. Мерный стук копыт, успокаивающе действующий на людей, сейчас ужасно нервировал князя. Сначала он пытался не слушать, но у него решительно не получалось, потому Владимир достал большую тёмную сигару, долго переминал её своими длинными пальцами, нюхал и, наконец, поджог и сделал первую затяжку. Некая доза спокойствия разлилась по его жилам, и он запрокинул голову, медленно выпуская дым.

– Нервничаете, батюшка Владимир Павлович? – спросил, повернувшись ловко на козлах, Григорий Васильевич.

– Отчего мне не нервничать? Времена-то какие! – заговорил, вновь выпуская ароматный дым, князь, – к тому же мчусь, куда не звали, к человеку, которому не писал, которая должно быть сердится. Она так красива, а когда обижается, очи её пылают, обжигая яростно всех прямым взором своим. А глаза у неё чёрные и большие, как смотришь в ночное

северное небо, и невозможно взгляд отвести и насмотреться невозможно. К ней подойдёшь, дотронешься кончиками пальцев до плеча её, а она отдёрнется, отвернётся и будет долго стоять одна, глядя в пустоту, а потом подойдёт и мягко положит голову тебе на грудь, глубоко так вздохнёт, и ты понимаешь: она простила тебя, и все мысли уходят из головы, и ты прижимаешь её к себе и долго не можешь отпустить. А теперь и не знаю, простит ли, а коли и не простит, надо помочь ей с больной матерью, и чёрт меня дери: расшибусь вусмерть, а мою princess вовек не покину. Слишком люблю её для этого...

– Вы это про княжну Александру Владимировну Маслову, не так ли, милостивый?

– Так, конечно про неё, о ком же... постой, Васильич, как ты... как ты догадался, о ком я говорю?

– А как? Чай, на Петровский остров путь держим, в Чёрные пруды, а оно есть имение Масловых, и нынче, чай, весь Петербург любитесь романом вашим.

– То есть как – весь Петербург?

– Знать не знаю-с, батюшка, да только все говаривают об вас, да любятесь, да радуются вами.

– Понятно; люди-сплетники.

– И не говорите, батюшка, да вот, подъезжаем, кажется.

И впрямь виднелся уж залитый солнцем огромный каменный особняк и маленький английский садик, окружающий его. «Ну вот, вот и всё» – пронеслось в мыслях у Владими-

ра, и он вновь достал сигару, но закурить не успел, покрутил в руках только и убрал назад в увесистый серебряный портсигар. Как он выскочил из тройки, дошёл до крыльца и поднялся по крутым ступеням, Владимир помнил так, будто это происходило в замедленной съёмке. Три стука в дверь. Молчание. Ещё три стука. Тишина. Но после нескольких секунд неподвижности, закрытая на цепочку дверь приотворилась, и уставшие угольки глаз сверкнули изнутри. Несколько мгновений Александра смотрела на князя, щуря и потирая глаза, но после промолвила почти шёпотом:

– Боже правый! – и резко захлопнула дверь, которая уже через секунду с треском распахнулась. Александра, одетая в тёмно-синий шёлковых халат, с мертвенным выражением лица долго стояла на пороге, – Владимир, ты... Что с ними? – спросила она срывающимся голосом.

– О, princess, я... они в Тобольске. У них всё нормально... должно быть так. Но я просто узнал, что ты здесь и...

– Господи, Владимир, – прошептала она и медленно подошла к князю, – ты... ты! – у Александры перехватило дыхание, она вдохнула нервно прохладный воздух и рывком выдала, – ты жив! Ни одного письма за полгода! Ни одного! Я думала, ты умер, я думала, они убили тебя! – почти крикнула она гневно и, развернувшись резко, зашагала вглубь дома.

Владимир стоял на пороге до тех пор, пока не вышла с кухни Прасковья Дмитриевна с большой чашкой чёрного ароматного кофея и не вручила её князю.

– Владимир Павлович, – промолвила она, улыбаясь красивым, полным ртом, – голубчик, неужто Вы хотите заморозить насмерть наши старые кости?

– Нет, – пробормотал Владимир, не до конца понимая сложившихся обстоятельств, – нет, конечно.

– Тогда войдите уже, Бога ради, негоже это, на пороге-то стоять.

Владимир торопливо зашёл в просторную прихожую, откуда та же Прасковья Дмитриевна провела его в столовую, где сразу попыталась накормить, но Владимир не был голоден.

– Вот не едите ничего, оттого и болеете, голубчик, потому как еда – источник здоровья, еда и сон крепкий, – сказала строго она, – может быть, Вы съедите хоть супчика? Знатный луковый суп Надюша стотовила сегодня.

– Прасковья Дмитриевна, любушка, ради всего святого, оставьте молодого человека в покое, – попросила, ведомая под руку по ступеням отцом Христофором Ольга Николаевна, сильно укутанная и совершенно исхудавшая, но всё такая же ласковая, светлая, – несите лучше чаю зелёного и сами отдохните, а то с утра самого Ваши только возгласы слышу, – княгиня постояла, опустив голову, пока священник крестил её, а после подошла к Владимиру и тяжело опустилась в кресло рядом с ним, – услышала твой голос, Владимир и не смогла отказать себе в возможности спуститься к тебе. Как ты исхудал, право, мальчик мой, Ольга писала мне, что

ты болен, однако я не могла предположить, что всё настолько серьёзно, – она немного помолчала, вглядываясь в печальные глаза князя, – Александра волновалась за тебя, потому приём и был таков, однако она скоро отойдёт, не беспокойся. Ты расскажи лучше, как там они. Неужели их действительно отправили в Тобольск?

– Не хочу огорчать Вас, Ольга Николаевна, но боюсь, что они и вправду были увезены из Петрограда. Но, кто знает, возможно, так даже лучше. Ведь Вы знаете, что Милюков хочет вывезти их в Англию, не так ли? – Ольга Николаевна кивнула, и мягкий свет озарил её глаза, – Так что, чем дальше они, тем безопаснее для них же, я полагаю.

– Надеюсь, – прошептала она.

– Но что же я, как Вы себя чувствуете, я слышал, что Вы больны, однако встретили меня лично, и, по правде сказать, я весьма сим польщён.

– Да, болезнь меня сразила, конечно, но Александра уже с полмесяца так тщательно и усердно заботится обо мне, что у меня не было иного выбора, как быстро встать на ноги. И, Владимир, ты дорог всей семье нашей, и мы безгранично рады твоему приезду, – говорила Ольга Николаевна, когда наверху послышался крик Александры и быстрые шаги её.

– Мама пропала, Прасковья Дмитриевна! Прасковья Дмитриевна! Её нет в её покоях! – твердила она со страхом в голосе, но спустившись на первый этаж и узрев мать, она бегом подошла к ней, – Мама, слава Богу, за что ты меня так

пугаешь? мама, я же всего на мгновение отлучилась, а тебя уже и след простыл! Тебе не следует вставать с постели, ты ведь знаешь, что доктор сказал.

– Дорогая, никого я не собиралась пугать, – отговори- лась она, нежно охватывая тёплыми ладонями руку дочери, – отец Христофор зашёл ко мне, мы немного побеседовали, а потом я услышала, как ты кричишь на этого юношу и по- спешила спуститься, однако скорость моя едва ли равна ско- рости улитки, потому и пришла я сюда значительно позже. К тому же, юная леди, чтобы я боле от Вас такой брани не слышала! – Александра потупила глаза, – Владимир, между прочим, сам болен, а приехал к нам, а ты столь невежествен- но приняла его. Стыдно, – сказала княгиня притворно стро- го, тепло глядя на Владимира, – а теперь я удаляюсь. Прас- ковья Дмитриевна, голубушка, проводите меня в спальню, будьте так добры. И чай не забудьте, жажда ужасно замучила старую душу, – Ольга Николаевна так же тяжело, как и села, поднялась и довольно проворно пошла к лестнице, где её и перехватила бойкая ключница.

В комнате долго царил тишина. Александра запахла потнее халат и безмолвно села рядом с Владимиром, несколько отвернувшись от него. Владимир, улыбаясь, гля- дел в спину княжне, постукивая концами пальцев по дереву стола. Вдруг Александра резко развернула голову и положи- ла свою руку на ладонь князя.

– Можно попросить Вас, наконец, не стучать, Вы же не

дятел, в самом-то деле!

«Ну, хоть не молчит, уже неплохо» – подумал Владимир.

– Александра, извини меня, ну не мог я тебе писать, не мог. Не злись, – вымолвил тяжело Владимир.

– А я не злюсь, не злюсь я, Владимир. Я в бешенстве. Ненавижу это проклятое Временное правительство, эту революцию, – просипела она сквозь зубы и стукнула кулаком по столу, – и ты! как ты? – обратилась она к нему абсолютно другим тоном, аккуратно дотрагиваясь до руки Владимира, – о господи, прости меня. Я просто...

– Эй, что ты, – он нежно поднял её подбородок, – и не так меня в армии обругивали. Я рад, что ты меня хотя бы не ударила, а то, говорят, никто после этого не выживал, – заметил он, смеясь. Александра пыталась ещё делать вид, что она обижена и безразлична, но было видно – она безумно рада приезду её князя и едва держится, чтобы не броситься ему на шею.

– Андрей сказал, чтобы я, знаешь ли, не боялась использовать силу, – проговорила она, сидя всё так же отвернувшись, – Да... Андрей, лишь бы у него всё было нормально. Как у меня болит сердце за них всех. И связаться с ними нет возможности. Раздражает, ужасно действует на нервы, – Владимир молча сидел, слегка покачивая ногой. – мама сказала, ты болен. Это так?

– Когда я рядом с Вами, princess, я не чувствую ни боли, ни усталости, а значит, я здоров, когда Вы со мною.

– Владимир! – воскликнула она, закатывая глаза, развернула корпус к юноше и легко и игриво ударила рукой по плечу князя, который в этот же момент скорчился от боли и шумно вдохнул через нос, – что такое? Тебе больно? – Владимир только качнул головой и прокашлялся, – прости, пожалуйста, я не знала. Расскажи мне, что с тобою.

– А что рассказывать: бывало и хуже. Руку не ампутировали, и то хорошо. Премилый халатик, кстати, просто прелестный.

– Это Ольгин, – немного смутившись промолвила княжна и ещё сильнее запахнулась, – Тебе хотели ампутировать руку?

– Боже, Александра, неужели ты хочешь говорить про мою руку? такая тоска! Расскажи мне лучше, как ты попала сюда. Я думал, Александровский дворец был оцеплен.

– Был, но в каждой преграде можно найти брешь. Владимир, я так боялась, что ты умер, что начала злиться на тебя, а теперь мне так... так совестно. Ты так мучился, а я так злилась на тебя, что не хотела ничего о тебе слышать, – Александра перевела взгляд на лицо Владимира, сложила руки, прислонив к губам, и прошептала, – ты сможешь простить меня?

– Не за что, princess, вовсе не за что мне тебя прощать, – сказал он, нежно глядя на Александру, – с кем не бывает.

– Да со многими не бывает, Владимир, – она подавлено смотрела на него из-под русых бровей, покусывая нижнюю

губу, и выглядела при этом премило. Владимир немного наклонился к лицу княжны, но она отдёрнулась назад, – Что же я, пойдём скорее, я напою тебя прелестным малиновым чаем! Пойдём, боец, а то больно уж несчастным ты выглядишь.

«Подвижная же особа», – подумал Владимир, качнув головою, но подчинился воле княжны: поднялся с кресла и последовал на кухню

– А где все люди? – спросил князь, не заметив не души во всём особняке, – Сбежали? – Александра огорчённо кивнула.

– У нас тут всего четверо остались. Точнее пятеро, но Пётр Ильич, царствие ему небесное, не дождался моего приезда. Сердце, – грустно проговорила девушка, не глядя на Владимира.

– Нынче у кого хочешь сердце остановится. Ужасно, куда только смотрит народ?!

– А никуда-то он и не смотрит, – начала Алекс, заходя в светлую кухню, где уже стоял горячий, только заваренный, ароматный чай. В углу комнатки стояла, сгорбившись, Надежда Ивановна. Увидев вошедших, она попыталась сделать поклон, но Александра покачала головой и жестом пригласила её присесть. Женщина так и сделала, – Большинство боится толпы, не осознавая, что он и есть составляющий компонент её. А другие просто поддались на искушение, поняли, что смогут сделать блага для себя из чужого страха и неведения. Так и живём, князь, так и живём!

– Давно ли ты, princess, в философию подалась? Одожишь литературу почитать?

– Не надо быть философом, чтобы охарактеризовать внутреннюю обстановку в нашей стране. Я надеюсь, ты не завтра уезжаешь, Владимир?

– Нет, я ещё долго буду мозолить твои прелестные глаза, милочка. На фронт нельзя, а дома оставаться невозможно боле, к тому же «damsel in distress»⁶³, сама понимаешь, – сказал он, приподнимая светлые брови.

– Ох, ты тошнотворно мил, Владимир, просто кошмар! И вовсе я никакая не «дама в беде».

– Что уж поделаешь, не вполне, но, всё же, что-то...

– Ещё и фразы чужие крадёшь, разбойник!

– И вовсе не краду, фразу эту у Алексея я одолжил, как тебе это?

– Не вполне, но, всё же, что-то, – молодые люди засмеялись. Надежда Ивановна разлила душистый малиновый чай, потому какое-то время в кухне слышны были только звуки чаепития, – Вот я не помню даже, как нас с Алексеем познакомили, знаю, что он всегда был с нами и всё. С самого начала мы всегда втроём ходили: Андрей, Алексей и я, и попадало нам втроём, каждому поровну, но главным в банде, конечно, был Андрей, он и самым серьёзным был. Помню, постоянно убежим куда-то с Алексеем, нагуляемся вдоволь, воздухом надышимся, возвращаемся домой довольные, ро-

⁶³ «Дама в беде» (англ.)

зовощёкие, а там мой братец нас ждёт и как начнёт ругаться, отчитывать нас. Ну, скажем, в Алексее Андрей души не чаёт, потому ему не сильно попадало, а я, на правах старшей сестры, могла его вовсе не слушать, да вот только Романов за меня вступался постоянно. А потом время прошло, я стала значительно старше, и мальчишки меня слушаться стали, и как-то немного отдалилась я от них. А потом они в Англию уехали и вовсе большими и самостоятельными вернулись, да ещё и иностранца с собой притащили, безумные. Кстати, ты случайно не получал известий от Джона? А то я с самого начала этого кошмара не получала ни писем, ни телеграмм, я даже волнуюсь за него, ведь и война не окончена теперь.

– Получал, конечно, до того момента, как умудрился слечь. Он говорил, что не получает ответа от тебя. Должно быть, его письма перехватывали.

– Должно быть.

– Ты можешь написать ему, – проговорил через силу Владимир, шумно выдыхая, – у меня и адрес имеется.

– Правда? – Александра чуть подскочила с места, – Замечательно! – воскликнула она, обнимая и целуя Владимира.

Глава шестая.

«17 августа 1917 года, Чёрные пруды, Санкт-Петербург,
Дорогой Джон,

Как я счастлива, что возможность имею писать к тебе. Прошу извинить, что послание всё написано на русском языке, но по-иному, боюсь, не было бы оно доставлено, хоть

и теперь нет мне гарантий, что не изымут его где-нибудь. Всё, что происходит в волнующейся стране моей невыносимо и ужасно, хуже всего то отношение к Романовым, которое воцарилось теперь, и, пожалуй, это есть самое пугающее. Я знаю, Джонатан, что отец твой важный человек в государстве, потому не могу не спросить тебя, что тебе известно, друг мой, о намерениях Милюкова? Открыто сказать о сим я, конечно, не могу, но, если тебе хоть что-то известно, ты разгадаешь, поймёшь. Я бы и не писала вовсе, но оно мне важно очень, вся душа моя в этом. Так же, друг мой, прошу прощения за безответно посланные тобою письма: не доходили они до Александровского дворца, не пропускали их. Я волновалась за тебя, что было сил, потому как война, а ты, я знаю, ты на фронте был и, может быть, есть и теперь, а Россия уж и не та, и, возможно, мы скоро станем противниками вашими.

Однако это бред, вздор и пустословие. Скажи мне, Джон, что жив ты, спокоен и мне сего достаточно будет, потому что времена уж не для веселья и празднества настали, по крайней мере, у нас. Люди запуганы, озлоблены и потеряны. Я думаю, будет что-то ещё, не удержит Временное правительство власть в руках своих, потому как сие понятно, потому как оно и есть временное. Но вот я снова отвлеклась. Не суди меня строго, так много волнений, так много слов не сказанных. Я совсем недавно видела тебя во сне; с четверга на пятницу, говорят, вещие сны, стало быть, скоро свидимся.

Знал бы ты, дорогой Джон, как возможность писать к тебе меня оживила, все сказали о сим, с самого утра толкуют, даже Володя заметил, а он скептик в отношении этом. Владимир, кстати, так же просит прощения за оборванную переписку вашу. Он сильно болел, потому писать было вовсе не в его силах. Теперь он у нас, в Чёрных прудах, пошёл на поправку совсем. Тихо, мирно живём теперь тут, в то время как всю семью Николая Александровича, отца моего и Андрея сослали в Тобольск, я же случаем ссылки избежала и обязана сим, в большей степени, брату своему.

Надеюсь, ты найдёшь письмо это в полном здравии и напишешь мне ответ, хоть краткий, хоть пустой лист пошлешь, а спокойнее, всё-таки, будет мне. Однако я не советую так поступать, потому как мы когда-нибудь да свидимся с тобою, и тогда герцог Хэмпшира познает масловский гнев, и он ему не понравится, упреждаю заранее. Что же, до скорого письма, дорогой мой. Прими привет любезный от всего дома нашего: от матери моей, от Владимира и от меня, конечно.

С надеждой на всё лучшее и огромной тоской,
Алекс»

Распечатанное и прочитанное не раз письмо из России лежало теперь на стеклянном столе в замке герцогов Мортимер, который располагался в самом центре Уинчестера рядом со старинным уинчестерским кафедральным собором. Джон был необыкновенно взволнован и просто не мог усидеть в своём высоком кожаном кресле. Вдруг послышался

бой колоколов собора: било два часа пополудни, и Джон выскочил из своей огромной круглой комнаты, в которой с лёгкостью могла бы поместиться какая-нибудь миниатюрная танцевальная или парадная зала. Выбежав и нервно оглядевшись по сторонам, Джон поспешил вниз; его отец должен был прибыть вскоре от короля Георга, а это значило, что он мог знать что-то новое по делу Романовых, безгранично важное в этот момент. Пробегая по коридору, Джонатан встретил молодого лакея, который взволнованно взглянул на герцога, поклонился и сказал тихо:

– Your Grace, whether I can help you?⁶⁴ – но Джон быстро махнул головой и пробежал мимо.

«Почему он решил, что мне нужна помощь? Как это странно» – подумал Джон, но вдруг по дороге ему подвернулось зеркало. Герцог взглянул в него и чуть отшатнулся, резко тормозя. Джону на тот момент исполнилось уже семнадцать лет, он был взрослым человеком, причём приятнейшей внешности и прелестного характера. Герцог был хорош, как не взгляни, но сейчас, буквально через неделю после возвращения с фронта, он выглядел изнеможённым: его изумрудные глаза ввалились, под ними образовались жуткие синяки; и так острые скулы его сейчас возвышались над ввалившимися щеками; в общем, бледное лицо его выглядело изнурённым, хоть со стороны всё ещё представлялось довольно красивым. «Понятно, – протянул он про себя, и тут

⁶⁴ Ваша светлость, как я могу помочь Вам? (англ.)

же потеряно оглядел коридор, – Я куда-то шёл. Зачем?», – но тут щёлкнула дверь вниз, и послышались возбуждённые голоса многих людей.

– Oh, obviously!⁶⁵ – воскликнул он вслух и снова поспешил вниз, к своему отцу. В холле находилось огромное скопление людей: прислуга, какие-то чиновники, дипломаты; все суе-тились вокруг Уолта Френсиса Мортимер, который, закры-вая промокший зонт, потухшим взглядом оглядывал окру-жающую его толпу. Когда взор его пал на Джона, он остано-вился на секунду, посмотрел на сына печально и с нескры-ваемой скукою, и пошёл, тяжело ступая, наверх. Джонатан безмолвно последовал за ним.

– Father, – только переступив порог отцовского кабинета, начал Джон, – what you've decided on the Romanov's problem?⁶⁶

– Two hours in the journey thither, Jonathan, four hours on the king's conference proceeding and two hours homeward. I tired, Jonathan, tired, so leave me alone!⁶⁷ – отозвался он холодно и отвернулся от своего сына, снимая удлинённый коричневый пиджак, показывая тем самым, что он не желает больше ни слушать, ни видеть, ни, видимо, вообще общаться с Джоном.

– No, sir, sorry, but it is too important to leave you alone right

⁶⁵ Ох, конечно! (англ.)

⁶⁶ Отец, что вы решили по вопросу Романовых? (англ.)

⁶⁷ Два часа в путешествии туда, Джонатан, четыре часа на заседании короля и два часа обратно. Я устал, Джонатан, устал, так оставь меня одного. (англ.)

now,⁶⁸ – повысил голос Джон, начиная раздражаться.

– Everything is important if you are connected with the crown⁶⁹.

– But they are the crown!⁷⁰ – вскрикнул Джон, пресекая все движения отца, становясь прямо пред ним, – You lost her, I know, but I lost her too and now don't let me lose yet more loved⁷¹ ...

– Jonathan!

– Stop it! Stop interrupting me! What would mother say?⁷²

– How dare you!⁷³

– What? You still blame me, don't you? You think, you want to believe that it all is my fault! Through I know you hate me I ask for help! But now, get out! No, stay here and know that you live in your wife murderer's house! Farewell, father⁷⁴, оставайся с Богом, – добавил он на русском. Джон не хотел ссориться с отцом, не хотел, конечно, выгонять его из дома, который

⁶⁸ Нет, сэр, извините, но сие слишком важно, чтобы оставить Вас одного в данный момент, (англ.)

⁶⁹ Всё важно, если ты связан с короной. (англ.)

⁷⁰ Они и есть корона! (англ.)

⁷¹ Ты потерял её, я знаю, но и я тоже, а теперь не позволяй мне потерять ещё больше любимых... (англ.)

⁷² Прекрати! Прекрати перебивать меня! Что мать бы сказала? (англ.)

⁷³ Как смеешь ты? (англ.)

⁷⁴ Что? Ты до сих пор винишь меня, не так ли? Ты думаешь, ты хочешь верить, что это всё я, даже несмотря на то, что я знаю, ты ненавидишь меня, я прошу помощи! А теперь убирайся! Нет, останься и осознай, что живёшь в доме убийцы твоей жены! Прощай, отец (англ.)

юридически принадлежал Джону, но всё же он с самого начала проживал здесь с отцом, Джону было стыдно, но он был слишком разгорячён, его всегда затрагивала тема смерти матери, а сейчас во всём были замешаны и его друзья, этого герцог не мог пропустить мимо.

Джон вышел быстро из комнаты, тихо прикрыв дверь за собой, заложил руки за спину и пошёл скорее к телефону. Вызвав автомобиль, он стал терпеливо её дожидаться, Джон, конечно, направлялся к королю, чтобы самому решить вопрос или узнать уже принятое решение. Через четверть часа транспортное средство было подано, Джон вышел на улицу, развернулся и взглянул на дом: из окна, заломив руки, на него смотрел Уолт Мортимер. Заметив взгляд сына, он быстро отошёл и зашторил окно.

«Всё, как обычно» – вздохнул Джон и сел в чёрный, видимо, только вымытый автомобиль. Ехать до Лондона предстояло, не много ни мало, два часа. Пейзажи за окном часто сменялись, притом, один был прелестнее другого, но Джон не глядел по сторонам, он вновь перечитывал письмо от Александры, вчитываясь в каждое слово княжны. «Я совсем недавно видела тебя во сне; с четверга на пятницу, говорят, вещие сны, стало быть, скоро свидимся» – прочитал он строчку вслух и улыбнулся.

– Надеюсь, Алекс, очень на это надеюсь, – он поцеловал письмо, сложил его в несколько раз и бережно положил во внутренних карман своего летнего жилета. Задумался Джон

глубоко: «Ну, вот как, как мы можем сейчас встретиться с княжной, какое невысказанное ребячество, если бы я был бы волен, я всех бы их и перевёз в Англию, но это не в моих силах. А и что бы, коли и встретились бы мы, то что? В любом случае, Александра была бы с... Да что это я? Брежу, что ли? Нет, нет, надо поскорее приехать».

Герцогу посчастливилось, уже подъезжали. Солнце начало клониться к горизонту, и дождь прекратил барабанить по стёклам машины, когда она въехала на двор Букингемского дворца. Пока Джон выходил из автомобиля, подошёл дворецкий, спросить, кто изволил пожаловать, но увидев герцога, улыбнулся и просил заходить.

Во дворце Джон не нашёл короля Георга, однако ему было передано, что «политический кризис в Великобритании заставляет его отложить на время перевоз российского монарха в Великую Британию», по решению Кабинета министров, конечно.

Негодование герцога не было предела, но с другой стороны он понимал, что происходит в стране и что происходит в мире, он также понимал, как всё это отражается на политических делах, и ничего нельзя было поделать: увы, но и у Англии были связаны руки. Но что же он мог теперь ответить Александре? «Но ведь король не отказал им. Он просто отложил дату переезда, а значит, Георг держит слово. Что ж, буду писать правду».

Глава седьмая.

– Володя, я не могу, открывай ты, – воскликнула Александра, увидев лежащий на пороге свёрток с британской маркировкой, но как только Владимир прикоснулся к пергаменту, она буквально кинулась на него и отобрала заветное письмо.

– Эх, княжна, до чего Вы несдержаны, – засмеялся Владимир, но Александра уж не слушала его, она пыталась аккуратно распечатать конверт, но у неё решительно не получалось, и она медленно выходила из себя, – Аль, давай я всё же помогу, – Владимир достал из кармана брюк маленький канцелярский нож и сделал надрез ювелирной точности, чтобы достать долгожданный документ.

– Ты действительно достал сейчас из брюк своих нож? – изумлённо спросила Алекс.

– Я шёл вниз, чтобы получить почту. Конечно я взял с собою нож, – развёл руками Владимир, – ты читать собираешься или нет? – Александра только косо взглянула на князя и мягким движением выхватила письмо.

– Тут и тебе есть, кажется, – сказала она весело, – вот, возьми, – а сама принялась за своё послание.

Княжна читала внимательно, сначала игриво поглядывая на Владимира, но потом её лицо вдруг стало серьёзным, а дыхание глубоким и прерывистым.

– «В общем, король Георг немного откладывает приём из-за нестабильности политической обстановки в стране. При-

ношу глубочайшие извинения и переживаю за вас искренне, всем своим сердцем. Твой Джон», – прочитала самый финал Александра, откладывая письмо в сторону, – у тебя что-нибудь более воодушевляющее или такое же разочарование? – Владимир скривился, его лицо ответило за него, живописнее не придумаешь. Алекс поникла головой и так обременённо вздохнула, что князю более прежнего захотелось прижать княжну к сердцу. – Надо ведь маме рассказать, – проговорила она с ещё большей досадой, откидывая голову назад, – о, как она будет расстроена, просто убита! Нет, не стану лучше говорить. Как думаешь, это подло?

– Нисколько, – проговорил, только крепче обнимая Александру, Владимир, – нисколько.

– Ох, детки, – воскликнула, врываясь в прихожую, Прасковья Дмитриевна, – завтрак подан. Проходите в столовую, голубки, – рядом с нею стояла Миа, которая пришла, видимо, чтобы что-то сказать, но она до того сконфузилась и покраснелась, увидев прижимающихся друг к другу молодых людей, что только похлопала глазами и убежала назад.

В столовой все уж собрались и ждали, по-видимому, только молодёжь. Когда те зашли, все взгляды устремились на них, но только на мгновение, после все уж не отрывались от своих тарелок. Владимир, как того требуют все правила этикета, сначала посадил свою даму, поправив за нею стульчик, что, впрочем, было необязательно, и Александра только засмеялась и покачала головою. После Владимир откланялся

всем сидящим и каждому пожелал приятного аппетита, причём, когда он повернулся к Мие, та вспыхнула и тут же отвела взгляд своих печально прекрасных глаз. Александра, конечно, заметила это и многозначительно взглянула на князя, но тот только пожал плечами и немного приподнял бровь.

Когда все уж завершали свой завтрак, в комнату вошла княгиня Ольга в белом платочке, повязанном на свежewe-мытой голове её. Как только княгиню заметили, воцарилась суeta в комнате, все повскакивали со своих мест, но первым оказался Владимир. Он поддержал Ольгу Николаевну под руку и проводил до её места.

– Право, Владимир, ну чего же ты беспокоишься. Я уж и не больна боле, я сама могу. Но, признаюсь, походить с таким приятным молодым человеком мне всегда в радость, – засмеялась она.

– Знаете, Ольга Николаевна, быть может, Вы и сами в состоянии, а мне всё-таки спокойнее так. Да и если бы не я, так княжна бы с места сорвалась, а потом и ещё кто. Так к чему же сие волнение, правда? – он аккуратно придвинул за княгиней стул и налил ей кофе.

– Господин Вежливость здесь? – язвительно спросила Александра, когда князь сел, наконец, на своё место, – или, быть может, это мсье Очарование?

– Смейся, сколько душе твоей угодно, дорогая моя, а я, всё-таки, единственный мужчина здесь и...

– Неужели ты серьёзно? Владимир, что за вздор?

– Тебе мешают акты проявления мною вежливости? – спросил Владимир, с сияющей улыбкой поворачиваясь к княжне. Алекс отрицательно качнула головой, – ну, тогда, может быть, ещё какао?

– Ах, подлец! – засмеялась звонко Александра, – ну наливай. Зря, что ли, сидишь?

.....

– Подлец! – вскрикнула Александра Феодоровна, укрывшись с мужем в единственной закрывающейся комнате дома, – Как мог ты предать свой род? Детей своих предать!

– Аликс...

– Мы здесь, в ссылке, потому что ты сложил руки и сдался, подлец!

– Аликс, – спокойно, но громко выговорил Николай Александрович, резко отворачиваясь от окна, – он сказал, что нет шансов...

– Что? Как ты... Кто сказал? Кто сказал, Николя!?

– Когда мне подали акт об отречении, я, конечно, не хотел его подписывать и, скорее, даже хотел не подписывать вовсе, не за себя, нет, за Алексея. Я – красное полотно, которое не позволяет быку остановиться, чтобы перевести дух, и которое он да разорвёт когда-нибудь. Для полотна главное, чтобы не пострадал к тому же и тореадор, поддерживающий его, – он мягко взглянул на свою жену и присел на стул рядом с нею, – когда я увидел, что подписываюсь не только за себя, но и за сына, я не хотел, отбросил бумагу, но Евге-

ний Сергеевич⁷⁵ зашёл ко мне, и мы долго разговаривали. Он советовал мне передать власть Михаилу, он сказал... «Ввиду болезни цесаревича, чудо будет, если наследник доживёт до своего шестнадцатилетия», – Николай Александрович закрыл рукой глаза и долго сидел, не шевелясь, подёргиваясь всем своим существом. Александра Феодоровна сдержанно заплакала.

– Николя, милый мой, почему...отчего не сказал ты мне...? – голос её сорвался, и она опала на подхватившие её руки мужа, и слёзы безудержного горя брызнули из глаз её.

– ... и когда его силы подошли к концу, он рухнул с грозным звоном наземь и тогда...

– Анастасия, что за вздор! – воскликнула сидящая неподалёку от сестры Мария, – Ну как может волшебник упасть от усталости! Какая чушь!

– Как чушь? От чего это? Волшебники – тоже люди, а ты как думала, отчего бы и им не устать? – обиженно отозвалась Анастасия.

– Какие же они люди...– вновь было начала Мария, но вдруг их спор оборвал, вставая, Алексей.

– Дамы, довольно! Экий глупый спор! – сказал он уверенно, но вдруг пошатнулся и отступил назад.

– Что такое? – подскакивая, спросил напряжённо Андрей, – что?

– Ничего, просто голова закружилась.

⁷⁵ Евгений Сергеевич Боткин – русский врач, лейб-медик семьи Николая II.

– Так, девушки, действительно, давайте заканчивать споры! – отчеканил строго Андрей, но Анастасия так искренне мило улыбалась ему, что тот просто не мог никак не ответить и, старательно сдерживая улыбку, как только возможно было, строго посмотрел на неё.

– Да-да, кубышка, это и до тебя отношение имеет, – съязвила Мария, и, поймав серьёзный взгляд Андрея, воскликнула, – Что? А чего она улыбается?!

– Полно, Мари, пойдём в библиотеку лучше? – предложила, поднимаясь, Анастасия, всё так же игриво глядя на князя Маслова. Мария кивнула в ответ, и обе девушки в момент удалились.

– Как вдруг в доме тесно и шумно стало, – пробормотал после некоторого молчания Алексей, потирая указательными пальцами свои виски.

– Ох, то ли ещё было, если бы Александра была здесь, – усмехнулся грустно Андрей. Князь скучал по своей сестре, с которой раньше он не расставался так надолго, – голова болит? – встревожился он, заметив, что Алексей странно поглаживает свой лоб.

– Не...емного, – протянул тот, щурясь, – когда ты успел из моего друга превратиться в няньку? – засмеялся цесаревич, – не потому ли Анастасия на тебя так смотрит?

– Застрелить бы тебя, но вот только убийство – грязное дело, а коли отец узнает, то и не разрешит боле его наган брать, – улыбнулся Андрей, немного смутившись, – не к ко-

му мне больше, быть может, придираться. Я-то привык с сёстрами, а к твоим и совестно как-то, хоть с самого рождения их знаю.

– А кстати, где Владимир Львович? Я его с утра самого не видал.

– Так он, если меня память не обманывает, спозаранку вышел прогуляться, осмотреть территорию. Говорят, здесь безопаснее, чем то было в Петербурге.

И действительно, ссыльные чувствовали себя гораздо комфортнее в незнакомом Тобольске, чем в родном Петрограде. Здесь они продолжали заниматься обучением, читали книги в огромной библиотеке французского стиля; здесь у них был огромный сад и уютные качели, на которых можно было качаться всегда; дома ставились домашние спектакли, игралась музыка. Но какие бы условия не были созданы для проживания царской семьи, каждый знал, что он не дома, что это чужое для него место и незнакомые люди окружают его. Что можно добавить о людях? Здесь в глубине России не было ожесточённого отношения к императору и его семье. Добродушные и отзывчивые, а главное верные люди окружали здесь Николая II. Отчего так? Никто не знал, только чувствовалось свежее, безопаснее вокруг; дышалось глубже и легче, и не было постоянного страха, который буквально окружал Александровский дворец в Санкт-Петербурге. Но и свободы здесь не было, было лишь её ожидание, тягостное, мучающее душу, туманящее разум. А чувство свободы – лю-

бимейшее человеком чувство, которого он пытается достичь любимыми средствами, преодолевая любые преграды и испытания.

Глава восьмая.

– Мамочка, я хочу домой, – прошептала маленькая белокурая девчонка, дёргая свою мать за широкий белый рукав бального платья, – тут так страшно, так темно, мамочка, – пролепетала она, поднимая глаза, но матери уж не было с нею рядом. Холодок пробежал по спине девочки и отразился в смоляных глазах её ужасом, неподдельным страхом. Она огляделась тихо по сторонам и вновь позвала, – мама? – но только эхо ответило ей, а потом затихло, и неподвижный воздух, разогреваясь, сдавил виски ребёнка. Вот она облизнула дрожащие ссохшиеся губки и едва подняла опущенные глаза: где-то вдалеке видит она знакомый мужской силуэт, нет, он не один – их двое. Двое молодых людей, поддерживая один другого, идут ровно в противоположную от неё сторону. Как бы она не бежала, как бы не пыталась догнать, у неё не получалось, а молодые люди всё уходили вдаль.

– Андрей, – вдруг крикнула Александра, её детский голосок был совсем тоненьким и тихим, потому князя его и не услышали, – Алексей! – закричала она изо всех сил. Фигуры содрогнулись и остановились так, что один юноша закрывал собою другого, как в том видении на Рождество. Александра отчётливо увидела их взрослые, серьёзные лица, перед тем,

как они исчезли бесследно и абсолютно безмолвно. Новая волна тишины окатила княжну. Вокруг ни души, даже эхо не вторит её лёгким шажкам.

Вдруг послышалось в тишине, из тишины выходящее, такое тонкое, мягкое, совсем как в детстве, пение Ольги Николаевны:

– Спи, засыпай, мой цветок дорогой.
Скоро покинешь ты дом свой родной,
Станешь большой и исчезнешь вдали,
Спи, моя вишенка, тихо дремли.
Ночь поглотила поля и леса,
Жизнь тёмной ночью творит чудеса,
Где-то за морем, в низине небес,
Солнечный лучик до завтра исчез.

Но голос её, дрогнув, сорвался, и она залилась тяжёлым, мучительным кашлем. Вдруг её кашель, утихая, влился в другой, глухой и мягкий голос. Владимир Львович продолжал петь сначала со своей женою, но вскоре она совсем затихла, и его бархатный голос остался жужжать в одиночестве, тишине и неподвижности. Когда колыбельная закончилась, голос на мгновение утих, но после раздался вновь:

– Вишенка моя, ты ведь не глупая девочка. Поразмысли: где опаснее теперь в Казани или в Чикаго. Мичиган...! – и голос затих и не вернулся боле.

Голос ушёл, растаял, и княжна вновь осталась одна, однако она уже проснулась и лежала в темноте своей комна-

ты, чувствуя, как слезы одна за другой текут по её дрожащим щекам и капают на промокшую пуховую подушку. Через некоторое время Александра поднялась с постели и большими, но нетвёрдыми шагам пошла к двери, утирая слёзы и негромко всхлипывая. Когда она распахнула дверь, за нею стоял Владимир, протягивая ладонь к дверной ручке.

– Princess, я услышал, что ты плакала, – сказал он, но Александра, прильнув к нему, уже крепко прижималась к его груди.

– Владимир, можно я тебя попрошу ... Володя, полежи со мной хоть чуть-чуть, пожалуйста, мне стало так страшно, – умоляла она, медленно успокаиваясь. Тем временем Владимир зашёл в комнату и робко остановился.

– Кошмар приснился? – Александра кивнула и забралась под одеяло в свою кровать. Владимир неловко сел у неё в ногах и затих. Алекс только закрыла глаза, как громко всхлипнула и схватила князя за руку. «Ляг со мною, прошу» – говорил взгляд её запуганных глаз. Владимир посидел ещё немного, обошёл кровать и прилёг за княжной на одеяло, обнял её одной рукою, прижался щекой к её голове. Владимир чувствовал, как тяжело билось сердце Александры, как часто и прерывисто дышала она, он слышал аромат её пшеничных волос и ощущал необыкновенную мягкость уже смугловатой кожи. Обожание и умиление отразилось в сердце Владимира, который любил княжну всё больше с каждым трепетным вздохом её. Вскоре все мышцы Александры расслабились;

княжна вновь погрузилась в волшебный мир снов.

Осенним утром петербуржцы были разбужены стуком града, размером с грецкий орех, по стёклам окон, крышам домов и раскатами грома, раздающимися где-то вдалеке, яркими вспышками утренней грозы. Бушующая стихия не хотела будто чтобы хоть кто-то спал во время её мятежа как будто сама погода подталкивала людей к чему-то решительному и жестокому в это холодное октябрьское утро.

Когда княжна Александра проснулась, она одна лежала, зарывшись в одеяло с головой, на кровати, а Владимир сидел здесь же, рядом за столом и писал что-то на пергаменте, часто макая ручку в чернила.

– А, доброе утро, – улыбнулся он, заметив боковым зрением, что Александра чуть приподнялась на кровати, но тут же легла вновь, – спишь ты невероятно красиво, но наблюдать за этим возможно лишь на расстоянии: пинаешься ты нещадно. Хочешь рассказать мне? – спросил он, ставя на листе точку, ловко запечатывая конверт. Александра лишь качнула головой, – Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду.

– погоди! – воскликнула вдруг взволновано Алекс, – Володя, как ты думаешь, возможно ли перевезти мою мать и Наталью с детьми в Чикаго?

В комнате воцарилась тишина, Владимир медленно повернулся и подошёл к Александре.

– перевезти твоих родных в Чикаго? К Ольге? – переспросил он, – думаю, теоретически это выполнимо. Однако я не

понимаю... ты же поедешь с ними? – Александра покачала головой, – но, Аля...

– Я точно не поеду, пока нет, – оборвала она.

– Ладно, а Ольга Николаевна знает, что ты не поедешь? – поинтересовался он, внимательно оглядывая бледное, от чего-то, лицо княжны.

– Она не знает даже, что поедет сама...

– Но...

– Папа так сказал, а он не ошибается.

Владимир не мог понять, каким образом Владимир Львович связался с дочерью и настоял на иммиграции, но Алекс была настроена решительно, князь видел это по лицу её.

– Тогда, ты, может быть, хочешь, чтобы я достал больше информации?

– Да, а ты можешь? – проговорила Александра, как бы, воодушевляясь. Владимир кивнул.

– Ирина написала мне вчера, что они уезжают с матерью назад во Францию. Я могу попросить их взять твоих с собой, а уж из Европы им легко будет выехать.

– Ты поедешь? – спросила, став абсолютно серьёзной, княжна.

– Куда?

– Во Францию.

– Что? Александра, иногда я начинаю сомневаться, что ты меня понимаешь. Конечно я не поеду. Да меня и не выпустят.

– Хорошо... точнее, нет, то есть... Но попрощаться с семьёй тебе обязательно надо. Приглашай их сюда, вы проведёте время вместе, я попробую вновь завоевать сердце твоей матери, но у меня вновь не получится, это точно, – Владимир, улыбаясь, покачал головой.

– Пожалуй. Однако лучше ближе к их отъезду.

– Да, пожалуй.

На этом диалог их окончился, Александра обняла легко Владимира и выпорхнула из своей комнаты, чтобы скорее оказаться у матери, проверить, как она чувствует себя и сообщить замечательно-странную новость об отправлении их в Америку. А Владимир, переживая за хрупкое материнское сердце, спустился вслед за чересчур импульсивной княжной.

– Подожди, погоди, Саша, как это так? – качнула головой давно уж проснувшаяся Ольга Николаевна, внимательно и несколько встревожено глядя на свою дочь, – Неужели ты действительно думаешь, что я оставлю здесь своих детей, своего мужа и просто уеду за границу? Это... это невозможно!

– Нет, мама, это очень даже возможно, это лучший вариант, самый безопасный сейчас. К тому же Наталье с малышами боле, чем кому бы то ни было, нужна твоя помощь. Ты же знаешь, какая она застенчивая, сама она никуда и уехать не сможет, так ещё и с двумя детьми. А здесь оставаться слишком опасно – нельзя, – она столь резко тряхнула головой, что Владимир немного отшатнулся.

– А как же ты? А Андрюша? А...

– Я остаюсь здесь не без причины, ты же понимаешь. Кроме того, я бойкая, пробьюсь как-нибудь, и здесь остаются те, кто смогут обо мне позаботиться, – оно мимолётно взглянула на Владимира, – А Андрей с папой попали в самое, так сказать, жерло вулкана. Пока он не уснёт вновь, они никуда не смогут уехать. Но я уверена, он не прободрствует долго, и совсем скоро мы все встретимся в Чикаго. Да и Ольге помощь, должно быть, нужна теперь.

Ольга Николаевна колебалась, княгиня не хотела поддаваться уговорам дочери, не хотела верить её довольно разумным доводам.

– Как бы мне не хотелось говорить, но Александра почти во всём права. Почти, потому что, я уверен, ей надо ехать с вами, но она, как понимаете, наотрез. А для вас уехать сейчас с моей семьёй – лучший и безопаснейший, между прочим, выход, – княгиня уж почти сдалась. И Александра, и Владимир это видели; осталось только найти последний, но весомый и неопровержимый довод, – А княжну я беру на себя, так что даже не думайте. За Александрю я убью любого, поверьте, хоть я уверен, что она и сама справится, – он посмотрел своим лучезарным взором на княгиню и та заплакала, прижимая обоих детей к груди своей.

Вечеру письма Наталье и Ольге Валерьяновне были отправлены. Оставалось только дожидаться срока.

Сказать прямо, тянуть с отъездом княгиня Палей не со-

биралась, и уже утром следующего дня она с дочерьми прибыла в Чёрные пруды. Такого быстрого прибытия гостей, конечно, никто не ожидал, и хоть дом, как всегда, находился в идеальном состоянии, хозяев застали врасплох, особенно это относилось к молодёжи.

Когда автомобиль подъехал к дверям особняка, и в тяжёлую дверь постучали, Ольга Николаевна по своему обыкновению была на прогулке и нашла приехавших стоящими на пороге.

– Что же это делается! – проговорила она, подходя к дамам сзади, – Отчего вы не проходите? Ольга, не замечала за Вами ранее сей робости.

– Это не робость, дорогая, это приличие, – сказала та, поднимая бровь, но тут же приветливо улыбнулась, – Вы уже на ногах, я гляжу; замечательно! – воскликнула она, – нам предстоит путь не из лёгких.

– Владимир уж рассказал Вам? – спросила княгиня Маслова, приближаясь к двери, – Мы с Вами говорим, словно на светском рауте!

– Действительно, Ольга, но не этого ли требуют от нас нормы пристойного поведения? Да, Владимир сообщил мне о Вашем желании, и, честно говоря, я его полностью поддерживаю.

– Да, вот только идея то не моя. Александра настояла, – произнесла не без трепета княгиня Маслова, уж проводя гостей в гостиную.

– Неужели? – несколько странно переспросила Ольга Валерьяновна, – девочки, заходите, чего вы испугались, – она взглянула строго на своих дочерей, заметив, что те до сих пор жмутся на пороге. Княжны зашли в комнату и скованно встали, прижавшись друг к другу, в углу. Старшая – тринадцатилетняя Ирина была невысокой, серенькой и совсем терялась рядом со своей одиннадцатилетней сестрой. Наталья же была выразительная, каждая чёточка светлого лица её привлекала к себе взгляды, держалась она увереннее своей сестры и, казалось, её абсолютно ничего в этой жизни не могло смутить.

– Вот, право, как растут чужие дети, – воскликнула Ольга Николаевна и тут же сделала несколько распоряжений по поводу расселения гостей.

Когда только прибывшие вошли в дом, княгиня попросила Мию оповестить Александру и Владимира, разумеется, об их приезде. Всю ночь Александра засыпала князя вопросами о проблемах, которые могут возникнуть при выезде её семьи за границу, потому теперь она уж не была столь уверена в правильности своего решения.

– Нет ничего правильного или неправильного. Важен лишь угол обзора, – сказал ей князь, который с каждой минутой считал этот план всё разумнее.

Так вот, после бессонной ночи молодые люди спали, как убитые, каждый в своей спальне. Первым Мия решила разбудить Владимира, потому как именно его семья приехала, и

его это касается переее, нежели Александры. После некоторых минут сомнений она всё же постучала в дверь. Негромкий, но настойчивый стук по дереву разбудил князя, который немедленно сел, огляделся вокруг и стал наскоро одеваться. Не успев ещё как следует застегнуть рубаху, он отворил дверь, потому как уверен был, что там Александра, но увидев Мию был несколько удивлён. Узрев князя не совсем в привычном виде, австрийка вспыхнула и широко распахнула свои печальные глаза. Владимир тоже застыл прямо перед нею.

– Там Ваша Mutter⁷⁶ приехать, – проронила тихо она, более заливаясь румянцем.

– Ох, хорошо, – зевнув, шепнул Владимир, как бы отпуская, тем самым, девушку, но та всё стояла на пороге, – спасибо, что сообщили мне, – сказал он, улыбаясь. Мия оробела, проямлила что-то на немецком и пошла вниз, не заходя в комнату к Александре.

«Странно. Крайне странно» – подумал Владимир, и, быстро расчесавшись, отправился будить княжну.

Александра глубоко спала, как-то по-детски свернувшись на кровати, сбросив с себя одеяло. Владимир остановился посреди комнаты и долго не мог разбудить княжну, но вдруг опомнился и тихо позвал её, но Александра простонала невнятно что-то и отвернулась от него, закрывая ухо рукой.

⁷⁶ Мать (нем.)

– Аля, вставай, там моя мать приехала, – это моментально сработало, и Алекс резко села на кровати, подёргивая от яркого света глазами.

– Где? – воскликнула она, вставая, но, не слушая ответа, вышла в уборную. Владимир умилённо посмотрел вокруг: комната Александры полностью отражала внутренний мир княжны. Она была светлая, но вся мебель была сделана из чёрного дерева; подушки, одеяла на кровати были наилегчайшими и мягкими, а сами перины довольно жёсткими и тугими. На столе, в шкафах таилось много книг, стояло большое зеркало против света, шторы на окнах практически всегда были задёрнуты, и один только лучик солнца игриво гулял по просторам комнаты.

Через мгновение Александра вышла одетая и недурно причёсанная, со словами:

– Где твоя матушка? Я готова к приёму гостей, – Владимир в ответ только рассмеялся, взял княжну под руку и повёл по ступеням вниз, где, живо постукивая приборами, уже трапезничали.

– Ох, а вот и вы! – прощebetала заботливо Ольга Николаевна, когда молодые люди только вошли на порог столовой, – Я уж было и волноваться начала: вы не идёте, Мия не вернулась, а гостей накормить надо. Ну, что ж вы встали-то, Боже мой, садитесь, садитесь.

– *Von appétit!*⁷⁷ – проговорила, улыбаясь сдержано, сидев-

⁷⁷ Приятного аппетита! (фр.)

шая напротив Александры Ирина.

– О, Вам того же, – кивнула приветливо Алекс, нервно сжимая руку Владимира, – Ирина, Вы так выросли с нашей последней встречи, право.

– Да? Благодарю. Ну и Вы, скажу Вам честно, изменились. А Володя как похорошел, отошёл от болезни совсем рядом с Вами, – она любовно взглянула на брата, – зря тамап только ругалась.

– Да, вовсе зря, – отрезал Владимир, и все вернулись к своему завтраку.

– Отчего твоя мать ругалась? – тихо спросила Александра, наклонившись близко к уху князя.

– А отчего тебе это интересно? – спросил он, поворачиваясь, в ответ, но взгляд Алекс был настойчив, – тамап не хотела, чтобы я больной ехал к тебе... то есть... сюда.

«То есть твоя мать так меня невзлюбила, что уж и не хотела тебя отпускать ехать. Восхитительно!» – решила Александра, но только головой кивнула и грустно опустила глаза на дымящуюся кружку ароматного какао.

– Аля...

– Что ж, Владимир, – словно подслушав разговор молодых людей, заговорила с улыбкою одетая в величественное бордовое платье Ольга Валерьяновна, – вижу я, что была неправа, эта поездка действительно пошла тебе лишь на пользу: ты вовсе оправился, выглядишь бодрым, счастливым, – она всего на мгновение перевела взгляд на княжну и наклонила

голову, но тут же вернулась в своё прежнее положение.

– Спасибо, татап, – сквозь зубы процедил, отчего-то крепче сжимая руку Александры, Владимир, – я рад, что Вы изменили Вашу точку зрения.

– Так отчего, позвольте узнать, – почувствовав витавшее в воздухе напряжение, обратилась к Ольге Валерьяновне княгиня Маслова, – вы так скоро приехали?

– Как скоро? – переспросила княгиня Палей, – уж семнадцатое число. Мы отъезжаем из Москвы ровно двадцать второго октября, Ольга, билеты у нас уже на руках.

– Как, – ахнула княгиня Маслова, но встрепенувшаяся Александра перебила её.

– Наталье письмо надобно написать! Я займусь! – она выскочила из-за стола и, облегчённо вздохнув, быстрым шагом направилась к лестнице.

– Я помогу, пожалуй, – сказал, вставая следом за княжной, Владимир, но мать его остановила, заметив, что им нужно обязательно поговорить и чем скорее, тем лучше, потому Владимир остался сидеть за столом.

Вскоре все, отзавтракавши, и чувствуя, что Ольга Валерьяновна ждёт возможности остаться с сыном наедине, начали расходиться. Первой ушла Ольга Николаевна, при этом забрав с собою практически всех присутствующих в комнате. Чуть после ушли княжны.

– Если я правильно поняла, что вероятнее всего, – начала тут же княгиня, поднимаясь со своего места, – княжна не

уезжает из страны, не так ли? Это меня весьма удивило. Не находишь сие странным, Владимир, что юная леди, осознавая всю опасность жизни в России, остаётся здесь? Очевидно, что ты одна из причин. И это именно то, ради чего я попросила тебя остаться. Должно быть, ты заметил, что княжна не вполне импонирует мне, хоть особа премилая и, на мой взгляд, довольно умная, однако мне жаль девушку. Ты сейчас большая для неё опасность, я даже не говорю об её отце, а ты, ты Романов, и, я боюсь, ты будешь не в силах защитить её, когда это будет необходимо.

– Зачем Вы мне об этом говорите? – выпалил, раздражаясь, Владимир.

– Я не желаю тебя обидеть, не хочу заставить делать то, чего ты делать не хочешь, я лишь предупреждаю, так сказать, подготавливаю тебя. Рано или поздно тебе придётся сделать выбор: близость её к тебе или же безопасность. Это никак не моя прихоть, это, увы, изволение времени, просто будь готов, – высказалась она, подставила щёку и, дождавшись поцелуя, быстро зашагала куда-то, оставив Владимира одного в тиши отдыхающей от скопления людей столовой.

«Что ж, может быть, *mère* и права в чём-то; возможно, я действительно неспособен обеспечить Александре должную защиту, но что, что я могу теперь? Заставить её каким-то образом отправиться с матерью в Америку? Невозможно и гадко, да и характер княжны слишком сильный, чтобы заставить её сдаться. С другой стороны, я ведь всегда буду ря-

дом с нею, буду делать всё, что от меня зависит, только достаточно ли этого? Достаточно ли широк размах руки моей? Сие непонятно, да и понять, думаю, невозможно, однако коли необходимо будет проверить: так на части разорвусь, а сделаю всё, супротив любого ветра выйду, всё выдержу, чтобы спасти величие, бесстрашие и выдержку Масловых, чтобы спасти Александру».

Глава девятая.

– Престранная Вы, Сандра, право, – прошептала быстро Александре, сидя за завтраком в день отъезда Ирина, – не обижайтесь Вы на меня и не судите мои слова, как оскорбление или колкое замечание, только вот я никак не могу понять: отчего Вы с ключницей Вашею Прасковьей Дмитриевной «на Вы» обращаетесь, а с матерью нет. Чудно! Доводилось мне слышать, будто Вы и с папенькой Вашим «на ты»?

– Да, а отчего же это и странно? Они ведь мне родные, не так ли? Я близка со своими родителями, как близка я и с сёстрами, и с братом, и сами слова не должны отдалять нас друг от друга.

– Я никогда не слышала такого от дворян, право, Сандра, Вы исключительная! Вы точно не из нашего мира! – воскликнула княжна, хватая Алекс за руку и сжимая её, что было сил.

– Довольно, Igen, оставь княжну, – промолвил Владимир, удивлённо глядя на робкую обыкновенно сестру, – что станет

с тобою, коли она скажет, что и штаны она носила вне своей комнаты.

Александра зарделась, а Ирина вскрикнула и прикрыла рукой распахнувшийся от удивления рот. Однако выразить своих чувств девушке не пришлось, прозвенел звоночек: пора было отправляться в путь. Точная, пунктуальная Ольга Валерьяновна ровно в девять часов утра двадцать первого октября стояла собранная в холле и дожидалась, не вполне терпеливо, своих спутников, коих, между прочим, оказалось больше, чем того ожидалось: узнав об отъезде Ольги Николаевны за границу, Мия, слёзно кланяясь в самые ноги княгини, упросила её взять бедную фройлейн Мию Хофбауэр с собою. Когда все, наконец, собрались, а это произошло без малого через десять минут, княгиня Палей была ужасно разгневана непунктуальностью своих спутников.

– Отчего так долго? Iren? Natalie? – разгневалась она, глядя то на своих дочерей, то на старинные ворчащие робко часы.

– Боюсь, – встала на защиту потупивших глаза княжон Александра, – боюсь, Ольга Валерьяновна, это я виновата в их задержке. Прошу прощения.

– Хм, – только ответила она и тут же глубоко вздохнула, переводя взор на Ольгу Николаевну, – Что ж, поедемте, – та кивнула.

Владимир подошёл к матери и сёстрам, чтобы попрощаться, а Александра всё стояла на своём месте: она не хотела,

чтобы её мама уезжала так далеко, хоть идея эта и была её собственная. Тогда княгиня сама подошла к дочери и мягко положила руку ей на щёку. Не было слов прощальных, тривиальных и пустых; одних взглядов было тогда достаточно. Глаза говорили за расстающихся женщин, глаза, сначала тёплые, сухие, потом мокрые и грустные, а после, переполненные надеждой, светом, но и безудержной тоской. Только Мия одна стояла, обнимая свой чемодан: не с кем было ей проститься и некому обвить руками шею. Поднимая глаза, она жадным взором пожирала моменты объятий княжон Палей с братом, матери с сыном, Ольги Николаевны с Александрой, а потом со своим любимым поэтом-Владимиром. После, когда все уже выходили, она оглянулась: Александра с князем, взявшись за руки крепко, выходили вслед за убывающими, и безудержная тоска сковала Мию, и скорее захотелось ей назад, на родину. Однако Александра окликнула её и, простившись, обняла так тепло, что вся боль прошла, злоба испарилась, осталась только глухая, необъятная грусть.

После отъезда княгини дом опустел и как бы осунулся. Никто не веселился, не шумел, и только бойкая, неумолимая Прасковья Дмитриевна гремела, беспрестанно отдавая поручения: одна ведь она осталась-то за деточками следить, а их кормить нужно, одевать, да спать укладывать. Какой вздор! Деточкам-то уже ни много ни мало, одной семнадцать, а другому двадцать лет! Взрослые, сознательные, но совсем осиротевшие люди. После отъезда матери Александра не оста-

навливалась и на минуту, прохаживаясь по особняку, рассматривая фотографии, картины, сжимая кулаки, закусывая губы. Только под самый вечер Владимиру удалось остановить её, усадив на диван и с силой сжав её ладонь.

– Всё будет хорошо, – уверил он её, глядя прямо и спокойно в глаза, – всё наладится.

И она расслабилась на секунду, и этого вполне хватило: Александра уснула, обессиленная переживаниями и тяжёлым расставанием с обожаемой ею матерью.

– Она обещала позвонить из Москвы. Почему она не звонит? – начиная нервничать, вопрошала княжна уже четвёртый раз за последние пятнадцать минут. С самого утра на следующий день после отъезда Ольги Николаевны Александра не прекращала суетиться, всё валилось из рук её, она не могла ни есть, ни сидеть, читая или просто отдыхая, только беспрестанно смотрела на часы и без устали спрашивала Владимира, – А что, если случилось что-нибудь? Тогда это моя вина! Почему она не звонит?!

Мучения княжны были прерваны, наконец, лишь в первом часу дня долгожданным звонком. Говорила Ольга Николаевна быстро и спокойно: «Встретили Наталью. Выезжаем из Москвы через пятнадцать минут. Позвоню, когда прибудем в Лион. Люблю тебя».

Александра испустила облегчённый вздох.

– Когда должны они прибыть в Лион? – поинтересовалась княжна, поворачиваясь к Владимиру. Тот глухо рассмеялся.

– Если ты продолжишь в таком духе, princess, то мой разум не доживёт до того момента.

– Прости меня, – протянула Александра, садясь на диван и закидывая голову на деревянную грядку, – просто я так волнуюсь за них.

– Я знаю, princess, знаю, однако, ты же сама понимаешь, что в Европе, тем более в Америке гораздо для них безопаснее будет, чем здесь. Мы как бы на бочке с порохом сидим, да вот только я уверен, скоро всё успокоится, и тогда мы заживём.

– Думаешь?

– Думаю.

– Хорошо.

– Да.

Новый день приветствовал жителей Петрограда прямо сказать не самым радушным образом. С раннего утра двадцать пятого октября в городе было так тихо, что даже на Петровском острове слышны были крики радующихся и дебоширящих матросов, ругань рабочих, заунывные песни пьяных крестьян. К обеду каждый житель Петрограда знал, что Временное правительство ушло в отставку, что власть перешла в руки большевиков, что прежней жизни уже не будет, и что Российская империя окончательно прекратила славное существование своё. Что ж, наконец, слышались и залпы орудий, и плач детей, которых, как не пытались, не смогли унять матери, и хрипы раненых. Да, это явление ста-

ло закономерным завершением крайнего обострения классово-борьбы. Да, это событие выразило волю большинства, однако понимало ли то большинство на что шло оно? Понимало ли оно, что двадцать пятое октября далеко не конец всеобщих мучений, что ещё тысячи жизней, судеб будут смолоты разгневанной, не умеющей остановиться машиной судьбы? Вероятно, не будет вовек найден ответ на сей вопрос.

– Их не выпустили, ты представляешь ли, Аля, не выпустили! – выпалил Владимир, разгневано вскидывая руки, потряхивая в них полученную утром телеграмму от матери. Но Александра только покачала головой.

– Ты слышишь крики? – Владимир прислушался. Действительно, слышался ужасный гвалт, – Ужасно. Ах, должно быть, это центр города пылает! – вскрикнула Александра, показывая чрез стекло окна на густой, чёрный клуб дым.

– Может быть, адмиралтейство? – предположил Владимир.

– Не знаю. Ужасно. Что теперь будет? – она развернулась к князю и увидела у него в руке узкий длинный кусочек бумаги, – Ох, это от твоей матери? Ты что-то говорил?

– Да, их не выпустили за пределы страны, – он взглянул на княжну; она была в ужасе: глаза широко раскрылись от изумления, она побледнела вмиг, губы разомкнулись, видимо, она хотела что-то вымолвить, но Владимир оказался первым, – только моих, Аля, только моих. Твои, должно быть,

уже пересекли польскую границу.

– Боже, какой ужас, – проговорила она, дотрагиваясь до плеча Владимира, – как Ольга Валерьяновна? Где они останутся? – она всё ещё была встревожена, но кровь медленно возвращалась к лицу, и руки тряслись гораздо меньше.

– Нормально всё будет, ты ведь знаешь мою маман, она где угодно сможет свои порядки навести, – Владимир вяло улыбнулся, – они пока в Крым поедут; там один знакомый наш граф живёт, а потом, может быть, и в Петроград вернуться.

– Вернутся ли? – встревожено проговорила Алекс, глядя в окно на дымящее адмиралтейство, – теперь уж точно прошлого не вернуть, – Владимир глубоко вздохнул и прильнул подбородком к затылку княжны.

– Тьфу ты! Герои-любовники тоже, – ворчала, без стука заходя в комнату, Прасковья Дмитриевна, – Только проснулись, сразу ласкаться лезут! – Александра удивлённо взглянула на ключницу, а Владимир широко улыбнулся, не отрываясь от девушки, – Чай идите пить, живо!

Когда молодые люди, широко улыбаясь ей, покинули комнату, Прасковья Дмитриевна подошла к окну, взглянула на ужасный пейзаж и перекрестилась три раза: «Господи, помилуй, – прошептала она, – отведи беду стороной», и тоже ушла, спустилась вниз и уже не сводила глаз с беспокойной улицы.

– Володенька, смотри какой ты худой, – сказала присев-

шая рядом с князем Землёва, – Давай ещё тебе икорки положу.

Владимир испустил чуть слышный, жалобный стон.

– Прасковья Дмитриевна, оставьте его, – заступилась сидящая по другую руку от князя Алекс, – ему не полезно кушать много. И увидеть не успеем, как заболает.

Услышав слова Александры, Прасковья Дмитриевна прикрыла рот рукой и округлила глаза. Владимир же повернулся в сторону княжны и вопросительно взглянул на неё, приподняв бровь.

– Она впечатлительна, – шепнула Алекс, – ты ж не хочешь быть закормленным до смерти?

Владимир звонко рассмеялся, а ключница удивлённо и взволновано уставила на него свои подслеповатые серые глаза и застыла в таком положении.

– Это не опасно, Паня, не стоит так волноваться, – пробормотала попивающая маленькими глотками кофей Надежда Ивановна, сидящая, сгорбившись, на краю за столом.

– А тебе покуда знати? Ты-то, поди, не дохтур.

– Мой папенька доктором был при полке Семёновском, вот и обучал меня иногда, – откликнулась та, поправляя выбившуюся из-под платка прядь русых волос.

– Ох, гляди, каки все умные-то! – забухтела Прасковья Дмитриевна, поднимаясь из-за стола, – законники, дохтуры, тьфу на вас! – сказала она, выходя из комнаты. Надежда Ивановна слегка улыбнулась.

– Завести бы ей собачку какую или кота, чай нет Петра Ильича с нами боле, – она перекрестилась, – а то Прасковьюшка от безделья всех нас насмерть замучит, – проговорила женщина и тоже удалилась.

Молодые люди остались одни в столовой, поддерживая навязчивую тишину, доедая свои завтраки. Александра держала в руках тёплую кружку ароматного какао, но чувствовала она лишь запах гари, застилающей Петроград.

– Я не удерживаю тебя, – произнесла она вдруг, как бы дополняя вслух мысли, произнесённые в её голове. Владимир отвлёкся от еды и растеряно посмотрел на княжну, – Если ты хочешь поехать к своим родным теперь, то я не удерживаю тебя, – пояснила Алекс.

– Ох, princess...

– Ты не думай даже, я только рада буду, потому что семья – это важно, так что поезжай, если хочешь.

– Знаешь, Аля, никуда-то я уезжать и не хочу, однако мне показалось, что Вы княжна желаете больно, чтоб удалился я.

– Всё-то Вам, князь, кажется, на то и народное средство есть. Сами знаете аль подсказать? – Александра легко поднялась из-за стола.

– Отчего же не знаю? Я-то..., – Владимир оглянулся, но Александры уж и не было в комнате, – ну, знаешь что, княжна, дослушивать надо! – князь также встал из-за стола и ловкими, лёгкими шагами поднялся наверх, – Знаешь, princess, я не позволяю себе...

– Тсс, – шикнула Алекс. Она стояла у того же окна, что и утром и явно была чем-то обеспокоена. Владимир замолчал и подошёл ближе. То, что заметила Александра, напугало бы любого человека в этот день, впрочем, как и во все последующие. К особняку шли люди. Да, их было не много, всего пятеро на вид молодых парней, однако они были вооружены, опасны, а в Чёрных прудах к такому были не готовы. – Надо... надо закрыть все шторы, выключить свет, – пробормотала себе под нос Александра, а потом вдруг весьма громко вскрикнула, – Прасковья Дмитриевна, Прасковья Дмитриевна! – и пулей сбежала вниз.

Владимир ещё немного постоял у окна. «Неужели это происходит?» – подумал он, после прикрыл штору и выключил за собою свет, покидая комнату.

На первом этаже царила не то чтобы суета, – суетиться было некому, – но беспокойство. Однако беспокойство это было абсолютно бесшумным, а все окна уж были зашторены, свет погашен, дверь закрыта на все замки. Стоило только Владимиру спуститься вниз, как в дверь с силой и агрессией постучали.

– Открывайте, хозяйюшки, – требовал хмельной мужской голос, – открывайте, или мы сами войдём!

– Все к заднему выходу! – шёпотом, но твёрдо и уверенно распорядился Владимир. На секунду всё застыло, – Быстро! – добавил он, и все повиновались, все кроме Александры, конечно. Она вцепилась в его руку и быстро мотала го-

ловой.

– Аля... – прошептал князь.

– Я никуда не пойду, – спокойно и абсолютно утвердительно проговорила княжна.

Владимир тяжело вздохнул и проверил свой револьвер. В нём было лишь четыре патрона. Князь на мгновение встретился взглядом с Алекс, но громкий стук в дверь прервал трогательный момент. Владимир выдохнул и твёрдой походкой пошёл к двери, Александра за ним, но, когда, щёлкнув замками, дверь отворилась, Владимир толкнул княжну за неё, и та оказалась полностью скрыта от глаз. Когда князь вышел, наконец, в поле зрения дебоширящих матросов, гоготанье и крики разом прекратились. Человек, стоящий впереди, вероятно, главный там, изменился в лице. Его впалые щёки опустились, из глаз ушёл хмель, губы сомкнулись, немного подёргиваясь теперь. После на лице его рябом отразились и боль, и страх, и страдание, потом он слегка улыбнулся Владимиру, незаметно кивнул и доложил громко и пьяно своим парням:

– Здесь свои. Уходим.

И ведь они ушли, и слова не спрашивая, а Владимир всё стоял на пороге, не закрывая дверь и не разжимая руки, держащей револьвер. И всё он думал о том, какая всё-таки странная штука – судьба. Этот главный матрос оказался боевым знакомым Владимира, если можно так назвать. В тот день, когда он был ранен в руку, огромное количество лю-

дей было просто-напросто убито, однако он выжил и помог выбраться одному худенькому, маленькому матросику. Вот теперь он князя и отблагодарил.

– Что это было? – спросила прижавшая голову к стене Александра, когда Владимир, наконец, закрыл дверь.

– Есть ещё хорошие люди, – пожал плечами Владимир, улыбнувшись, – пойди, скажи всем, что всё обошлось.

Чтобы поблагодарить Бога за это чудесное избавление, все женщины провели остаток дня в церкви. Владимир остался один дома, перечитал, разложил все письма, написал матери и Джону и спустился вниз дожидаться скорого возвращения дам. К вечеру Владимир выкурил пять сигар и, весьма проголодавшись, хотел было приготовить и поесть что-нибудь сам, но тут на его счастье воротились долгожданные женщины.

– Знаешь, Аля, я тут подумал: мы ведь теперь вместе, я никуда не уезжаю, так отчего кольцо твоё до сих пор у меня? – спросил Владимир, снимая с шеи тонкую цепочку, – быть может, оно всё же должно вернуться к своему хозяину? – он надел аккуратно кольцо Александре на палец, а та стояла, не шелохнувшись, будто прибывая до сих пор в стенах таинственного тихого прихода. – Как прошло, – князь дотронулся легко до плеча Алекс, – в церкви?

– Прекрасно, – отозвалась княжна, приходя в себя, и, взглянув на князя, прибавила, – после вечерни, кстати, не трапезничают, – и звонко рассмеялась: такое уж у Владимира было несчастное лицо.

– Пойдём, голубчик, я тебя накормлю вдоволь, – пролепетала подходящая сзади Прасковья Дмитриевна и, крикнув предварительно Надежде, увела князя в столовую.

От дневных переживаний, долгого пребывания церкви Александра утомилась, потому прошла в свою опочивальню и прилегла на кровать. Закрыв глаза, Александра почувствовала вновь запах гари, однако теперь он смешался с другим, знакомым и до боли неприятным.

– Распутин, – вдруг воскликнула она, – он точно замешан в этом! – однако потом княжне вспомнилось, что он давно уж умер, а предчувствие беды всё не уходило, и как-то неуютно на сердце стало, как-то холодно и беспокойно.

Глава десятая.

Тревожная, слёзная осень прошла, за ней начался холодный, полный интриг и непонимания декабрь.

Начиная с того самого дня ссоры с отцом, Джон жил в особняке в Уинчестере, не покидая его, потому как отец его слёг: сердце не выдержало. Герцог жил, словно в изоляции: он не был у короля, не знал дипломатической обстановки в мире. Нет, ему, конечно, сообщали, но воспринимать политические новости со слов в полной мере невозможно. После свершения революции в России письма от Александры и Владимира стали доходить всё реже; от юных князей письма перестали доставляться ещё в августе. Джон чувствовал себя одиноким, однако сильнее он беспокоился за судьбы его российских друзей.

Герцог Уолт Мортимер всегда вёл себя эгоистично и безразлично по отношению к сыну, а теперь особенно, как-то чересчур холодно: он его вообще не замечал. Когда Джон приносил ему питьё в покои, приводил к нему доктора или же просто заходил зачем-то в комнату, отец его претворялся, что спит, отворачивался к стене или просто лежал, не обращая и капли внимания на сына.

Однажды утром он впервые за несколько месяцев поднялся с постели, вышел из комнаты своей и, шаркая ногами, пошёл куда-то по мраморному полу, согнув своё осунувшееся тело, хрипя сильнее с каждым шагом своим. Джон слышал все движения отца, однако не выходил из своего кабинета: не хотел получать отрицательных эмоций в самом начале дня. Вдруг по замку разлетелся глухой стук человеческого тела об пол; герцог мгновенно встал из-за стола, распахнул дверь и увидел судорожно бьющееся и бледное тело отца; он кряхтел, чмокал иссохшим ртом, широко раскрывал неподвижные янтарные глаза, измученным взором глядел кругом, не осознавая ни где он, ни что происходит вокруг. Когда Джон подбежал к нему и сел на колени рядом, Уолт Мортимер вдруг замер, сжал до боли руку сына и тихо срывающимся голосом сказал: «I am departing for my little witch...⁷⁸», после чего потерял сознание. В такой леденящей душу конвульсии и ужасном стоне потерял сознание Уолт Мортимер, что Джон подумал даже, что тот умер, а ведьмоч-

⁷⁸ Я уйду к моей ведьмочке... (англ.)

кой, герцог знал, отец называл его мать, а это лишь подтверждало его убеждение в смерти отца, но тот выжил и пролежал ещё около полугода в своих покоях, не реагируя на проходящих к нему людей и ни с кем не общаясь. Однако почти каждую ночь во сне он разговаривал и довольно громко, он просил прощения то у жены, то у сына, он, то плакал, то смеялся, будто бы стремительно сходил с ума.

Джон почувствовал себя ненужным ему, свободным и наконец-то поехал в Лондон, наконец-то узнал новости из первых уст и понял, что дела у России плохи. Пройдя тяжёлый путь, уставший герцог зашёл в кабинет, где сидело около семи разного возраста и вида мужчин: это были министры короля Георга. Все бурно отреагировали на появление Джона; вместо тоскливой тишины в кабинете организовалась суэта, шум; каждый успел осведомиться у Джона о самочувствии его отца, о возможности его возвращения на пост и о прочих, нисколько не интересующих герцога вещах. Один жирноватый, практически всеми в комнате уважаемый министр сидел за массивным столом и просматривал какую-то бумагу. Небрежным жестом подозвав Джона, он показал ему, молча качая головой, жёлтый лист: это был очередной запрос на перевоз Романовых в Британскую империю, документ, который снова был подписан отказом.

– I suppose, that is why you are here, Jonathan, – сказал негромко министр, растопырив небрежно пальцы и указывая ими на бумагу, – In this case, there is no need for you to

visit us again. Unfortunately, I assume, nothing is able to save them, – от пальцем провёл по фамилии монарха, – from a heavy executioner`s hand.⁷⁹ – он посмотрел многозначительно на Джона и, подтверждая собственные слова, качнул головой.

Не возразив ни слова, Джон, разгневанный только услышанным, вышел из кабинета и, едва удерживаясь от бега, устремился вверх по ступеням. Он шёл к королю Георгу, чтобы попытаться поговорить с ним, напомнить ему, что там, в России его родственники! Однако поднимаясь по лестницам, он понял вдруг, что всё это бессмысленно и глупо, что именно король лучше всех понимает, что происходит вокруг, и что ему приходится ставить интересы государства выше своих личных. Тогда он резко затормозил, застыл на месте на мгновение и пошёл в обратном направлении, возвращаясь в кабинет министров, но тут он осознал, что и это бесполезно. Тогда Джон просто бросился к выходу и, хлопнув со злобою дворцовой дверью, выбежал в покрытый снегом двор и, как бы выпуская накопившийся в жилах гнев, побежал куда-то вдаль, быстро, даже не глядя вперёд, стараясь как бы убежать и отсюда, и от себя, но это, увы, невозможно. Он долго бежал, вдыхая прерывисто ледяной воздух полной грудью, задыхаясь, и вдруг остановился, застыл, гля-

⁷⁹ Предположу, что это то, зачем ты здесь, Джонатан. В таком случае, тебе не стоит приезжать сюда боле. К сожалению, я полагаю, уже ничего не сможет спасти их от тяжёлой руки палача. (англ.)

дя на холодный безжизненный снег, а после руками закрыв глаза обратился к небу и вновь замер, глядя в бесконечную высоту, руками охватив разгорячённую свою голову. И никому не понятно, сколько бы он простоял так, да только из дворца лёгким бегом выбежала одна прелестная придворная дама. Джон знал её; это была Адель. Дочь одного из министров короля Георга, она была девушкой, которую когда-то прочили герцогу в жёны; она была умна, красива и молчалива. Молчалива, потому что нема. Голова ей обрамлена была лёгкими густыми каштановыми волосами; большие зелёные глаза её поблёскивали мягким, добрым светом; черты лица были изящными и тонкими, словно их выточил искусный мастер из хрупкого хрусталя. Зелёное шёлковое платье её струилось, на ветру развеваясь и играя среди серебрящегося снега. Она подбежала быстро к Джону, накрыла его трясущиеся от гнева и холода плечи тяжёлой мантией и, увидев разбитое горем и болью лицо его, подхватила герцога за локоть и потянула в замок. Джон поддался ей.

Он не понимал, куда он шёл, не понимал, кто ведёт его и зачем, он только шёл за ней, отсутствующе взирая вокруг себя. Через какое время они оказался в небольшой комнатке; Адель взяла в руки смоченную в тёплой воде материю и стала омыwać лоб Джона. Прикосновения её маленьких, тоненьких пальцев отдались в голове герцога трепещущим воспоминанием об Александре, и он отёрнулся, в лихорадке взглянул на девушку, вышел нервно из комнаты и ушёл

прочь.

В растерянности Джон вошёл в ближайшую комнату, аккуратно притворил дверь за собою. Сначала он подошёл к дубовому столу и в полусумраке кабинета долго не мог найти перо и пергамент, а когда нашёл, написал размашисто несколько строчек и стал мерно ходить по комнате, перечитывая им написанное. Вдруг он скомкал бумагу, со злостью бросил её в сторону.

«Зачем? Отчего до сих пор сижу я здесь? Чего ради паникую, словно ребёнок или старик какой? Ведь я имущий, ведь я могу, – подумал Джон, – могу ведь сам, сам!», и вдруг резко сорвался с места, пошарил на ходу в карманах своего жаккардового костюма, достав портмоне, и направился напрямиком к выходу, предварительно попросив заказать автомобиль и как можно скорее.

Всю дорогу до вокзала Виктория Джона колотило в лихорадке. Но когда чёрный автомобиль герцога начал медленно тормозить, сердце Джона снова будто бы забилося, его кинуло в жар; он быстро, ещё на ходу распахнул дверцу и стремительно помчался внутрь вокзала.

Будучи на расстоянии всего метров в двадцать от желанной сейчас, спасительной возможно кассы, уже прокручивая внутри себя, заготавливая вежливую фразу, Джон увидел перед собою знакомые лица, которые довольно быстро загоразивали ему проход. Остановившись и выискивая пути обхода, Джон растеряно смотрел то на одного человека, то на

другого, но они или не желали, или не могли сказать ему, что в действительности здесь происходит.

– Вам нельзя, Ваша светлость, – услышал вдруг Джон от одного из одетых в чёрные атласные сюртуки высоких мужчин, это были люди из личной жандармерии Георга V, люди бесконечно преданные и исполняющие любые приказы британского монарха, – на Ваш выезд наложено вето.

– What? But ... but you are unable to do it⁸⁰, – вымолвил он в исступлении.

– You are right, sir, absolutely right, we are, but Their Majesty are able and, I am sorry, they did.⁸¹ – разъярил стоящий впереди мужчина и немного наклонил голову, говоря как бы, что нужно уходить, но Джон не хотел, не мог так просто покинуть вокзал, отступить, и попытался пройти вперёд, протиснуться через сомкнутые тесно ряды жандармов, но всё было тщетно; четверо взрослых вооружённых людей не расходились и лишь холодным, непонимающим взглядом мерили герцога.

Осознавая всю бесперспективность ситуации, Джон кивнул безмолвно и пошёл было за стражниками, заложив руки за спину, но потом пугающая его самого, шальная мысль проскочила в больной голове его, отдалась судорогой во всём теле; Джон вдруг рванул с места и побежал к поездам и ведь

⁸⁰ Что? Но...но вы не могли сделать это. (англ.)

⁸¹ Вы правы, сэ, полностью правы, не могли, однако Их Величество могут и, я сожалею, но сделали это. (англ.)

почти добежал. В самый последний момент, когда двери поезда закрывались уже и сам он начинал движение, герцог сумел вздумать уж, что удалось ему убежать, и тонкая хитрая улыбка промелькнула на лице его, когда жандарм схватил его за подол кашемирового пальто и повалил на снег. Вспышка гнева ослепила Джона, он скинул с себя человека, который, по меньшей мере, весил вдвое больше, и побежал вновь, но вдруг снова оказался лежащим на снегу, а потом его сильно ударили по голове; Джон потерял сознание.

Очнувшись в своём особняке в Хэмпшире, Джон долго понять не мог, что с ним произошло, но, когда вспомнил, кровь запульсировала в нём; он резко встал, в глазах его потемнело, и герцог упал, закашлялся, вновь поднялся и хотел было пойти вниз, однако к нему зашёл доктор Джозеф Стоунберг, его врач, и посоветовал Джону выдержать постельный режим, чтобы избежать пагубных последствий сотрясения мозга. От него же герцог узнал, что возможности покинуть особняк теперь нет: с сего дня здесь дежурит жандармерия короля.

Глава одиннадцатая.

Ночь после травмы длилась для герцога бесконечно долго и мучительно: голова не переставала болеть, раскальваясь, Джона тошнило, звенело в ушах, в общем, сотрясение оказалось серьёзнее, чем предполагалось. К тому же мысли о России, Романовых, Масловых не переставали терзать Джона.

К утру боль слегка утихла, Джон задремал немного, погрузился в темноту и долгожданную тишину; ему снилось, что он снова бежит, однако он ни от кого не убегал, он просто веселился, смеялся, ему было так спокойно, точно тревогам всем пришёл конец, будто он теперь может, наконец, выпустить из головы все замыслы, планы спасения, побега, всё, что так долго тревожило его. Однако только первый вялый луч зимнего солнца расползся по подушке Джона и скользнул по лицу его, звон в ушах возобновился, и герцог нехотя открыл слезящиеся красные глаза и, тяжело дыша, сел на кровати своей. В этот момент, быстро потряхивая головой, в комнату вбежал взволнованный доктор Стоунберг и пролепетал, что, мол, Джону нельзя подниматься, вставать, что ему лучше было вовсе не открывать глаза свои. Герцог перевёл свой безжизненный взгляд на врача и долго, молча покачиваясь на кровати, смотрел на него, потом он грузно поднялся и, шатаясь из стороны в сторону, вышел из комнаты, не слушая даже, что Джозеф Стоунберг выговаривал ему.

Джон долго шёл вперёд, не видя, не замечая ничего, а потом, вовсе выбившись из сил, припал к холодной гладкой стене и сполз по ней на пол, чувствуя, что медленно теряет сознание. Только вдруг острый звук лёгкого женского каблучка, приближающийся к герцогу, привлёк его внимание, и он удержал наливающиеся свинцом глаза открытыми и устремил свой взор в пока что плохо освещённый угол коридора. Через мгновение давящей на юношу тишины из мрака то-

ропливо маленькими шажками вышла взволнованная, озирающаяся вокруг себя графиня Адель Малоун де Клер, однако, увидев Джона, она просияла и бросилась прямо к нему.

– Георг и тебя послал сюда! – срывающимся голосом несколько агрессивно крикнул Джон, когда вдруг понял, что обратился к девушке на русском, неожиданно для самого себя. Он хотел перевести, но Адель активно качала головой из стороны в сторону, при этом шелковистые волосы её разлетались, словно раздуваемый ветром песок на побережье, – ты... ты говоришь, то есть понимаешь русский? – она кивнула и улыбнулась. Джон видел, чувствовал, что она рада находиться здесь.

Вдруг девушка слегка нахмурилась и, оглянувшись, резким движением отдернула находящуюся прямо за спиной Джона гардину.

Мягкий и довольно тусклый свет влился внутрь особняка; коридор показался в другом, более уютном, приятном свете, однако герцог вдруг застонал, закрыл лицо руками и склонил туловище, головой касаясь самого пола. В этот самый момент, ворча на кого-то, отряхивая брюзгливо свой халат, появился доктор Стоунберг и, увидев Джона на полу, вскинул руки, выругался довольно непристойно и так крепко на немецком языке, что Адель вся залилась краской, а если бы могла, то даже и вскрикнула бы, и побежал звать людей, чтобы переместить герцога в покои его.

Наутро Джон проснулся с абсолютно другим настроением.

Вместо кипучего рвения вырваться куда-то, чтобы хоть как-то помочь, герцог чувствовал моральную слабость; он стремительно впадал в депрессию. Утром, только раскрыв глаза, Джон увидел за письменным столом в своей комнате Адель, она сидела с подносом, на котором стоял стакан тёплого молока и, конечно, тарелка с порриджем, и ожидала пробуждения герцога, поглядывая то на него, то на часы.

Услышав, видимо, шумный стон, с который раскрыл глаза Джон, она несколько оживилась, привстала со своего места и низко, как любая воспитанная во дворцах Англии дама, поклонилась ему. Нельзя сказать, что Джон не был рад её видеть или что он испытывал хоть какие-то отрицательные чувства к графине де Клер, совсем наоборот; когда герцог видел её, он вспоминал своё детство, проведённое в Лондоне с Адель и другими, вспоминал, как они были близки, как любили разговаривать часами напролёт, а после Адель заболела и уехала из Англии, а после вернулась совсем другой: вечно испуганной, удручённой и совсем немой, и не стало этого общения, и невидимая связь их была разрушена. А сейчас, глядя на неё, находящуюся так близко теперь, он не чувствовал ничего, кроме того одиночества, которое посещало его в далёком прошлом и которое он не смог забыть до сих пор. Адель вся светилась изнутри, подходя торопливо к кровати Джона, однако тот не был столь положительно настроен, чувствуя ничтожность собственной природы.

– Уйди, прошу тебя, уйди, – прошептал он только и снова

повалился на кровать, думая о том, насколько он бессилён, жалок и слаб.

Промучившись ещё несколько часов в постели, Джон всё же встал. Он не мог прекратить думать о том, как отвратительно грубо он поступил с Адель, какое лицо было у неё при этом. Чувство отвращения к себе поднялось в душе юноши; его затошнило от этого, а, может быть, от сотрясения мозга, однако Джон нашёл в себе силы подняться; он вышел из комнаты и, скрестив руки на вздымающейся отрывисто груди, пошёл каяться перед Адель.

Девушка сидела на самом твёрдом в комнате стуле, скрестив аккуратно ноги под собою; она вышивала и была необычайно расстроена. Когда герцог вошёл и откашлялся тихо, она подняла на мгновение нежный взор чистых глаз своих, строго взглянула на Джона, и вернулась к своему спокойному занятию. Мортимер постоял немного на пороге, дожидаясь, что вот-вот Адель обратит на него внимание, но она не отрывалась, упорно не замечая его.

– Ладно, Адель, прости меня, – раскаялся Джон, садясь на край дивана, – можно я буду говорить на русском? – Девушка не отвечала, – Я был не прав, и ты не представляешь, сколько... ладно, вздор. Обижаешься? – спросил он вновь, помолчав немного. Адель легко качнула головой и отложила пяльцы в сторону.

В глазах её цвета изумруда отразилось былое оживление, она улыбнулась, но только уголками губ и довольно сдержан-

но отвела взгляд. Посидев немного без движения, она повернулась к герцогу и наклонила немного голову, пытливо поднимая тонкие брови. Неловкая пауза зависла в звенящем воздухе душной комнаты; Джон не имел широкого опыта общения с немymi людьми, потому сейчас он не понимал, чего Адель от него хочет. Девушка вдруг залилась беззвучным, но таким искренним смехом, что Джон невольно улыбнулся, потом она легко поднялась, взяла листок и красивыми, большими буквами написала: «Расскажи мне, Джонатан, что так гложет тебя?», а после перевела взгляд своих умных глаз на герцога и светло улыбнулась. Глядя не её нежное, благородное лицо, Джон почувствовал, что и так невыносимая боль его только усилилась, но он всё же с усилием улыбнулся и потёр озадачено лоб.

– Голова болит ужасно, должно быть, эм, последствие травмы, – изрёк он, не глядя в лицо девушке. Адель доверчиво, как-то по-детски взирая на него, покачала головой и вновь замерла.

Напряжённое молчание прервал Джон, когда не смог больше чувствовать любопытного взгляда графини на себе и знать, что она жаждет задать вопрос, но просто не может сделать этого.

– Ты ведь и так знаешь, не так ли? понять просто хочешь, правда ли то, о чём говорят? – девушка прикусила губу и кивнула, немного зардевшись, – Что ж, я не знаю, какие именно сплетни летают по дворцу, но единственно вер-

но то, что я лишь хочу справедливости для Романовых, – голос его дрогнул, когда он вспомнил лица друзей своих, – Я не хочу сказать, что личного интереса я не имею, не говори, не думай, точнее, но я не хочу смешивать политику и личную жизнь. Однако, – добавил он, помолчав, – я, видимо, не вполне справляюсь с этим, раз по голове-то получил, – Джон болезненно улыбнулся. Адель тоже усмехнулась, но всё же любопытство не покидало её лица. Тогда Джон рассказал ей всю историю знакомства с русскими, начиная со дня приезда Императора российского в Лондон и заканчивая последним письмом от Владимира. Пока герцог рассказывал, Адель сидела так тихо, что казалось, что она вовсе не дышит, пристально глядя в его миндалевидные глаза. Когда Джон рассказывал об Александре, описывал девушку, её внешность, повадки, странные привычки, он забывал, что он в Англии, что он не видел княжну с самого начала войны, сердце его замирало и проваливалось куда-то временами, закрывая глаза, он видел её смоляные очи и золотистые душистые волосы, слышал голос, который срывался и пропадал, когда она прощалась с ним. «Будь осторожен, пожалуйста, хотя бы ты», – попросила она его тогда. Она была так встревожена; образ её навсегда врезался в память герцога.

Джон ужаснулся, поймав себя на том, что он содрогается всем существом своим сейчас, вспоминая княжну, он впервые ясно понял, что есть что-то в чувствах его нетронутое, потаённое, что Александра естественная, никогда не пытаю-

щаяся быть кокетливой или привлекательной, эта странная Александра пленила его сердце и сковала разум, и ничего, и никто на свете теперь не мог заменить её.

– А теперь я здесь, а они все там и всё, что я смог сделать – упасть на снегу, получить сотрясение мозга и мучить теперь тебя, рассказывая о том, что исправить, – он нахмурил лоб, – никак не могу, – закончил он свой рассказ.

Адель сочувственно смотрела на герцога, когда тот, согнувшись на диване, поник всем телом и, не размыкая глаз, замер. Когда он почувствовал тепло мягкой руки её на своей спине, чувство страха на мгновение охватило его, и он отдёргнулся, глядя на неё из-под опущенных бровей. Адель тоже отдёргнулась, не то чтобы испугавшись, но явно разволновавшись за герцога. Джон вдруг резко встал, сам будто не контролируя себя, и вышел нервно из комнаты, даже не взглянув на оставленную им девушку. Только голова его коснулась холодной, белой подушки, он заснул и проспал всю ночь, не просыпаясь, впервые за последние дни.

Утром Джону просто не хотелось жить. Ему было истинно противно то существо, которое он представлял собою; мало того, что он мучился из-за дела Романовых, так он теперь и за Адель корил себя, и за Александру, точнее за чувства, которые внезапно открылись в душе его, он чуть ли не ненавидел себя за это, но оказалось, что от столь едкого чувства не избавиться в миг обнаружения его, а что ещё ужаснее, что Джон вовсе не хотел забыть Александру, образ которой он

страстно оберегал в памяти своей.

В девять часов утра к Джону зашёл доктор Стоунберг, по-немецки сказал ему (он взял в привычку говорить с герцогами Мортимер на немецком языке), что «реконвалесценция⁸² проходит ладно, только теперь с психологом бы ему поговорить складно было бы». Джон только молча выслушал его, спросив его о самочувствии отца своего и попросив его так же зайти к нему, а после отвернулся к большому, растянувшемуся на всю стену окну и долго, не отрываясь, смотрел на белые, плывущие в такой беспечности и невесомости облака, не о чём не думая и ничего не чувствуя, кроме непрекращающейся боли.

Погода была неоспоримо хороша: слабое зимнее солнце светило, казалось, изо всей силы, ветра не было, и только лёгкие и крупные снежинки падали на землю, переливаясь всеми цветами радуги. Вся эта безграничная жизнерадостность природы раздражила герцога, и он вышел нервно из комнаты и пошёл бродить по затемнённым грустными коридорам огромного особняка. Исходив родной третий этаж вдоль и поперёк, Джон спустил на второй и стал рассматривать картины и фотографии там. Он смотрел не внимательно, потому что знал всё тут наизусть; он знал, что Сикстинская Мадонна никогда не опустит рук своих, а Джоконда не предаст своей загадочной улыбки. Однако была среди прочих одна фотография, у которой Джон задержался, он вглядывался

⁸² Выздоровление (мед. термин)

в неё столь пристально впервые за многие годы. Он стоял, словно очарованный, и вглядывался в людей с фотографии: статный мужчина с блистающими светлыми глазами держал за руку красивую и невероятно выразительную женщину с длинными кудрявыми рыжими (последнего не было видно, но Джон просто знал это) волосами и невозможно большими и наполненными энергией глазами. На руках её, посередине композиции сидел маленький, едва ли годовалый, но довольно красивый светлый ребёнок, он, невинно улыбаясь, доверчиво глядел на Джона с фотографии, вовсе не боясь и нисколько не стесняясь его. Джон грустно рассматривал фотоснимок, когда почувствовал, что кто-то стоит позади него. Это, конечно, была графиня де Клер. Она тоже внимательно рассматривала фотографию, улыбаясь, а когда увидела, что Джон заметил её, сделала неглубокий реверанс и кивнула на снимок, спрашивая, как бы: «ты ли это?» Она была почти что уверена, что ответ получит положительный, но Джон покачал тихо головой и снова обратился к изображению.

– Знаешь, – промолвил он, переводя глаза с ребёнка на женщину и назад, – я ведь их совсем не помню. Ты поняла, должно быть, что это герцоги Мортимер, – Адель кивнула, хоть Джон и не оборачивался к ней, – а это ангельское создание на руках моей матери, только взгляни на неё: Эмма Трэйс – первенец и долгожданный ребёнок их. Знаешь, мой отец, он обожал свою супругу, он ведь жил ради неё, однако они долго не могли зачать ребёнка. Чего они не делали толь-

ко, а с ребёнком им не везло. Врачи сказали, что уж не получится ничего и что, должно быть, Аделаин Анна Мортимер – бесплодная женщина, посему врачи даже советовали отцу наложницу себе завести, чтобы та и родила наследника, – Джон усмехнулся печально, – он их чуть ли не поубивал. Когда маме исполнилось тридцать лет, они с отцом уж и надеяться перестали, знаешь, а никогда судьбу не угадаешь; на тридцать втором году жизни Аделаин родила прелестную девочку, которая вскоре стала всеобщей любимицей. Через два года герцогиня вновь родила, однако на этот раз не всё было столь благополучно. Мальчик родился абсолютно здоровым, однако сама Аделаин потеряла много крови, отчего и скончалась на руках мужа своего. Отец очень горевал, начал много пропадать на работе, он практически не занимался нами – детьми; говорят, когда Эмме было всего четыре года, она начала живо интересоваться, кто это там такой лежит в кроватке напротив, начала играть со мною. Говорят, так же, что только она могла рассмешить меня и унять, когда я плакал. Однако свершилась новая катастрофа, видишь ли, год холодный выдался тогда. Пятилетняя Эмма после купания спустилась вниз, к отцу, но тот не обратил на ребёнка внимания, его позвали врачи: наследник имени заболел. Девочка грустно сидела на диване, а потом взяла, да и шмыгнула на улицу, а никто в тревоге и суете и не заметил этого, – Джон прервался и развернулся на Адель; девушка была взволнована, она понимала, чем именно закончится эта

история, – Через несколько недель Эмма умерла от воспаления лёгких, и получилось так, что, я виноват. Я убил мать и сестру, которых обожал мой отец. Понятно теперь, почему он так ненавидит меня? – теперь Джон ровно и задумчиво глядел куда-то рядом с Адель, но не видел её, он ничего не видел. Никому он ещё не рассказывал услышанную от своей няни историю, и теперь впервые он признался самому себе в виновности своей. Глаза его потухли окончательно, и он молча побрёл в свою комнату, не глядя по сторонам и вообще не поднимая головы своей.

Последующие два дня Джон не выходил из своей спальни, не ел, не спал и никого не допускал к себе. Лишь на третий день Адель зашла к нему, а он не выгнал её, он совсем погас за последние дни, побледнел так, будто все жизненные силы его испарились и вышли из него теперь навсегда. Адель тихо, молча, конечно, вошла в комнату и стояла несколько времени у двери, как бы теряясь, не решаясь пройти, однако, когда Джон поднял на неё свои пустые глаза, она поняла, что агрессия его ушла, что он нуждается теперь в обществе, в её молчаливом и умном обществе. Когда она подошла к кровати герцога, на которой сидел он, подвернув ноги под себя и глядя далеко перед собою в окно, когда она подошла к нему, жалость, скорее сочувствие, сжало сердце её, и она, изо всех сил стараясь не заплакать, положила дрожащую ладонь свою на его плечо и протянула ему только что пришедшее в Уинчестер письмо. Джон долго смотрел на трепещущую

щий конверт, будто бы не видя его или просто не понимая, что это такое, он даже сначала не взял его, он только перевёл внимание на глаза Адель, в которых холодными кристаллами застыли слезы, а потом как-то более живо посмотрел на письмо и как-то неестественно глубоко вдохнул. Он выхватил конверт и застыл, лишь на половину раскрыв его, будто бы его одолевали глубочайшие сомнения: открывать его или же нет, но после, сжав челюсти, он всё-таки раскрыл и жадно, долго читал пришедшее письмо.

«1 ноября 1917 года, Чёрные пруды, Петроград.

Дорогой мой Джон,

Как надеюсь я, что письмо это дойдёт, наконец, до адресата, а надежду мне даёт на это длинный путь, который оно проделает, который мы постараемся ему обеспечить. Простить прошу меня за некую несдержанность мою или, быть может, и развязность даже, но я ненавижу тех людей, которые пришли теперь к власти у нас, под гнётом которых все умные люди страны находятся и должны прятаться по грязным и тёмным углам, как какие-то крысы. Пьяные разгульные матросы и рабочие, вот, кто в почёте теперь и живёт спокойно и легко.

Ох, как отвратителен мой эгоизм, как омерзительно всё это жалобное бляенье, ведь я не удосужилась и спросить, как дела твои, ведь продолжается ещё в Европе война? Я так надеюсь, что ты жив и здоров, что читаешь письмо это (если

вообще читаешь) не в окопах и не в госпитале. Не могу даже надеяться, что ответ мне посчастливится прочесть, нет, не допустят его теперь к нам. Что же, а пока я расскажу тебе, что единственная отрада моя, что мама и Наташа с детьми теперь в Чикаго с сестрой моей – Ольгой, и что безопасность их будет, непременно будет обеспечена. Пока репрессии наполняют страну; неба не видно от дыма заводов, общаться с друзьями, родными, в России находящимися, возможности нет, что уж говорить про тебя, милый Джон, когда ты за тысячи миль от нас.

Мы теперь с Володей одни в имении живём и быт наш, откровенно говоря, не самый разнообразный: выходить некуда, а даже если и есть куда, так Владимир не пускает меня, удерживая любым предлогом и поводом. Я не могу винить его, но я, знаешь, люблю волю, свободу, люблю, когда дышится легко....

Ну вот, опять я отвлеклась на пустые, никому не нужные вещи, которые и не говорят и, тем более, не пишут. Я так наивна и глупа была, когда думала, что смогу пригласить тебя на мой восемнадцатый день рожденья, о, как я радовалась, что вся семья моя, друзья все; ты, Владимир, Алексей и Андрюша, что все вы будете со мною, так просто и легко, так свободно, а судьба вот так распорядилась, сама хозяйкою себя посчитала.

Знаешь, вчера впервые с того самого дня, до меня дошло письмо от брата. Он так успокаивал меня, он точно знал, что

именно это письмо дойдёт, хотя, возможно, он и не знал и всё время писал так, просто надеясь. Нет, быть не может, совсем не похоже на моего прагматика-брата. Он сказал, что им в Тобольске неплохо, что люди там хорошие, помогают им много, что ещё немного потерпеть надо, и наладится всё, мы снова увидимся и снова поссоримся, как это бывало. Нет, я бы не стала, я бы и слова ему не сказала, а обняла только и не отпускала от себя, он ведь мой братик, мой младший братик, и я обязана всеми силами заботиться о нём. О, чтобы сделал он со мною, если бы прочёл тот вздор, который я пишу, ох, он бы убил меня.

Сегодня я чувствую, что что-то изменилось, что, возможно, совсем скоро придёт этот великий исход. Джонатан, я не хочу тебя отягощать, но, если это возможно, не мог бы ты вновь узнать насчёт ДР⁸³ (понимаешь о чём я), прошу, но лишь только, если сие не в тягость тебе.

Недавно вспоминала, как мы играли в день нашего знакомства. Надеюсь, ты всё так же резво бегаешь, тебе пригодится это умение, если вдруг Андрей прочтает это письмо. Я уж пишу чепуху, но отчего-то не могу остановиться, я будто потребность ощущаю в том, чтобы писать к тебе, герцог, чтобы получать, читать ответы твои. Однако не хочу обременять пустословием и абсурдом всяческую красивую, умную голову твою, а посему прощаюсь.

Искренне,

Глава двенадцатая.

Несмотря на то, что прошло уже более полутора месяцев с того дня, как пришла в Чёрные пруды весточка от Андрея, а сколько ответов бы не писала Александра, толка не было, княжна без устали перечитывала письмо, будто бы пытаюсь найти причину, разгадать, почему именно оно дошло до них.

«Как же...как же так? – думала девушка, – стоило мне только обрадоваться немного, что вот-вот всё исправится, как вдруг вот такой финал. Ну нет, это не может быть концом, я не позволю этому закончиться так!» Александра вскочила на ноги и посреди всеобщей тишины вскрикнула:

– Я еду в Тобольск!

Владимир, записывающий что-то рядом, тихо обернулся и удивлённо поднял брови.

– Что?

– Я поеду в Тобольск, – спокойно и абсолютно уверенно повторила княжна.

– Но, Александра, это...это безумие.

– Ах, вот как, да? Безумие? А они там и ничего? Безумие! Я, быть может, Андрею одному обязана тем, что здесь теперь я, а не в ссылке! – Алекс встала и теперь взволнованно ходила по комнате, – Я даже не прошу тебя ехать, раз это такое безумие, это вообще мысли вслух были! – княжна вскинула руки в исступлении и направилась к выходу с крайне ярост-

ным лицом, но глазами печальными и даже пристыженными.

– Александра... Аля, послушай же, – догоняя княжну, Владимир продолжал убеждать девушку, – да разве я за себя волнуюсь? Да Боже упаси, я за тебя беспокоюсь, princess, ни за кого другого, поэтому так и говорю. К чему теперь этот неоправданный риск? Я думаю, Андрей был бы согласен со мною, я думаю, он тоже настоял бы на том, чтобы ты осталась здесь.

– Не могу, мне надо, я должна поехать туда, чтобы только увидеть их, помочь хоть как-то.

– Но ты не можешь им помочь...

– Я должна хотя бы попробовать.

– Princess...

– Прошу, Владимир, не надо, ты меня всё равно не сможешь остановить.

– Я не буду, – сказал утвердительно князь после довольно продолжительной паузы.

– Что?

– Не буду тебя останавливать, я поеду вместе с тобою.

– Правда? – лицо Александры озарилось счастливою улыбкой; Владимир, серьёзно глядя на княжну, кивнул.

– Только одно условие: мы дождёмся весны.

– И тогда мы поедем? Обещаешь, что поедем?

– Разве я когда-либо говорил что-то просто так? – всё ещё хмурясь, спросил князь. Алекс отрицательно замахала головой, – тогда поедем.

Что ж, вскоре пришла весна. Оттаяли и растеклись ручьями по стране колючие снега. Уж и солнце светило ярче, и тучи казались белее, а птицы пели звонче, и веселее выглядела промёрзшая за зиму земля; только в политической обстановке страны оттепели не предвиделось. Всё так же продолжались репрессии против церкви, всяческих интеллектуалов и разнообразной контрреволюционной деятельности. Под подозрением теперь были все, политически активные или же нет – было вовсе не важно. Свобода стала теперь только словом, которое даже из употребления постепенно выходило.

Восьмого января княгиня Палей с дочерьми и графом Арман де Сен-Савер, у которого они проживали в Крыму, прибыли в Чёрные пруды, чтобы, как утверждала сама Ольга Валерьяновна, отпраздновать двадцать первый день рождения Владимира. Княгиня, конечно, не приехала бы в имение Масловых, а распорядилась бы остаться в своём особняке в Царском Селе, но Владимир был настроен категорично, поэтому пришлось смириться и приехать на Петровский остров.

Однако на следующий день после праздника княгиня всё-таки уехала: князь Павел Александрович заболел, но отъездом своим Ольга Валерьяновна и не была расстроена, ей абсолютно не нравилось, что каждое свободное мгновение сын её проводит с Александрой, вовсе не скрывая отношений и не спрашивая её мнения на этот счёт. Молодые люди вновь остались одним, чем, впрочем, были весьма довольны.

Весна пришла в Чёрные пруды с первыми лучами мартовского солнца. Все обитатели особняка стали радостнее от чего-то, они будто ожидали изменений, каких? они сами и не знали.

С самого первого марта из глаз Александры струился озорной свет надежды и пытливого ожидания поездки в Тобольск. Всю зиму она терпеливо дожидалась назначенного срока, а теперь, нервозно глубоко вздыхая, она каждую минуту высматривала знак от князя, сигнал к началу действий. Владимир, конечно, тянул, он понимал, что путешествие это невероятно опасно, но Александру ему не удалось бы отговорить, поэтому он продумывал все детали, чтобы избежать как можно большего количества опасностей и непредвиденных неприятных обстоятельств. Однако поездка так и не состоялась.

Новый порыв затхлого ветра репрессий вновь изменил всё: шестнадцатого марта 1918 года вышло предписание правительства всем членам семьи Романовых явиться в ЧК.

В комиссии Владимира принял Моисей Соломонович Урицкий – невысокий, щупленький еврейчик, лет сорока пяти, он долго и молча сначала смотрел на Владимира, как бы пытаясь разгадать его, а потом резко развернулся, махнул жилистой рукою и быстро ушёл, оставляя князя в одиночестве, впрочем, ненадолго. Через несколько мгновений к нему подошёл, широко шагая и размахивая тяжёлыми руками, высокий и широкий мужчина, который, оглядев Влади-

мира с головы до пят, улыбнулся как-то глупо своим слишком большим для лица бледным ртом.

– Пойдём, хэ, – протянул он гулким низким голосом, – я, так, хэ, ска`ать, проведу, – он вновь глупо посмотрел на него, мотнул зачем-то кудрявой головой и повёл князя куда-то вглубь здания. – Мне сказали, хэ, дать вот это, – он двинул по столу Владимиру лист бумаги, когда они оказались в какой-то небольшой комнатке или, лучше сказать, кабинете, – подписать тут, хэ.

Владимир прочитал быстро документ, который, впрочем, оказался довольно оскорбительного содержания.

– Что?! – промолвил Владимир в смятении, – Как это можно понимать?!

– Как обычно понимать, а как ещё? – застрекотал заходящий быстрыми шагами в кабинет товарищ Урицкий; он говорил скоро, превращая слова будто бы в мелкие сколькие шарики, – Вы вот, подумайте, выбор-то имеется: Вы подпишете документ, в котором будет указано, что Вы более не считаете Павла Александровича своим отцом, и немедленно получите свободу; в противном же случае Вам придётся подписать другую бумагу, и это будет означать, что вы отправитесь в ссылку, и подумайте, что умнее, что?

– Да за кого вы меня принимаете?

– За кого? За незаконнорождённого ребёнка. Отчего Вам теперь, так сказать, нести ущерб.

– Давайте документ, – изрёк агрессивно Владимир.

– Вот и славно, – Урицкий быстро встал, приволок ручку и чернила и положил лист бумаги пред самым лицом князя Владимира, – вот и хорошо.

– Да вы что, издеваетесь?! – промолвил Владимир, совсем уж выходя из себя; он порвал лист, лежащий перед ним, – я говорил про документ с согласием на ссылку.

– Конечно, – лицо Урицкого искривилось в злобной ухмылке. Он дождался, пока Владимир подпишет бумагу, после чего сверкнул остро глазами, – четвёртого апреля в шесть часов с Николаевского вокзала отбывает Ваш поезд. Смотрите, не опоздайте, – он развернулся и своими мелкими быстрыми шажками ушёл прочь.

Владимир постоял немного, а потом, исполненный ярости, выстрелил взором в кудрявого мужчину и тоже ушёл. «Куда теперь? – подумал князь, немного отдышавшись и успокоившись, пригреваемый бледным петербургским солнцем, – не могу же я пойти прямо к Александре, что я скажу? «Прости, но отправлюсь в Тобольск один. Меня высылают из Петрограда!», нет. Как это гадко, нет, нет, я так не могу. Пойти к маме? Нет, она меня из дома не выпустит тогда, это не выход, вовсе не выход. Куда же, куда же мне? – князь метался в нерешительности, – я могу пойти... я могу пойти к отцу!» – наконец, решил он и, остановив извозчика, отправился в Царское Село.

Павел Александрович сидел за столом у себя в кабинете; утром жар спал, и он теперь разбирал скопившуюся почту,

периодически обтирая потеющий лоб. Увидев сына, он изрядно обрадовался, рот его растянулся в лёгкой улыбке, а густые усы немного дёрнулись.

– Володя! – по-детски радостно сказал он и после уж молчал и слушал всё, что Владимир жадно и страстно рассказывал ему, а когда молодой князь закончил, он встал и безмолвно обнял сына, Владимиру показалось было, что он прослезился, однако, когда князь отдалился, на лице его не было и следа сентиментальности. – Ты честный человек, сын мой, я горжусь тем, что являюсь отцом твоим. А теперь иди, поезжай к Александре и проведи последние дни свободы с любимым человеком.

Князь, конечно, послушал отца и попрощавшись заспешил уйти. Выходя из особняка, Владимир прошёл мимо матери, не глядя на неё, не заметив даже, закутавшись в собственные думы, а княгиня Палей не остановила его и не окликнула, только посмотрела несколько горделиво и обиженно в след, подёрнула плечами и скрылась в тени холодной шёлковой портьеры, и никому не было известно, что одна беспокойная и трепетная слёзка спустилась по щеке её и скрылась, упавши на ласковый бархат княжеского платья. Отчего вдруг хладнокровная и так хорошо владеющая собою Ольга Валерьяновна, отчего эта спокойная женщина теперь растрогалась? Она ведь ещё и не знала, что скоро потеряет и мужа, и сына; неужели чуткое материнское сердце её почувствовало приближение смуты? Возможно, однако Влади-

мир не знал об этом, не знал, как безутешна была она после анонса Павла Александровича, он не знал этого, и теперь ехал просто по пустынной дороге и сквозь пыль и боль глядел на блестящее весеннее солнце, и думал, как же он всё-таки расскажет Александре о своей ссылке.

Подходя медленно к двери, Владимир всё сжимал в руке подписанную им бумагу, будто она могла помочь ему объясниться, будто бы она поможет Александре понять и пережить, но он знал, что всё бесполезно, что только он сам может найти должное решение.

Этим солнечным весенним утром всё преобразилось в Чёрных прудах: дом казался светлее и чище, сад, не опомнившийся, не отошедший ещё от зимы и холода, казался живым, так легко и спокойно дышащим, что птицы прилетали сюда, садились на оголённые и ветхие ветви деревьев и кустарничков и начинали свою трепещущую в воздухе, радостную песню. Умиротворение природное не могло, конечно, не передаться жителям Чёрных прудов, которые с самого утра занимались самой воодушевляющей для каждого работой. Надежда Ивановна решила провести весь день в церкви, насладиться спокойным и непорочным общением с Господом; Прасковья Дмитриевна бегала да хлопотала по дому, преображая его, обновляя, подготавливая к весёлой весне. Александра с самого утра пела, какое-то странное внутреннее чувство побудило её вновь запеть, почувствовать вновь эту внутреннюю свободу и некоторую актёрскую гордость и

стать. Сейчас княжна пела романс Рахманинова «Я жду тебя». Её высокий густой, но при этом трепетный и мягкий голос звонко разлетался по всему особняку, весёлыми, светлыми воспоминаниями и мечтами отдаваясь в уставших голосах живущих в имении людей.

Стоя на пороге и размышляя над своею речью, Владимир услышал исходивший из окон пленительный, бархатный голос и, конечно, сразу узнал его.

– Давненько ты не пела, princess, я уж начал забывать прелесть твоего голоса.

– Я жду тебя! – допела Александра, – Ищите и обрящите, ну разве не правда! – воскликнула княжна. Она находилась в состоянии странном теперь, близком, быть может, к лихорадочной эйфории. – Я ждала тебя и voilà: ты пришёл!

– Александра, ты хорошо себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил князь, – Мне стоит принести воды?

– Нет-нет, Володя, что ты, что ты! Как можно? – сбегая по лестнице, будто бы выпевая слова, проговорила Алекс, – Ты ведь вернулся, теперь всё будет хорошо! – княжна подпрыгнула и, отбивая ладошами ритм вальса, закружилась по комнате, утягивая Владимира за собой. Пройдя в танце несколько кругов по огромной гостиной, Алекс приостановилась, всё боле веселея, сверкнула глазами на Владимира и сложила в элегантном реверансе. – Ну, так чего ради Вас вызывали, князь? Неужели так, насмешки просто ради?

– Знаете, Александра Владимировна, давайте лучше тан-

цевать! – воскликнул он, вновь подхватывая княжну под руки, продолжая жизни бег.

Глава тринадцатая.

– Я люблю тебя, – проговорил тихо Владимир, прощаясь с дрожащей, как осиновый лист на ветру, Александрой, – Я просто хочу, чтобы ты знала, – княжна молчала, стараясь не расплакаться. Нечего ей было сказать теперь, когда самый любимый и значимый человек уезжал на неопределённый срок, в неизвестность. Автомобиль, в котором сидели Павел Александрович и Ольга Валерьяновна, со скрипом подъехал. Все в доме оживились. Дверь машины вскоре распахнулась и оттуда, шумно обмахиваясь веером, вышла княгиня Палей и быстро зашагала в особняк. Автомобиль ожидал теперь только Владимира. Князь сначала помедлил, задумчиво глядя вокруг себя, а после обнял мать и вновь поцеловал Александру, – Ты не грусти, Аля, и не вздумай ехать за мною. Единственное, о чём я прошу: останься дома.

– Но, Володя...

– Прошу.

– Я люблю тебя, – промолвила Александра, в последний раз бросаясь на шею Владимира. А после, не решаясь сдвинуться с места, стояла молча и глядела на уходящего вдаль князя.

Успокоившееся на какое-то время сердце её заняло теперь, заболело бесконечно сильно и мучительно. Алекс не

плакала, не кричала, она не могла даже пошевелиться, лишь руку протянула вслед Владимиру и вновь замерла. А когда автомобиль медленно тронулся с места, Александра прошептала трясущимся, срывающимся голосом:

– Нет... нет... подожди, – и жгучие слёзы беззвучно потекли по щекам её, и она затряслась всем существом своим, сгибаясь всё сильнее, постепенно падая на пол. Она не знала, забыла совсем, что княгиня Палей, приехавшая проститься с сыном, осталась в особняке и стояла теперь позади княжны, тревожно и неожиданно нежно оглядывая её. Через некоторое время она аккуратно ступила вперёд, звонко цокнув каблуком туфли, Александра услышала это и мгновенно поднялась и, забыв, видимо, о том, что она уже здоровалась с княгиней, сделала неглубокий реверанс, серьёзно глядя в пол, однако слёзы всё ещё текли по впалым щекам её. – Простите, простите меня, – говорила она быстро и невнятно, вытирая раздражающие кожу слёзы тыльной стороной холодной ладони, – я не должна...

– Ну, будет, – произнесла спокойно Ольга Валерьяновна, протягивая княжне белоснежный хлопковый платок. Александра приняла его и уткнулась лицом в свежевыглаженную материю. А Ольга Валерьяновна отошла быстро от всхлипывающей девушки и, распахнув окно в гостиной, встала на ветру, покопалась в сумочке и достала оттуда маленькую чёрную табакерку. Взяв тремя пальцами щепоть табака, она вдохнула сначала одной ноздрёй, потом другой и довольно

долго набирала в грудь воздуха, но так и не чихнула, только носом подёрнула и, раскрыв веер, отправилась нервно ходить по комнате.

«Нет, – подумала Алекс, – так нельзя. Мы же ведь должны...я должна поехать за ним! Я не могу просто ждать!» Александра покрутилась вокруг себя и двинулась по направлению к выходу из гостиной, но Ольга Валерьяновна быстро развернулась, подбросив юбку, и пошла напрямую к княжне:

– Даже не думайте, юная леди, я не позволю Вам покинуть особняк.

– Но...

– Александра, мой сын постарался и сделал всё, чтобы обеспечить безопасность Вам, посему я просто не могу допустить, чтобы всё это было впустую. А зная Ваш напористый характер, я забираю Вас с собою в Царское Село, – вновь становясь строгой, сказала она, и, заметив выражение лица Алекс, добавила, – и никаких возражений!

И, развернувшись на каблуках, как тогда в коридоре Александровского дворца, она пошла по особняку, раздавая разного рода поручения: приготовить ужин, согреть чай, собрать вещи княжны и подать машину.

– А как же... как же Чёрные пруды? – набравшись смелости, спросила Александра, – как же дом без хозяина?

– Даже не пытайтесь меня уговорить, ничего не случится с домом. К тому же Ваша ключница, как я сумела понять, – самая настоящая хозяйка. Александра, прекратите разгово-

ры эти пустые и пойдите лучше, соберите нужные Вам вещи. На этом диалог княжны с Ольгой Валерьяновной закончился, и Александра отправилась к себе в покои. Собрав все свои вещи, коих оказалось немного, Алекс зашла ещё в комнату Андрея, по которой долго и молча ходила, разглядывая её, а после взяла со стола маленькую семейную фотографию, которая была сделана на свадьбе Ольги. Это была любимая фотография Андрея, и Александре она тоже очень нравилась, поэтому княжна взяла её аккуратно, вынула из рамки и положила в маленькую чёрную сумочку. Спустившись вниз, Александра не стала даже кушать, попрощалась только со всеми остающимися в доме и покорно села в машину, дожидаться появления Ольги Валерьяновны.

Дворец княгини Палей поражал своей красотой и необычностью. Он был вовсе не похож на другие особняки в России; неоклассический стиль выдавал влияние на автора творения Франции с её изящностью и элегантным шармом. Внутри дворец был ещё красивее, чем снаружи: высокие сводчатые потолки, широкие лестницы с мягкими, чистейшими коврами, округлые комнаты, всё в этом доме подтверждало, что величественная женщина, стоящая теперь рядом с княжной, и есть его владелица.

К Александре во дворце отнеслись с каким-то воодушевлением, тут же выделили комнату и отнесли вещи её туда; Ирина и Наталья вышли встретить княжну, проводили её до комнаты, по пути заглядывая в глаза её, пытаясь будто по-

нять, насколько расстроена она. Что ж, Александра была не просто расстроена, она была разбита таким внезапным объявлением об отъезде Владимира и уже совсем потеряна, когда привезли её в Царское Село. Зайдя в комнату, она даже не стала раскладывать вещи, оставила только сумочку и накидку и тут же попросила княжон отвести её в кабинет Владимира, где в последствие Александра проводила всё свободное время своё.

Ох, время... беспощадное время не жалеет людей. Александра, всю жизнь свою прожившая в неумолимо быстром темпе, не могла теперь и представить себе, что жизнь в одиночестве и тоске так останавливается, ужасно застаивается и вовсе не движется вперёд. Измучив совсем княжну, прошли три месяца весны и целый месяц лета. Александра безвыездно жила во дворце княгини Палей, бросив попытки убежать, податься на помощь. Она тешила душу свою тем только, что читала творения Владимира, разбирала и раскладывала по годам почту, сочинения, переводы князя. Однажды, разбирая один из дальних, пыльных совсем уже шкафов, Александра увидела лист бумаги, лежащий отдельно от остальных. Он, конечно, привлёк внимание княжны, и она моментально развернула его. Там было написано стихотворение каллиграфически чисто и аккуратно:

Ты мой лебедь. Я знаю, судьба
Уготовила вместе до гроба дожить,
Сквозь военные вихри, разлуки ветра,

Крепко руку зажав, до конца дней любить.

Я твой лебедь, а ты моя нежность.

Ты мой ветер, луч солнца, мечтание.

Наша встреча с тобой – неизбежность,

А разлука – судьбы испытание.

«Лебеди» ВП 1914.

А рядом вложена фотография самой Александры. Она тут ещё совсем молода, ей от силы четырнадцать лет. На княжне скромное летнее платье и лаковые ботиночки. Она улыбается, закусывает губу от волнения и лёгкого смеха, золотистые гладкие локоны аккуратно обрамляют маленькое личико, а чёрные большие глаза всё так же дерзки, как и теперь. На обороте фотографии рукою князя нарисованы два лебедя, а под ними подпись: «Лебеди – самые преданные птицы. Умрёт один, погибнет и другой». Александры, которая уверена теперь была, что слёзы все уж потрачены ею, вдруг заплакала так легко, что сама удивилась, но, прижав конверт к груди, сидела и продолжала упрямо разбирать шкафы.

Так же грустно, как и закончился июнь, начался второй месяц лета. Ничего не менялось, только война, разгорающаяся в государстве, становилась масштабнее и яростнее. Страна разделилась теперь на два лагеря, и никто не знал, где враги его, где друзья. Люди жили впотьмах, никому не доверяя и избегая встречи с другими людьми, даже с теми, которых доселе могли назвать они друзьями своими и семьёй. Общение, необходимое человеку, пропадало, и он, не имея воз-

возможности быть выслушанным и понятым, деградировал обратно в животное, главной ценностью для которого является биологическое существование, а не социальная жизнь. Ни о какой взаимопомощи и гуманности и речи не было. Все думали только об одном: как бы выжить.

Во дворце Ольги Валерьяновны тоже царило отчуждение, хоть княгиня и муж её, которого отчего-то не сослали с сыном, и старалась наладить прежнюю жизнь для дочерей своих, получалось у них неважно. Письма приходили в Царское Село от силы два раза в неделю, и, в основном, они являлись политическими сводками и прогнозами. Однако семнадцатого июля во дворец было доставлено сразу четыре письма, получив которые, Ольга Валерьяновна разнервничалась и долго не решалась звать дочерей и Александру, которым пришло по одному письму от одного и того же адресата. Однако после нескольких минут раздумий она всё-таки позвонила в колокольчик и позвала девушек, которые пришли почти мгновенно, чувствуя какую-то всеобщую взволнованность. Княгиня раздала письма девушкам, а сама раскрыла своё, позвала мужа, и начала читать медленно, всматриваясь в каждое слово. Александра, которой не приходили письма с марта месяца, очень оживилась и раскрыла своё письмо быстро и неаккуратно.

«17.07.1918, Алапаевск.

Любимая Аля,

Необыкновенно счастлив писать тебе, однако письмо бу-

дет коротким, прости, много нельзя. Я говорил тебе, что везде есть хорошие люди, и теперь здесь мне удалось найти честного и надёжного человека, который согласился не просто отправить – доставить письма наши семьям (я писал уже, что не один, со мною дети Константина Константиновича, братья Олега). Я узнал, не важно откуда, что план ДР пришёл в действие, отсюда и такая спешка. В конверте, аккуратно завёрнутые в бумагу, лежат запонки императора, которые тот передал мне ещё при встрече нашей в Екатеринбурге, эти запонки ты возьми, они будут доказательством того, что ты являешься представителем Романовых, возьми их и езжай немедленно в Англию. Джона я извещу о приезде твоём. Только ты теперь можешь помочь императору и семье его с политическим убежищем, так что не медли, однако будь аккуратна, прошу тебя, и не говори никому, кто ты есть.

Александра, корона надеется на тебя, так что береги себя и сделай, что должно. Со всею необузданной любовью и заботою.

Навеки твой,

Владимир.»

Письмо небольшое, но наполненное надеждой чуть не выпало из рук княжны, когда Ольга Валерьяновна подхватила его.

– Позвольте взглянуть? – спросила она, мельком глянув на мужа, аккуратно и печально отчего-то разглядывая письмо.

– Конечно, возьмите, – пробормотала растерянная Александра и стала рассматривать внутренность самого конверта, ища описанные в письме императорские застёжки. Через мгновение она действительно обнаружила маленький неприглядный свёрток, развернув который она увидела блестящие золотые запонки с вырезанным на них гербом Романовых – в серебряном поле червлёный гриф, держащий золотые меч и тарч⁸⁴, увенчанный малым орлом, а на чёрной кайме восемь оторванных львиных голов, четыре из которых золотые и четыре серебряные. Александра так и ахнула, а княгиня Палей, которая, видимо, уже прочла письмо, смотрела теперь тоже на запонки, будто бы собираясь сказать что-то.

– Вам нужно ехать скорее, – заявил вдруг Павел Николаевич, дотрагиваясь до плеча княжны. Княгиня, видимо, была того же мнения и, не давая Александре сказать и слова, отправила её собираться, а когда та, одевшись и собравшись, спустилась вниз, Ольга Валерьяновна была отчего-то очень грустна, Алекс показалось даже, что глаза её были мокры. Однако, увидев Александру, она улыбнулась слегка и, перекрестив её, сказала: «Господь с тобою, иди, – а когда Алекс покидала дом, добавила в след ей, – берегите себя, княжна,» – и, лишь после того, как Александра села в машину, рывком закрыла дверь.

«Ну, вот, – подумала Александра, – как всё это странно. Отчего она так опечалилась и отчего так заинтересовалась

⁸⁴ Русский щит.

именно моим письмом. Странно. Не могу понять».

Глава четырнадцатая.

Для побега из страны Александра была одета явно неподобающе: лёгкое, играющее на ветру белое платье, длинные тонкие чулки, элегантные открытые туфли, маленькая дамская сумочка, в которой находились её документы, деньги, фотография, взятая у Андрея, письмо от Владимира с вложенным посланием Джону и, конечно же, запонки. Не сказать, чтобы княжна Маслова была кокеткой и модницей, однако во дворце Ольги Валерьяновны вовсе не оказалось никакой удобной одежды. Княжна шла по улице, глубоко дыша и часто оглядываясь по сторонам: Петроград изменился с октября. Город стал грязным, витрины множества магазинов были разбиты, дома богатых людей разграблены, а сами богатые люди выставлены оттуда. По улицам города ходили пьяные, дурно пахнущие и нецензурно выражающиеся рабочие и матросы; фонари были потушены. Вся атмосфера так ужасно давила на Александру, что ей в какое-то мгновение действительно захотелось скорее покинуть страну, однако она отогнала от себя ненужные мысли и сосредоточилась на поиске пути на вокзал. Как же так, Александра всю свою жизнь провела в Петрограде, а как найти вокзал она и понятия не имела? Однако вот стоит жандарм, к которому Александра направилась, чтобы спросить направление.

– Господин ж... – девушка запнулась, вспомнив, что жандармерия была полностью замещена народной милицией, –

товарищ милиционер, – поправились она, – будьте любезны, подскажите, как мне найти вокзал.

Милиционер опустил голову, высокомерно осмотрел княжну с головы до ног и лениво спросил:

– Какой тебе?

– Что простите? – переспросила несколько смущённая княжна.

– Какой тебе вокзал нужен?

Этот вопрос явно поставил Александру в тупик. Она знала, конечно, что в городе несколько вокзалов, однако она растерялась от заданного вопроса и не смогла ответить офицеру ничего путного.

– Покажи мне свои документы, – выпалил вдруг милиционер. Холодок пробежал по спине княжны, она точно помнила, что Владимир советовал ей не говорить своей фамилии, титула, да и нового советского паспорта у Александры не имелось.

– Я, – она демонстративно поискала в сумке, – я забыла! Бог ты мой! Извините за беспокойство. Мне пора, – сказала она и, развернувшись, начала уходить от милиционера, однако тот пошёл за ней.

– Стой! Покажи мне документы!

Но княжна вдруг побежала, сама не зная зачем и отчего. Офицер начал дуть в свисток, и улица наполнилась отвратительным звенящим звуком. Александра, не сбавляя скорости, бежала вперёд, хоть и не знала, нужное ли направле-

ние она избрала. Минут через десять бега Александра начала сбавлять темп, оглядываясь по сторонам. Вдруг она заметила долгожданные рельсы и табличку с надписью: «Финляндский вокзал. 700 м.» и стрелкой, направляющей влево. Оглянувшись по сторонам ещё несколько раз и наверняка убедившись, что за нею не идёт никакой милиционер, Александра двинулась в направлении, указанном стрелкой, и примерно через шесть минут увидела пред собою низкое светлое здание, окружённое огромным количеством автомобилей, толпящихся, толкающих друг друга людей, усталых, замысленных лошадей. Александра кое-как попала внутрь вокзала и подошла к кассе.

– Билетов нет, – брякнула ей старая морщинистая женщина, сидящая за стеклом, и снова погрузилась в чтение утренней газеты.

– Но, госпожа, разве нельзя и одного найти?

– Я же сказала! Билетов нет!

Александра немного помолчала в растерянности, но потом достала рубль, который был отчеканен в честь трёхсотлетия дома Романовых, являлся огромной редкостью и стоил больших денег, и зажала монету в кулак. Поднеся её к самому стеклу, она немного стукнула по нему костяшками пальцев и прижала рубль к стеклу. Женщина хотела что-то проворчать, но, подняв глаза, замерла в изумлении.

– Чёрт побери! Спрячь его, скорее, спрячь! Где ты...а, впрочем, неважно. Чего хочешь?

– Мне нужен билет до Европы, – чётко и убедительно проговорила Александра.

– Что ж, я гляжу, крупная рыбка мне попалась, – протянула женщина и осмотрела княжну с ног до головы, – я уже сказала, билетов нет, однако, – она протянула руку, тем самым говоря, что хочет получить монету как задаток. Александра с нежеланием отдала рубль, – однако, через пять минут отходит поезд с военными. Если ты хорошо попросишь, они впустят тебя.

– Спасибо! – воскликнула Александра и, наивная, бросилась бежать.

– Тебе спасибо, – прошипела кассирша, рассматривая и прощупывая только что добытое сокровище.

Александра выбежала на платформу. Чёрный блестящий поезд, с красной звездой во главе паровоза, издавал тяжёлые гудки и выпускал клубы пара: он был готов отбывать. Александра прибавила темпа и начала стремительно приближаться к вагонам поезда, когда мужской голос сзади окрикнул её: «Стой! Женщинам нельзя сюда!»

«С чего это?» – промелькнуло в голове княжны, но вдруг она поняла, что у неё намечаются новые неприятности и вновь принялась бежать, но широкая юбка не позволяла набирать большую скорость. Вскоре милиционер стал приближаться и схватил Александру за подол платья; девушка упала, проехавшись левой ногой по асфальту, таким образом затормозив и сняв с колена всю кожу. Поезд медленно тро-

нулся. Александра тихо встала, повернулась лицом к милиционерскому, посмотрела на него какое-то время, а после резко развернулась и вновь побежала, прихрамывая, за поездом и заскочила в предпоследний вагон, плотно закрыв дверь за собою. В вагоне пахло хлорной известью, табаком и крепким мужским потом, что ужасно сочеталось с головокружительной духотой и пылью улицы.

Отдышавшись пару секунд, Александра подняла глаза и увидела, что весь вагон, заполненный мужчинами в солдатской форме, устремил свои взоры на неё. Мужчины перешёптывались, издавали ртом странные звуки, смеялись. Вскоре на шум вышел один офицер в форме нижнего чина и громко свистнул, заложив два пальца в рот. Это был молодой, невысокий и довольно красивый человек. Чёрные волосы его вились и блестели в свете захудалого солнца, зелёные глаза бегали с одного солдата на другого, фигурные губы были искривлены в ухмылке, а прямой нос, покрытый редкими веснушками, немного сморщен. Наконец, он увидел причину шума и большими, уверенными шагами пошёл к Александре.

– Ну, и кого это к нам занесло? – развязно спросил он.

– Я...

– Женщинам нельзя ехать в этом поезде, дорогуша, даже таким красивым, как ты, так что если ты не ко мне, – он нахально улыбнулся и подёрнул бровями, – то выходи.

– Послушайте, – Александра взяла его за предплечье и

стала говорить тише, доставая деньги, – я заплачу Вам, клянусь, разрешите только доехать до Европы. Я размещусь там, где удобно будет Вам, я никому не помешаю.

– Хм... что ж, красотка, уговорила, – прошипел офицер, забирая все деньги Александры вместе с вытащенным кошельком. Он попытался дотронуться до девушки, но княжна отпрянула. Его острые зелёные глаза недобро блеснули; он развернулся, пряча деньги, и зашагал назад, к себе, – чего стоишь? На руках мне тебя, что ли, нести? – вскрикнул он, не оборачиваясь, и Александра, не переча, проследовала за ним.

Что ж, то купе, которое выделено было княжне и купе-то назвать было сложно. Это была комната, находящаяся в самом конце вагона, в которой хранился всяческий инвентарь и просто хлам, однако Александре было всё равно, да и выбора в любом случае она не имела.

– Извините, – окликнула она тихо унтер-офицер, когда тот уж покидал комнату, – у Вас случайно не имеется чего-нибудь рану обработать? – Александра подняла платье на левой коленке, чтобы наглядно показать причину вопроса. Молодого человека буквально передёрнуло.

– Я тебе санбат, что ли? – он провёл быстро глазами по всему телу княжны, – ладно, – он достал какой-то бинт и смочил его спиртом, – на, – и вышел из купе.

Александра присела аккуратно на шатающийся, деревянный табурет, и приспустила мешающий ей, весь порванный

чулок на левой ноге, чтобы обработать пораненное колено данным ей раствором. Однако княжне не удалось даже кровь обтереть с повреждённой кожи, потому как в этот момент в купе вновь зашёл унтер-офицер, мгновенно закрыв дверь за собою и недвижно встав рядом. Александра сиюминутно опустила юбку платья и в каком-то непонятном и ей самой страхе отодвинулась немного назад.

– О, продолжай, я не помешаю тебе, – прошипел вдруг военный.

– Извольте, но я предпочту подождать, – ответила княжна, всё больше двигаясь к окну.

Он сел на полку и стал жадно рассматривать Алекс, переводя глаза с лица княжны на её тело и назад. Александра вся съёжилась, будто хотела свернуться в маленький, незаметный клубок.

– Чего тут ждать? – как бы проснувшись, воскликнул он, поднимаясь и подходя к княжне, – Как, ты говоришь, тебя зовут?

– Я не говорила.

– Как тебя зовут?! – повысил он голос вдруг.

– А... Александра, – тихо ответила княжна.

– Сашенька! Прекрасное имя, да. Ты, наверное, дочь какого-нибудь пекаря, – шипел он, прикасаясь своей большой, грубой рукой к щеке Алекс, – или кондитера...

– Извольте, – тихо протестовала она, отодвигаясь и пытаясь убрать его руку.

– ...потому что только у них получается такая красота, такая вкуснятина, – он вдруг схватил её одной рукой крепко за шею со стороны затылка, а другой начал разрывать платье.

– Прекратите! – вскрикнула княжна, пытаясь встать или просто пошевелиться, но мужчина был слишком силен, придавливая её к стулу. Он прикоснулся своими холодными, шершавыми губами к шее княжны и долго не отпускал её, как бы Александра ни пыталась сопротивляться, как бы ни боролась с ним. Ком отвращения и страха подошёл к горлу княжны. Военный в это время вдруг рывком подался назад, схватив её за талию, и перетащил к себе на ноги, захватив обе руки и корпус девушки левой рукой и продолжая разрывать и снимать платье и чулки княжны правой.

– Как же хорошо, что я решил пустить тебя в чёртов вагон! Кто бы мог подумать, – он со злостью укусил Алекса за плечо, девушка вскрикнула, – молчи! – он схватил её за шею и стал придушивать, – ну что, нравится? Нравится? Пришла такая вся приличная, воспитанная, думала, что я не пойму, кто скрывается под этой маской...

Вдруг что-то звякнуло за дверью, унтер-офицер отвлекся; «Это единственный шанс» – мелькнуло в голове Александры, и она со всей силы каблуком туфли ударила по стоящей рядом стопе офицера. Тот взвыл, руками впился в ноги и живот Александры, освобождая ей правую руку, которой она, согнув предварительно в локте, нанесла сильный, а главное точный удар по уху мужчины. Он потерял сознание.

– Господи! – воскликнула перепуганная, еле дышащая Александра, выскочила из злополучного купе и побежала туда, куда сама судьба велела ей. Пробежав до начала длиннейшего в её жизни вагона, тяжело дыша и постоянно оглядываясь, Александра не заметила только что вышедшего откуда-то военного и врезалась в него, перепуганная, чуть не плача, проговорила: «I'm sorry! Pardonner!⁸⁵», – и, осознав, что сказала то, чего не следовало, закрыла рот рукой.

Мужчина, аккуратно подхвативший девушку, чтобы удержать от падения, отпустил её вскоре, увидев неподдельный ужас во взгляде её. Внимание его привлёк внешний вид княжны: её платье было изорвано в клоки, один чулок снят, та же нога была разбита, кровоточила, коса растрёпана, на шее, руках и ногах красные следы.

– Я вижу, Вам нужна помощь? Извольте, я помогу, – проговорил офицер, подаваясь вперёд.

Александра отшатнулась и хотела вновь побежать, однако странная ясность струилась из глаз офицера, да и выглядел он в точности как Олег.

– Госпожа, Вы же из интеллигенции? Поверьте, я Вас не обижу.

И Александра поверила, сама не зная отчего. Молодой человек немедленно представился и просил её войти в другой, офицерский вагон. Здесь было тихо и убрано, уж не пахло так отвратительно, и люди были приятнее на вид. Проводив

⁸⁵ Извините! (англ.) Простите! (фр.)

её в своё, видимо, купе, Никита, а именно так звали похожего по внешности на князя Олега обер-офицера, остановился у дверей и, не проходя внутрь, предложил княжне чая, лекарств и кое-какой новой одежды. Загвоздка заключалась только в том, что поезд с военными мог предложить Александре только мужскую одежду, но Алекс тогда было не до неё. Никита Сергеевич был капитаном, одним из белогвардейских офицеров, лет двадцати семи. Только увидев княжну, он понял, что она дворянка, что она напугана, обижена и нуждается в помощи, которую он всячески старался предоставить. Александра вскоре перевязала ногу, переделалась и долго сидела, глядя на дверь. Она не хотела запускать офицера в купе, боялась, однако ей было стыдно, что человек впустил её к себе, а сам стоит где-то, потому она распахнула дверь и попросила капитана войти.

– Вам весьма идёт военная форма, – заметил тот, всё ещё стоя у раскрытой двери, – послушайте, если Вам неудобно, я могу уйти куда-нибудь, право, мне ни сколь не трудно.

– Спасибо Вам, – проговорила робко Александра, – зайдите хотя бы на чай.

За чаем вскоре завязался разговор, и Александра узнала, что поезд этот едет далеко и долго, через Финляндию и несколько других стран, но пунктом прибытия всё же является Париж.

– Путь ужасно непрактичный, – махнул рукою офицер, – ехать без малого шесть дней! Но что уж тут поделаешь?! Вы,

Александра, кстати, куда путь держите, быть может, я Вам помочь смогу.

– Вы уже помогли, да так сильно, что вовек я не смогу отблагодарить Вас.

– Ну, полно, это действительно ничего для меня не стоило, к тому же я безмерно счастлив провести хоть сколько-нибудь времени с образованным, умным человеком. Армия, к всеобщему стыду, нищает, а вот теперь и вовсе забираем последних солдат из Европы и выходим из войны. Позор! Потому-то большинство белогвардейцев покинуло Россию, а других просто казнили, так и останемся с одними лишь безграмотными забулдыгами, а ещё солдатами и офицерами себя зовут. Беда!

– Ужасно, конечно, только я не понимаю: отчего тогда Вы остаётесь в России, Никита Сергеевич. Вы молоды и, насколько я могу судить, довольно своенравны. Так отчего же, пресекая некие принципы свои, моральные убеждения, Вы остаётесь в совсем другой, чужой теперь для Вас стране?

– Эх, Александра, Вы совсем юная ещё, Вам меня не понять, да я и сам не совсем понимаю, отчего сердце моё зарыто в российской земле. Я офицер и своей стороны не предаю, пусть она теперь и другая, пусть уже и не мать Россия, а мачеха, но всё же семья. Знаете, Александра, Вы молчите, не удалось мне узнать Вашей истории, но я вижу: за плечами Вы оставили что-то дорогое. Не навсегда Вы мчитесь в этом поезде за границу, пусть и спрашиваете меня, а у самой готов

ответ. Россия в сердце, её оттуда ни лезвием, ни огнём, ни пулей не вытравишь. Уедешь – скучать будешь, от тоски погибнешь; останешься – погибнешь от штыков и вилл врагов, ненавидящих умных, знатных людей.

– Хорошо Вы сказали, получается: куда ни пойдёшь везде смерть?

– А куда ей деваться, смерти-то? Она всегда меж нами, и не всегда понятно, почему она выбирает ту или иную жертву. К тому же без смерти, что за жизнь была бы? Бессмысленная и абсолютно пустая. Торопится бы некуда было, идти куда-то не было бы резона, а так, постоянное движение, стремление, путь, который приведёт тебя рано или поздно к какому-то результату, справедливому же или нет, не столь важно.

– Получается...

– Вы молодец, Александра, – перебил княжну капитан, – прямо сказать заговорили меня, не произнося никакой речи. Однако ответьте: куда Вы держите путь?

– Что ж, конечной точкой моего путешествия должен стать Лондон.

– Замечательно! – воскликнул Никита Сергеевич, – Хорошо, что прибываем именно в Париж. Оттуда ходит прямой поезд до Англии, на который мы успеем купить Вам билет.

– Ah, merde!⁸⁶ – прошептала Александра, осознав, что деньги все у неё забрал гадкий унтер-офицер, от воспоминания о котором она поморщилась.

⁸⁶ Ох, чёрт! (фр.)

– Исходя из того, прошу меня извинить заранее, в каком виде Вы явились сюда, при Вас нет денег. Прошу Вас, miss, принять мою помощь, а именно материальные средства на покупку билета на поезд.

– Что ж, – вступила Александра, немного помолчав, – я вновь воспользуюсь предложением Вашим, однако на сей раз, долг я Вам верну, Вы только скажите, на чьё имя мне выписать вексель.

– Даже не думайте, Александра, что за глупости, для меня это сущий пустяк.

Глава пятнадцатая.

Через шесть дней изнеможённый долгой дорогой поезд начал замедляться, подъезжая к Северному вокзалу прекрасного Парижа. Александра, измученная ожиданием и ужасными условиями проезда, стойко переносила все выпавшие на её долю испытания и, не падая духом, беспокойно стояла у окна вагона, глядя на проплывающие быстро мимо неё пейзажи, освещённые теплым светом заходящего стремительно солнца.

– Ну, что же, – проговорил обер-офицер, когда поезд совсем уж остановился, – nous sommes arrivés⁸⁷. Осталось только купить Вам билет, mademoiselle, и, увы, проститься.

– Вы исключительный человек, Никита Сергеевич, так помогли мне, безмерно, разрешите в знак благодарности пода-

⁸⁷ Мы прибыли (фр.)

ритель Вам эту... это... – Александра запнулась и зарделась, нечего ей было предложить теперь, ведь ничего не осталось у неё.

– Прекратите Александра, который раз говорю Вам, одно-
го «спасибо» Вашего вполне достаточно будет.

– Что ж, тогда спасибо!

– Ох, блаженны уши мои! Это музыка! – засмеялся офицер, выходя из вагона и помогая княжне спуститься на перрон.

Когда они покинули уже почти платформу, послышался сзади них отчаянный, переполненный злобою крик:

– Ты! Ты! Стой! – кричал, приближаясь и хромя на правую ногу красивый унтер-офицер. Лицо его было искривлено в гневе, он задыхался, лихорадочно трясясь и постоянно теряя мысль. – Ты! – он вдруг заметил Никиту Сергеевича и бросился к нему. – Она ... она! Хватайте её! Держите её! Она! – его била дрожь, он был точно не в себе, быстро переводя взгляд с Александры на обер-офицера, будто не мог остановить взгляд на каком-либо определённом объекте. Вдруг его сильно передёрнуло, и глаза его закрылись на мгновение, а когда он вновь прозрел, яснее стал взор его, он как бы немного пришёл в себя, но как только внимание его пало на Александру, он вновь ринулся к ней, глядя на княжну из-под опущенных бровей. – Ты, мерзавка! – прошипел он, – Я тебя...

Александра сначала в ужасе ретировалась, но в какой-то

момент всё внутри её запротестовало, она остановилась и посмотрела прямо на офицера, спокойно и враждебно, что только пуще разозлило офицера, и он даже замахнулся рукою, но Никита Сергеевич шагнул вперёд и схватил несдержанного мужчину за запястье.

– Что Вы себе позволяете, офицер! – процедил строго и мрачно он.

– Она...она! Мерзавка! Дрянь! Её нужно схватить! Вернуть! – не унимался он и, одёрнувшись, пальцем указал на маленькую семейную фотографию, которую до сей поры он держал в зажатом кулаке, – Её нужно...

– Молчите! Отставить и вернуться в поезд! Немедленно! – багровея отчеканил Никита Сергеевич, а когда унтер-офицер, так же подёргиваясь, кинув в Алекс помятую фотографию, ушёл, Никита повернулся к Александре и, тепло улыбнувшись, проговорил, – Он будет отдан под трибунал за неподчинение и за оскорбление чести и достоинства женщины, не волнуйтесь даже, Александра, и не слушайте этого грубияна. Его судьба ещё настигнет, – он поднял с земли фотографию, взглянул на неё мельком и отдал княжне, – Пойдёмте, купим Вам, наконец, билет, – Александра забрала аккуратно фотографию; она была рада, что снимок вернулся к ней, пусть помятый и испачканный, но такой родной и значимый снимок, который княжна теперь, бережно поцеловав, убрала поглубже в сумочку и пошла поскорее за Никитой Сергеевичем в здание самого вокзала.

Восхитительное, резное здание с множественными старинными статуями и белыми колоннами раскинулось широко пред княжной, которая теперь никакого значения не предавала великолепию скульптуры и архитектуры. Она рвалась напрямик внутрь, чтобы только купить билет и отправиться скорее в Англию, надежды на которую были безграничны. На сей раз проблем с покупкой билета не было и уже через десять минут, крепко сжимая его в дрожащей руке, Александра стояла рядом с другим поездом на другом перроне.

– Прощайте, Никита Сергеевич, спасибо Вам ещё раз, – Александра светилась благодарностью, прощаясь с офицером и быстро пожимая руку его.

– Прощайте, Александра, – с хитрой улыбкой ответил Никита Сергеевич, – Удачи, Ваше Сиятельство княжна Маслова, удачи Вам! – изрёк печально офицер, последний раз пожимая руку княжны. От звука собственного имени Алекс передёрнуло, ведь не говорила она офицеру ни фамилии, ни, тем более, звания. Но он так тепло и печально улыбался теперь, что княжна просто не смогла не ответить ему взаимностью. Когда она уже была в вагоне отбывающего поезда, в котором, в отличие от прошлого, пахло свежим бельём и кофе, она остановилась у окна и долго смотрела туда, где сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее уходил преданно глядя в окно и помахивая ей рукою.

«Вот и отчего же он так добр ко мне? – подумала Александра, – ведь это не я помогла ему, я ведь ничего совсем

не сделала. Однако, прав был Володя: остались ещё в мире добрые люди». С чистыми мыслями и тёплым сердцем Александра отправилась в Лондон, надеясь на быструю поездку. Предстояло ехать всего девять с половиной часов.

У Александры на сей раз было хорошее отдельное купе, где никто не мог потревожить её и нарушить границ её личного, неприкосновенного пространства. Расположившись относительно удобно на спальном месте, Александра решила почитать предложенный ей журнал «L'Illustration», но через несколько минут она поняла, что всё ей кажется таким бесполезным теперь: и мода, и дизайн, и интерьер. «Зачем они теперь, – думала Алекс, – теперь, когда война и смута? Ведь это так пусто и глупо, однако, теперь я понимаю, должно быть, теперь я знаю, насколько важна настоящая жизнь, и насколько редка она и хрупка, и стоит лишь раз посмотреть косо в её сторону, она отвернётся от тебя или же исчезнет в тишине. Как всё несуразно получилось всё-таки, я только подумала, что жизнь наладится... Вздор! Прекрати, Александра. Ты здесь, а они в ссылке, – прикрикнула она на себя в своей голове, – так что прекрати жаловаться». И от горести снова уткнулась в журнал, который читала автоматически, и на секунду не вчитываясь в смысл напечатанного текста. «Утром, – вдруг снова поймала она мысль свою, – всё важное уже этим утром. Поехать нужно прямо во дворец. А если откажутся везти? Ведь, кто я такая, как я могу доказать? Разве что запонки...но показывать эту драгоцен-

ность каждому встречному – неоправданный риск. Найти бы Джона, с ним бы точно никаких проблем не было...но нет, нет, совсем нет времени ехать в Хэмпшир, нужно как можно скорее добраться до дворца, – решила княжна, захлопнув журнал, и выключила свет в купе. – А теперь спать, скорее в царство к Морфею...». Но она не спала, глядя вокруг себя, заостряя внимание на деталях странных или привлекательных, купающихся в лунном сиянии. Вскоре Алекс, потянувшись, легла на кровати, однако глаза она сомкнула отнюдь не скоро: слишком взволнованной она оказалась теперь.

Этой ночью снилось Александре её же воспоминание, повторявшееся в голове её раз за разом. Техническая остановка на вокзале города Выборг. Ночь, темнота и ужасный, яростный ветер. Александра вышла в тамбур и оказалась фактически на улице, не покидая вагон. Оглядываясь вокруг себя, нельзя увидеть совсем ничего примечательного – лишь пустой перрон и старое, несколько заброшенное здание. И только столбы, чёрные железные ободранные столбы стоят повсюду, холодные и страшные. Вдруг Алекс услышала странный, леденящий душу звон, похожий на звон маленького колокольчика. Это от одного из столбов. Звук исходит оттуда. На ближайшем к Александре столбе висит маленький православный крестик на длинной верёвочке, тусклым блеском отдающийся в захудалом свете ночного фонаря. Он по ветру веется и бьётся поминутно о металл столба, издавая этот страшный душу звук. «Боже, какой кошмар!» – прого-

ворила тихо Александра и забежала обратно в вагон.

Утром, как только изящный солнечный лучик пробежался по щеке княжны, сверкнув ярко в глаза ей, Александра проснулась и немедленно села на кровати. Несмотря на то, что княжна была взволнована и возбуждена скорым прибытием в Лондон, она невероятно обрадовалась, узнав, что в данном вагоне есть душ и, взяв с собою полотенце побежала вприпрыжку туда. Невзирая ни на что, Александра была безнадёжной чистюлей и прожить почти неделю без свежего белья и душа было для неё пыткой. Однако теперь, искупавшись и переодевшись (в поезде под вексель ей продали простенькое платьице), она чувствовала себя гораздо лучше, хоть всё ещё ужасно волновалась, её даже потрясывало немного. Когда оставалось несколько минут до остановки поезда, сердце Александры неистово забилося, её бросило в жар, княжна стала часто и нервно поглядывать на время, хоть нужды в этом и не было: поезд уже начал замедляться.

– Боже, Боже мой, – прошептала княжна, тяжело дыша. – Я не готова, – но тут же, топнув ногой, она выпрямилась и вышла из поезда.

На улице было солнечно и тепло, однако, когда холодный ветерок пробежал по коже княжны, она поморщилась и передёрнулась. Выбежав скорее с территории вокзала Виктория, Александра почувствовала запах свежей выпечки, и желудок её жалобно и недовольно пробурчал, но девушка, не обращая на это внимания, стремилась вперёд, туда, где сто-

яло несколько чёрных такси. Подойдя к одному из их водителей, который показался княжне добрее и старше остальных, Алекс обратилась торопливо к этому седому, улыбочивому мужчине. Он стоял расслаблено, купаясь, будто, в лучах утреннего солнца, и пожёвывал кусок тыквенного пирога, от которого исходил бесподобный аромат.

– Good morning, sir, excuse me, is it a taxi? – мужчина радушно снял шляпу, приветствуя Александру, а после согласно кивнул. – Great! Than could you, please, carry me to the Buckingham Palace, please⁸⁸, – она ещё раз мило улыбнулась ему, вглядываясь прямо в глаза.

– Well, if so, could you tell me your full name. I'm sorry, miss, but it's my responsibility,⁸⁹ – добавил он, увидев сомнение в глазах княжны.

– I am Princess Alexandra Maslova⁹⁰, – проговорила понижая тон Александра. В глазах мужчины пробежало волнение, но он подал тут же руку, одетую в накрахмаленную белую перчатку, Алекс и помог расположиться в автомобиле.

– Make yourself comfortable, Your Grace⁹¹! – сказал он, разворачиваясь из-за руля и как-то хитро улыбаясь Александре.

Через некоторое время Александра начала волноваться.

⁸⁸ Доброе утро, сэр, извините, это такси? ... Прекрасно, тогда, не могли бы Вы доставить меня в Букингемский дворец, пожалуйста. (англ.)

⁸⁹ Что ж, раз так, представьте себя. Извините, но это моя обязанность. (англ.)

⁹⁰ Я княжна Маслова Александра. (англ.)

⁹¹ Располагайтесь поудобнее, Ваша Светлость! (англ.)

Она никогда не была в Лондоне, однако она читала, что вокзал Виктория расположен ближе остальных к Букингемскому дворцу, и что дорога до него должна занять менее получаса. «Должно быть, неверно написано. Бывает же такое, ошибаются люди» – думала сначала Александра, но теперь она заметно волновалась, а поэтому вертелась на заднем сидении автомобиля, не прекращая глядеть по сторонам.

– Please, do not worry, Your Grace, we will arrive in a couple of minutes⁹², – попросил Александру мужчина, не оборачиваясь. Он медленно начинал тормозить.

«Как же так, – думала Александра, лихорадочно оборачиваясь по сторонам, – это ведь явно не Лондон, так где я теперь? Как же я решилась сесть в автомобиль к незнакомому человеку? Да, он был мил со мной, но я же... как же... как же так?»

Однако ужасные, страшные мысли Александры прервались, когда она увидела вдалеке перед огромным особняком знакомый стройный силуэт. Пока машина приближалась, он был мрачен и взволнован, а вот Александра наоборот была бесконечно рада, поэтому, когда автомобиль остановился, она быстро выбежала из него и заспешила к ожидающему её Джону, который, заметив княжну, улыбнулся, хоть и получилось у него это как-то печально.

– Джон! – воскликнула княжна и обняла герцога, – Джон,

⁹² Пожалуйста, Ваша Светлость, не беспокойтесь, мы прибудем через пару минут. (англ.)

пойдём скорее, нужно скорее идти, понимаешь? Это же не Букингемский дворец, не так ли? – спросила она, подходя быстро к дверям особняка. Джон только кивнул ей в ответ и распахнул перед княжной массивную дверь. – Отчего, я не понимаю, почему меня привезли сюда? Джон, – повторила она, останавливаясь на месте, и взяла Джона за оба плеча одновременно, глядя ровно в глаза его, – Джон, мне нужно скорее к королю Георгу. Неужели Володя тебе не сказал?

– Я всё знаю, Александра, всё знаю, – ответил он, опустив глаза, и повёл княжну в одну из больших зал, – пойдём. – Александра, не понимая реакции Джона, помедлила сначала, но после последовала за ним.

В зале было светло и прохладно. У двух стен стояло несколько кожаных диванов, между которыми располагались огромные окна, кое-где стояли тёмные дубовые книжные шкафы, с высоких потолков свисали блестящие золотые люстры. Джон усадил Алекс на один из дальних диванов, рядом с которым, на одном из маленьких резных кофейных столиков, лежало несколько разных газет, свёрнутых в несколько раз и отодвинутых, будто, подальше от неё.

– Я не понимаю, Джон, зачем ты меня сюда привёл? Мне нужно к Георгу, понимаешь, это очень важно. Ты же сам ведь сказал, что всё знаешь, так зачем теперь ты издеваешься надо мною?

Джон вздохнул и поднял глаза на Александру и долго смотрел на неё, пытаясь будто понять что-то, но после улыб-

нулся лишь уголками губ.

– Алекс... – вздохнул он, начиная, будто, нести тяжкую, обременяющую его ношу, но вдруг был прерван: в залу забежал дворецкий, он был чрезвычайно взволнован.

– Duke Mortimer, your father, – Джон посмотрел исподлобья на него, качая сурово головой, – he is choking...⁹³

Джон вскочил с дивана в потрясении, оглянулся на Александру, которая тоже встала от неожиданности.

– Я сейчас, – проговорил герцог, – подожди меня лучше тут, – и выбежал растерянно оборачиваясь. – Father!⁹⁴ – взволнованно проговорил Джон, забегая в спальню отца, однако тот сидел на своей постели бледный и потный, но живой и незадыхающийся.

– Come back to her, Jonathan, you have more important things to do than treating me, – пробормотал он слабо улыбаясь, – Go!,⁹⁵

Джон благодарно кивнул ему и поспешил обратно к растерянной Александре, которая сидела на самом краю дивана и тормошила в руках одну из сложенных на столике газет. Она, видимо, только начала читать и была теперь не только растеряна, но и очень напряжена.

– Алекс, – на резком вдохе вскрикнул Джон, когда только

⁹³ Герцог Мортимер, Ваш отец...он задыхается. (англ.)

⁹⁴ Отец. (англ.)

⁹⁵ Возвращайся к ней, Джонатан, у тебя есть более важные дела, чем заботиться обо мне... Ступай! (англ.)

зашёл в залу, – Постой!

Но Александра не откладывала газету, упрямо читая, сжимая кулаки сильнее и сильнее. Это была газета, запрещённая для печати, не выпущенная, но каким-то образом доставленная теперь сюда. На развороте была расположена большая фотография ссыльных: на первом плане стоял Николай П, рядом с ним на жёстком деревянном стуле сидела Александра Феодоровна, напуганная и расстроенная, далее стояли Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, одетые простенько, как-то наспех, охваченные неподдельным ужасом; рядом с княжнами на таком же как и у матери стуле сидел Алексей, болезненный и исхудавший, а около, почти полностью закрывая его от камеры, стоял Андрей и в лишь самом конце – Владимир Львович с каким-то серьёзным, невозмутимым лицом. Увиденное Александрой когда-то в далёком прошлом на рождественском гадании, преследующее её годами видение неоспоримо сбывалось.

Под фотографией большим чёрным шрифтом было напечатано:

СВЕРШЁННЫЙ РАССТРЕЛ: УБИЙСТВО ИЛИ ПРАВОСУДИЕ?

А после, помельче: **НЕ ДОПУЩЕНО К ПЕЧАТИ.**

Александра просматривала газету и тряслась, после она откинула её и схватила другую, третью... Все они были разного издания, но одного содержания, и одна и та же фотография располагалась на титульном листе.

– Нет-нет-нет, – шептала княжна, – нет, пожалуйста... я не верю, – а когда заметила герцога, поднялась рывком с дивана и громко уже вскрикнула, – это вздор! Я не верю! Это не может быть так, это... Нет! – она была шокирована, глаза широко раскрыты, и губы шептали что-то безучастно, она глубоко дышала и тряслась всем своим телом.

– Алекс, – выговорил тихо Джон, – мне так жаль...

– Нет! Джон, Джон, скажи, что это неправда... ведь это неправда, – вымолвила она, впившись длинными пальцами в предплечье Джона, пусто глядя на него.

– Алекс, прости меня, я... я не могу никак это изменить...

– Нет, – не унималась княжна, – я не верю! Это невозможно... этого не могло, не должно было произойти! Это... это не доказательство! Ничто не доказательство! Я знаю, я верю... Они не у-м-е-р-л-и ... – она говорила совсем шёпотом, со слезами на глазах глядя на Джона.

– Я...у меня есть ещё...вот, – он протянул телеграммы, которые достал британский, очень надёжный и умный человек, – Но я не думаю, что тебе стоит... – однако Александра уже выхватила бумажки из рук герцога.

Четыре плоские и узкие полоски, четыре телеграммы предстали перед Александрой теперь. Она дрожащей рукой развернула листы и принялась читать, закусывая губы и заламывая пальцы.

«СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР И ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦИК

СЕГОДНЯ 30 АПРЕЛЯ 1918 ПЕРЕВЕЗЛИ РОМАНОВЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГ ТЧК ПОМЕСТИЛИ ИХ В ДОМ ИПАТЬЕВА ПОД НАДЗОРОМ ЯКОВА ЮРОВСКОГО ЗПТ ЧТО СОГЛАСОВАНО С ТОВ СВЕРДЛОВЫМ ТЧК УТРОМ ВЫЯСНИЛОСЬ ЗПТ ЧТО С РОМАНОВЫМИ И ИХ ПРИСЛУГОЙ В ССЫЛКЕ НАХОДИЛИСЬ ДВОЕ ДРУГИХ МУЖЧИН ЗПТ ТЕ САМЫЕ МАСЛОВЫ ТЧК ЧТО ПРИКАЖЕТЕ С НИМИ ДЕЛАТЬ?

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВ»

«ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦИК

1 06 1918 РАССКАЗАЛИ МЛАДШЕМУ МАСЛОВУ ВАШИ УСЛОВИЯ СДЕЛКИ ТЧК НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ВЫСЫЛКЕ ЕГО ИЗ СТРАНЫ ПРИ УСЛОВИИ ОТКАЗА ОТ ВЕРНОСТИ МОНАРХУ БЫЛ ПОЛУЧЕН КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ОТКАЗ ТЧК ОН МОЖЕТ СТАТЬ ПРОБЛЕМОЙ С ЕГО СИЛОЙ И ДЕРЗОСТЬЮ ТЧК ЧТО ПРИКАЖЕТЕ ДАЛЬШЕ С НИМ ДЕЛАТЬ?

ЯКОВ ЮРОВСКИЙ»

«ВЦИК

НОЧЬЮ ПО ВАШЕМУ ПРИКАЗУ ПРИВЕЛИ РОМАНОВЫХ НА СУД ТЧК ВСЕ ОНИ АБСОЛЮТНО НЕ ПОНИМАЛИ ЗПТ ОТЧЕГО МЫ ПРИНУДИЛИ ИХ СПУСТИТЬСЯ В ПОДВАЛ ТЁМНОЙ НОЧЬЮ ТЧК ДЕРЖАЛИСЬ НЕОБЫКНОВЕННО СПОКОЙНО ТЧК КОГДА Я

ЗАЧИТАЛ ПРИГОВОР ЗПТ В ГЛАЗАХ НИКОЛАЯ ПРО-
МЕЛЬКНУЛО СОМНЕНИЕ ЗПТ ПОТОМ ОН ПОВЕРНУЛ-
СЯ КО МНЕ ВНОВЬ И ПЕРЕСПРОСИЛ «ЧТО-ЧТО?» ТЧК
Я ПРИКАЗАЛ СВОИМ ЛЮДЯМ НЕ МЕДЛИТЬ ТЧК ВСЕ
ИСПОЛНЕНО БЕЗУКОРИЗНЕНО ЗПТ ТОЛЬКО ЦЕСА-
РЕВИЧА ЗАКРЫЛ СОБОЙ МАСЛОВ МЛАДШИЙ ЗПТ
КОТОРЫЙ САМ БЕЗ ЗОВА СПУСТИЛСЯ В ПОДВАЛ
ТЧК МАСЛОВ СТАРШИЙ ТОЖЕ БЫЛ ЗДЕСЬ ТЧК ТЕ-
ПЕРЬ СУД СВЕРШЕН ТЧК ЖДЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ УКА-
ЗАНИЙ ТЧК

ЯКОВ ЮРОВСКИЙ»

«ЯКОВУ ЮРОВСКОМУ

НЕОБХОДИМО ТЕПЕРЬ ВСЕ ГЛАДКО ПРЕДСТА-
ВИТЬ ТЧК ТЕЛА УБРАТЬ ТЧК НИКТО НЕ ДОЛЖЕН
УЗНАТЬ ОБ ЭТОМ ИЗ ПАРШИВЫХ ГАЗЕТЕНОК ПРИ
ТРАГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЗПТ ОСОБЕННО ОБ ЭТИХ
МАСЛОВЫХ ТЧК УДАЛИТЬ ВСЕ УПОМИНАНИЯ О
НИХ ТЧК УНИЧТОЖИТЬ ЭТУ ПЕРЕПИСКУ ТЧК НАМ
НЕ НУЖНЫ НОВЫЕ НАРОДНЫЕ СТРАТОСТЕРПЦЫ И
МНОГОСТРАДАЛЬЦЫ ТЧК

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИ-
ТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ»

Слабый, еле слышимый, отчаянный стон вылился из ли-
хорадочно вздымающейся груди Александры, которая, не за-

кривая глаз, перевела взор на Джона. Тот стоял еле дыша, не понимая, что говорить ему, что делать ему теперь.

– Это...это...невыносимо, зачем ты меня так истязает, зачем даёшь мне эти...пустяки, – Александра казалась совсем слепым котёнком, который метался в темноте, пытаясь найти выход, бился о стенки коробка, в котором его заперли. Однако Александра вовсе не была слепа. Она знала, что всё прочитанное, увиденное ею теперь правда, но не хотела признаваться в этом ни себе, ни кому бы то ни было.

– Алекс, – Джон взял Александру аккуратно за руку, но тут же отдёргнулся отчего-то и переложил руку на плечо её. – я знаю, это ужасно, прости меня, пожалуйста...

– Прочти, – вдруг, будто очнувшись от транса, воскликнула Александра, – где же...где же? – она копалась в сумке, но движения её были медленными и неуклюжими, – Вот! Вот... письмо! – во весь голос крикнула она, нервно посмеиваясь, – письмо, оно для тебя, от Володи, оно тебя переубедит. – она протянула судорожно сокращающейся рукою письмо, измятое совсем и отчего-то пожелтевшее. – Бери! Возьми скорее! – на что Джон только качнул головой.

– Открой его, Алекс, оно ведь вовсе не для меня.

Александра согнула руку и поднесла письмо совсем близко к глазам, будто пытаясь найти что-то в трещинах на бумаге. Потом она медленно отодвинула письмо, и какая-то холодная и болезненная слеза выкатилась из глаза и побежала по бледной щеке. Она развернула письмо и всхлипнула, сно-

ва сворачивая бумагу.

– Нет! Я не могу! Нет! – крикнула она, но тут же вновь раскрыла бумагу.

«Александра, милая моя, я безумно сильно люблю тебя и буду любить, что бы не случилось со мною, что бы не произошло. Говорю я это не для того, чтобы выставить на показ какие-то чувства свои, я просто хочу, чтобы ты знала это, помнила об этом всегда. Я не хочу прощаться с тобою, но видит Бог, я должен, должен оттого, что знаю. Писать об этом труднее, чем сказать, а, может быть, и нет, кто разберёт? я теряюсь, потому что не хочу, потому что через мгновение нестерпимо сильно раню тебя, обязан это сделать. Помнишь, я написал тебе письмо? На самом деле, я ещё не сделал этого, только собираюсь с духом написать, потому что понимаю, что это в сущности своей будет чистою ложью.

Princess, я не знаю, сказал ли тебе Джон о том, что все они, впрочем, отмучались. Настал мой черёд. Я понимаю это. Я никого не виню. Я только нежность чувствую теперь, нежность и любовь. Я погибаю за страну, за фамилию, которую гордо пронесу по самый гроб и от которой не откажусь; я погибаю рядом со своими братьями, и я счастлив погибнуть плечом к плечу с ними. Раньше я думал, что единственное, чего я хочу, чтобы ты рядом со мною была, но теперь, теперь нет, теперь я рад, что ты далеко, недосыгаемо далеко.

Аля, я знаю, что ты злишься. Да, полное право имеешь, ведь я обманул тебя. Прости меня, princess, прости, я не мог

позволить тебе погибнуть из-за горячности твоей, прыти и просто от того, что ты Маслова, почти что Романова, почти что жена моя. Я умру, но не предам, я умру любя, и, может быть, я сейчас печалюсь, но от того только, что не увижу тебя боле, не поцелую твои алые уста и не услышу бархат голоса твоего, остальное пустое, остальное – вздор. Я знаю, что ты попытаешься вернуться в Россию, хоть я и умоляю тебя не делать этого, но я спокоен, потому что Джон не допустит этого любой ценой, а герцогу я верю, как себе, может быть, даже сильнее. Джон великолепный человек, Александра, он прекрасный человек, а ещё, он любит тебя, я знаю, искренне любит и сделает что угодно ради тебя. Остайся с ним, прошу, не лишай себя того волшебства, которым человеческая жизнь полна, и только Джон сможет осчастливить тебя. Про меня забудь, ведь я теперь просто тень, пережиток прошлого, воспоминание в сердце твоём, но не лелей его слишком, отпусти. Мне теперь ведь не важно, что со мною станется.

Кости – прах, в них нет души. Но ты, ты жива, Александра, а мёртвые живым не друзья. Я люблю тебя, я всегда любил тебя, но теперь прости меня и прощай навсегда. *Mais c'est la vie*⁹⁶ и я признаю её. Я принимаю свою смерть, так прими же её и ты. Живи, *mon amour*⁹⁷, живи и оставайся с Богом.

Навеки верный раб твой,

⁹⁶ Но такова жизнь (фр.)

⁹⁷ Любовь моя (фр.)

Владимир»

Чтение Александрой письма проходило в полнейшей тишине, только где-то в конце залы постукивали мерно большие, старые часы, и только Александра всхлипывала время от времени, то громко, широко раскрывая поблёкшие, немигающие глаза, то жалобно, заслоняя их трясущейся рукою. Тут она дошла до конца и застыла. Она перестала двигаться, моргать, казалось, перестала дышать, будто сердце её не выдержало и остановилось, потеряв цель жизни, предполагая, что пора прекращать бесконечный бег. Однако вдруг Александру всю затрясло, она сделала четыре тяжёлых, болезненных для неё самой вздохов, пробормотала себе под нос опустившимся от потрясения голосом «Боже» и перевела взгляд прямо на Джона, который преданно и скорбно смотрел на неё. Поймав взгляд княжны, Джон испугался, ему показалось, что девушка, с присыпанными пеплом глазами, непонятно откуда пришедшая сюда и непонятно зачем на него теперь смотрящая, и есть его Алекс. Но ведь так оно и было.

Как меняет человека горе.

Александра тряслась, придвигаясь к Джону и поднимая немощную, иссушенную будто руку.

– Бедная, – проговорила она, приблизившись к герцогу в плотную, – бедная мама моя. Она же не переживёт... – шептала она, громко, прерывисто дыша. Так, округлив пустые, но сухие совсем глаза, она сидела какое-то время, покачиваясь мерно взад-вперёд, до тех пор, пока старые, рокочу-

щие до поры часы не пробили десять часов, глубоким, гулким звоном раздаваясь по всему особняку. Александра будто проснулась. Вздрогнув, она поднялась немедленно, оглянулась как-то механически по сторонам и сначала мелкими и неуверенными, потом крупными, ускоряющимися шагами пошла к двери, бормоча что-то себе под нос.

– Алекс, подожди, остановись! – окликнул её Джон, поднимаясь за нею следом, но княжна не реагировала.

– Телефон...мне нужен телефон...бедная мама моя, она же совсем не переживёт, – говорила в каком-то беспорядочном переборе Александра. Однако Джон подбежал сзади, пытаясь её остановить. Он долго уговаривал её, долго просил остановиться, но Алекс не слушала, и он легонько взял её за запястье, удерживая, но страшный стон вырвался тогда из груди княжны, она отдернулась и с новой непонятной решимостью двинулась к двери. Джон пытался удержать её за руки, но, когда понял, что это не поможет, он, не подумав ни о чём, схватил Алекс за талию обеими руками, обхватил её, прижимая к себе, не давая ей боле сдвинуться с места или убежать. Александра извивалась, как только могла, она кричала сначала, но после сил голосу не хватило, и крик её превратился в один большой и непрерывный жалобный стон.

– Мне нужен телефон...пожалуйста...пустите меня...пожалуйста... – говорила она, устав отмахиваться от Джона, будто вовсе не узнавая его.

– Алекс, пожалуйста, – умолял герцог.

– Моя мама...она...она не переживёт...сжальтесь...пожалуйста...пожалуйста... – она вдруг с новой силой оттолкнулась от герцога, а тот не смог удержать её, – Отпустите меня! – казалось, для Алекс не существовало ничего на свете, кроме этого телефона, исчезло всё, кроме потребности её выбежать из замка и босыми ногами добежать до России, и спасти...Но кого? Спасать-то некого.

Она побежала к двери, которая оказалась уже совсем близко, и сладок казался ей запретный плод, но только дверь была заперта; Александра только рукою стукнула по лакированному дереву и громко, забыв, наверное, что она дворянка, что она девушка воспитанная и находится вне дома своего, громко и отчаянно провыла:

– Я вас ненавижу! Я ненавижу вас! Выпустите! Выпустите! – но силы покинули её, она сползла вниз и, уткнувшись в холодную дверь горячим лбом, заплакала безутешно, задыхаясь, кашляя, лихорадочно и горько.

Глава шестнадцатая.

Александра провела весь оставшийся день, свернувшись в клубок у выхода из комнаты, она не плакала, нет, она лишь растерянно и упрямо вглядывалась в пустоту, и только вечером, когда в зале раздался глухой, ненастойчивый стук по дереву, она раскрыла слабо красные глаза и отняла подбородок от груди. Дверь тотчас же щёлкнула замком и распахнулась, и в залу элегантно пробралась просто, но благородно одетая Адель. Увидев княжну, она немедленно склонилась

над нею и протянула Алекс гранёный стакан холодной воды. Александра долго и внимательно разглядывала графиню и вдруг, поймав взгляд её, тихо и твёрдо проговорила:

– Я настаиваю, выпустите меня, пожалуйста! – и, поднявшись на ноги, поправила прилипшие к лицу её волосы. Адель глядела на неё нежно и печально, и маленькая аккуратная слеза сверкнула в глазу её, но быстро скрылась из виду. Адель всё смотрела и смотрела на Александру, не двигаясь и, конечно, не произнося ни звука, а в душе княжны в это самое время только возрастало и поднималось невидимой стеною негодование, яростно отражаясь в чёрных глазах её. Хоть Александра была ниже Адель и глядела на неё снизу в верх, графиня отступала теперь под натиском наступающей княжны и была, казалось, весьма испугана.

– Алекс, – заговорил тихо Джон, – пожалуйста, оставь Адель, не она тебя здесь удерживает.

Александра замерла на мгновение, но после развернулась резко к Джону и меленными шагами пошла к нему.

– Я доверяла тебе, Мортимер, думала, ты поможешь мне, поддержишь, а ты... ты предал меня! Ты заодно с этими ... революционерами, да? Они там погибают! А я...

– Алекс, ты ничем им не можешь помочь, – вымолвил только Джон, всё так же мягко глядя на неё, но в глазах княжны отразилась ещё большая, совсем неистовая ярость, она сделала несколько решительных, больших шагов к Джону, но вдруг лицо её расслабилось, она закрыла глаза и без чувств

упала на руки взволнованного теперь гораздо больше герцога.

Действительно в эту ночь сделалась с Александрой горячка. Оценив состояние княжны, доктор Стоунберг нахмурено взглянул на Джона и только вздохнул, пожимая плечами.

– Он сказал, что у неё сильное эмоциональное потрясение, – прошептал Джон графине, которая сидела, не шевелясь, уже несколько десятков минут. – она не хотела тебя ничем задеть, просто она... – но Адель и сама понимала, что такое не переживают спокойно, поэтому только покачала головой и положила горячую ладонь на плечо Джона.

Ночью Александра бредила. Несмотря на то, что доктор Стоунберг настоятельно не советовал Джону заходить к больной, потому как в её состоянии непонятно, как отреагирует она, если проснётся и увидит герцога в своей комнате, Джон просто не мог оставаться в своих покоях, где был слышен каждый стон княжны, каждое слово, ею пророненное. Джон заходил к Александре несколько раз, и каждый раз княжна немного успокаивалась, чувствуя будто его присутствие. В бреду Александра металась по кровати, выкрикивала имена. Она звала, то отца, то брата, то Владимира, но, видимо, даже во сне никто не отвечал ей, и она плакала, хватала руками и зажимала в кулаки измятую уже и свернувшуюся простыню.

Уже светало, когда Джон вновь зашёл в спальню к Александре, откуда доносились душераздирающие звуки. Княж-

на лежала на кровати, полуоткрывшись, раскинув широко руки свои. Джон стоял долго над кроватью как всегда ожидая, чего-то, и вдруг Александра действительно утихла, но не так, как всегда, она вообще перестала шевелиться и воспроизводить звуки. Джон смотрел на неё, не отводя глаз, и странная тревога сжала сердце его. Он подошёл поближе к кровати и склонился над телом княжны, чтобы понять дышит ли она, однако только он наклонился, Александра закрыла глаза свои и от неожиданности болезненно охнула и вжалась глубже в кровать. Джон тоже немного отдёргнулся и распрямился.

– Прости, прости, я уже ухожу, – тихо произнёс он, разворачиваясь к двери, но Александра вдруг резко рванулась вперёд, схватила его за руку и каким-то испуганным, несвойственным совсем ей голосом проговорила.

– Нет-нет-нет-нет, Джон, останься, пожалуйста, останься хоть ты, – и, не отводя взгляда, смотрела на герцога, пока тот, опомнившись, не сел на кровать рядом с нею. Тогда Александра закрыла глаза, но даже из-под опущенных ресниц было видно, что девушка плачет. Да, она плакала, но не произносила при этом ни единого звука. Джон сидел рядом с Александрой без сна, однако вскоре грёзы стали одолевать его, и он, не отпуская руку княжны, упал на кровати и забылся глубоким сном.

В восьмом часу утра Джон был разбужен шуршаньем бумаги, скрипом шкафов и разными другими неизбежными

звуками. Открыв глаза, он тут же увидел Александру, которая, еле держась на ногах, что-то искала в комнате, и, видимо, устойчиво не могла найти. Княжну знобило и потрясывало, но она, не сдаваясь, рылась в ящичках письменного стола.

– Алекс, – проговорил заспанным голосом Джон, поднимаясь, – ты больна, тебе нельзя вставать.

– Мне нужно, мне нужно... написать... они же, – говорила Александра, глубоко и прерывисто дыша, – Надо написать, это же...

– Алекс, ну куда ты напишешь, а, ну куда? Ложись, пожалуйста, я сейчас позову доктора.

– Нет, нет, ты не понимаешь, мне нужно написать, мне нужно... – Александра вновь будто бы начинала бредить и метаться по комнате, но тут она остановилась напротив герцога и поняла на него свои безутешные глаза, – Они все умерли, Джон, все умерли! – и, заплакав, упала на грудь Джона, который долго и, впрочем, безрезультатно утешал её, пытаясь как-то привести княжну в себя после перенесённой потери.

Шло время. Минуты, проносясь аллюром, вливались в длинные часы, дни и уходили в прошлое, безвозвратно далёкое и пустое. Александра, оставаясь в Хэмпшире, увядала и теряла влечение к жизни поминутно, и никто в особняке не знал, как помочь ей, как хоть чуть-чуть облегчить её невыносимо мучительные будни. Был только один человек,

понимавший состояние княжны и способный её поддержать – Адель. Только её присутствие не тяготило княжну, и только с нею Александра могла находиться в одном помещении более нескольких минут. Адель умела слушать, и хоть княжна ничего не говорила, казалось, она прислушивалась к каждому её вздоху и стону и знала, как тяжело княжне сейчас. Она приносила Александре чай, играла для неё на рояле, и княжна забывалась и даже печально улыбалась иногда.

Адель была умна и внимательна и среди неразберихи, поселившейся в доме, только она замечала, что вместе с Александрой мучается и Джон, который, страстно желая помочь, не имеет возможности этого сделать. Герцог теперь мало виделся с Александрой, она, казалось, не подпускала его близко, закрываясь каким-то внутренним барьером, зато всё свободное время Джон стал проводить с отцом, состояние которого улучшалось стремительно.

Болезнь сильно изменила старого герцога. Он похудел и помолодел в лице, стал мягче и нежнее по отношению к сыну, будто бы что-то решилось во время его болезни, будто мнимая вина Джона была искуплена, и он мог снова беспрепятственно любить своего сына. Джон был увлечён заботой об отце, однако каждый раз проходя мимо комнаты княжны, он останавливался около двери в надежде услышать её голос или же увидеть её силуэт хоть краем глаза, а войти внутрь не решался, боясь потревожить покой девушки, а может, подсознательно просто не желая быть отвергнутым. Так, скры-

ваясь в собственном доме, Джон провёл неделю, но после, сидя утром в своей комнате, он услышал, что Алекс в спальне скоро шепчет что-то, и прильнул ухом к стене. Он услышал слова и понял, что это была молитва. Александра молилась за свою семью: за погибших мужчин и оставшихся в изоляции женщин, она долго шептала слова молитвы, иногда прерываясь и с трудом сглатывая слюну, но каждый раз продолжала вновь.

«Вот оно, – подумал Джон, – здесь она никогда не оставит попыток сбежать, а если и оставит, то потеряет или здоровье, или рассудок. Так нельзя! Княжна – тонкая, светлая душа, ищущая лишь счастья, и кем буду я, если не помогу ей? Я безумно хочу ей помочь, и я обещал Владимиру, а теперь пришло время сдержать данное мною слово» – так подумал герцог и, наскоро одевшись, выскочил из особняка и торопливо сел в поданный ему только транспорт, который Александра жадно провожала глазами, глядя на него из большого окна своей просторной, светлой комнаты. Вскоре автомобиль скрылся из поля зрения княжны, и она мертвенно спокойно села на кровати, обняв колени руками и положив на них подрагивающий подбородок; по своему обыкновению в последнее время она развернула помятое совсем письмо от Владимира и принялась перечитывать его. Нет, она уже не читала, она запомнила всё письмо наизусть, а теперь только глазами перебегала от буквы к букве и тихо шептала рвущие сердце слова.

«Живи, топ атоуг, живи и оставайся с Богом». Строчка, неразборчиво и криво написанная князем, прокручивалась теперь в голове Александры, раз за разом сильнее рассекая рану на болезненно стучащем сердце княжны. «Как могу я жить теперь, когда незачем мне? Для чего мне жить?» Александра сидела, молча глядя в помятый листок и прокручивая на тонком пальце белое кольцо, снимая его и надевая вновь, когда услышала позади себя слабое прерывистое дыхание и нехотя повернула голову. Позади девушки стояла Адель и взволновано глядела на неё. Поймав взгляд княжны, графиня подошла легко к Алекс и аккуратно вытащила письмо Владимира из рук её. Сложив лист, она положила его на тумбу рядом, а сама устремила проникновенный взор свой на Александру.

– Я не могу, не могу прекратить читать его, – изрекла, наконец, княжна, – это всё, что у меня осталось от... от него, – но Адель только покачала отрицательно головой и дотронулась своей рукой до сердца Алекс и сделала это так трогательно и искренне, что Александра только обняла её и долго не могла отпустить.

Через четыре часа из своей незапланированной поездки вернулся Джон. Не останавливаясь, он шёл по особняку и только перед комнатой княжны он затормозил, но лишь на мгновение, а после стукнул тихо по двери и вошёл. Александра сидела в своей обычной скованной позе на кровати, а у другой стены за фортепиано сидела Адель и что-то тихо,

ненавязчиво играла. Увидев герцога, она моментально прекратила играть, а поймав взгляд его поднялась со стула и медленно покинула комнату.

– Так нельзя, – начал Джон, – ты не можешь так жить, Алекс, я уверен в этом, – Александра перевела свои тусклые глаза на герцога, не понимая в полной мере, зачем тот пришёл, – так нельзя, – повторил Джон и подошёл ближе к княжне, – я не могу смотреть, как ты мучаешься. Смотреть не могу, как и ничего не могу для тебя сделать, ничего, кроме одного: тебе нужны близкие люди, они тебе необходимы, – Джон достал из кармана пиджака большой гляцевый билет и протянул его Александре, – я уверен, что так будет лучше, я хочу, чтобы тебе было лучше, и я всё для этого сделаю, я сделаю всё для тебя, – закончил герцог, как-то пристыженно посмотрел на Александру и, споткнувшись, вышел из комнаты.

«Джон великолепный человек, Александра, он прекрасный человек, а ещё, он любит тебя, я знаю, искренне любит и сделает что угодно ради тебя». Вновь промелькнула в голове Александры строчка из письма. «Джон любит меня? – подумала Алекс и почему-то ужаснулась этой мысли, – нет-нет, быть не может, не должно быть!» – отрезала она и впервые взглянула на протянутый ей билет.

Глава семнадцатая.

Пароход из Саутгемптона в Нью-Йорк отходил каждую

субботу в пять утра, а двадцать седьмого июля на причале кроме прочих пассажиров парохода стояли Александра и Джон, который поехал сопроводить Алекс до причала и проститься с нею, как он подозревал, навсегда.

Пять утра. Солнышко только показалось на своде и стало лениво подниматься по небу, освещая постепенно заспанный прибрежный город и беспокойное холодное море, плещущее здесь же. Лучи солнца, распространяющиеся по земле, играли в волосах княжны, превращая их в чистое, красивейшее золото. Алекс стояла беспокойно, поглядывая на огромный серый «Олимпик», пошатывающийся тяжело на волнах.

Спустили трапы. Александра вздрогнула всем телом своим, выходя из мыслей о матери, доме и предстоящем пути, в которые она была погружена всю дорогу в порт.

– Мне, кажется, пора идти, – заметила Александра, поворачиваясь к Джону, – спасибо, – так немногословно попрощавшись, княжна развернулась, позволяя встречному ветру играть с волосами и лёгкой юбкой, и хотела было уходить, но Джон, помедлив немного, всё-таки остановил её.

– Нет, Алекс, постой! Я...я тебя...провожу, – пробормотал он, догоняя княжну и направляясь напрямиком к судну.

Огромный пароход нетерпеливо испускал клубы пара и издавал глубокий, низкий звук, сотрясающий всю переднюю палубу; море жестоко билось о корпус корабля, шатая его, а ветер яростно завывал в турбинах. Было холодно, и Алек-

сандра дрожала, стоя с герцогом у трапа, прощаясь вновь. Джон отдал Александре свой пиджак и стоял, глядя на неё, не в силах отвести глаз. Она была прекрасна. Солнце освещало её с левой стороны, и кожа её отливала там бронзой, а глаза хоть и были безжизненны и смотрели глубоко в волны морские, были так же восхитительны и черны, как и само море; в золотых волосах играл ветер, раздувая их, придавая им какую-то неопишущую лёгкость, схожую чем-то с невесомостью кружащегося в воздухе птичьего пера. Джон несколько раз набирал в грудь воздух, собираясь сказать слова прощания, но не мог вымолвить ничего.

– Что ж, Алекс, прощай, – вымолвил он, собравшись, наконец, и посмотрел прямо в глаза княжне, и обнял вдруг её крепко, но быстро отпустил и ретировался на несколько робких шагов.

– Прощай, Джонатан, – всё тем же мертвенным голосом произнесла Александра, и слёзы печали вновь проступили на непросохших глазах её.

Джон сошёл с парохода и остановился на пристани, глядя, как лайнер, сливаясь с холодным морем, уносит вдаль разбитое революцией и чьей-то жгучей ненавистью маленькое, но пылкое русское сердце.

Эпилог.

Это был холодный ветреный летний вечер, и на улицах Уинчестера совсем не было людей, по крайней мере, Джон никого не видел с веранды своего особняка, хотя, если бы даже кто-то и прошёл мимо герцога, он бы теперь вряд ли заметил.

Пролетел год с того момента, как Александра уехала в Америку, и день за днём всё в Хэмпшире менялось и менялось радикально. Уолт Френсис Мортимер совсем отошёл от болезни и практически не появлялся дома, участвуя в собраниях Кабинета Министров; он совсем похудел и помолодел и, казалось, был счастлив, временами даже очень; он стал обходителен и приветлив ко всем, а в особенности к Адель, которая была с головою погружена в заботу о герцогах Мортимер. Она прочитала все книги в огромной библиотеке особняка и немного интеллектуально изголодалась, ожидая новой информации, новой пищи для трудолюбивого, цепкого разума. С каждым днём графиня всё более трепетно относилась к Джону, который проводил всё свободное время за работой и сильно уставал, она видела, что молодой и неумолимый обычно герцог становился всё более приземлённым и безразличным, всё более похожим на своего прежнего отца. Это было недопустимо, но Адель, к счастью, знала причину этого морального упадка и понимала её. Будучи сильной и благородной, а главное, будучи невероятно милосердной девушкой, Адель сделала то, что, как она полагала, она обязана была сделать.

На улице уже совсем стемнело и начался мелкий и колкий дождь. Джон стоял у невысокой чёрной кованной оградки на веранде, облокотившись локтями на холодный и скользкий металл. Ветер трепал его рыжеватые волосы; пахло озоном и свежей травой; лежащие на кофейном столике бумаги, газеты и письма разлетались под натиском сильных порывов северного ветра, с шумом падая на пол, но и это не привлекало внимание герцога, который вглядывался в сумеречную линию загадочного горизонта и упрямо думал об одном, о том же, что занимало его голову весь этот длинный и одинокий год. Вдруг к парадному входу подъехал экипаж, а из особняка начали выносить разных габаритов сумки, портфели, чемоданы. Лакеи в белых перчатках, ёжась от холода и ненастья, поковали и складывали ловко багаж в поданный транспорт. «Отец приехал? – подумал Джон, – но отчего тогда чемоданы выносят из дома? Непонятно» – герцог отошёл от перилл и спустился скоро вниз по покрытым ковром ступеням. В прихожей у самой двери стояла графиня де Клер, одетая в лёгкое голубое пальто поверх свободного бежевого шёлкового платья. В руках Адель держала светлые кружевные перчатки французского стиля и бежевый зонт и выглядела достаточно озабоченной и несколько расстроенной, но невероятно красивой и утончённой. Иногда она вскидывала свою аккуратно уложенную в причёске голову и глядела на часы или выглядывала за порог и легонько вытягивала руку, чтобы понять не закончился ли ещё этот навязчивый дождь.

Услышав шаги Джона, Адель элегантно развернулась на носочках и светло улыбнулась.

– Ты уезжаешь? – спросил Джон, хмурясь и переминаясь с ноги на ногу. Волосы его были растрёпаны, поэтому Адель аккуратно поправила их и легонько кивнула в знак согласия, – Но почему? Это всё я! О, прости меня, я был так... – но Адель только руку положила ему на щёку, прося, как бы, помолчать. Глаза её полны были светлых слёз, которые она уже не могла сдерживать. «Прощай, Джон» – прошептала она беззвучно, поцеловала Джона в правую щёку совсем близко к губам и, отстранившись, выпорхнула из особняка и, не оборачиваясь боле, села в поданный ей экипаж.

– Это всё твоя вина, Джонатан, как можно быть такой... таким, эх, слов не хватает, – говорил сам с собою Джон, поднимаясь к себе на этаж, – Адель, она ведь тонкая, чувствительная натура, с ней нельзя обращаться, как с пустым местом, я просто *crétin*⁹⁸, – нашёл он, наконец-то, подходящее слово, – точно, точно, – тем временем он зашёл в свою спальню и осмотрелся по сторонам, а после кинулся к своему дубовому столу и немного порылся в ящиках, но потом посмотрел перед собою: на столе лежал белый гладкий конверт. Джон удивился ему, конечно, но тут же взял в руки и распечатал аккуратнейшим образом. «Там, должно быть, письмо от Адель» – предположил герцог и оказался полностью прав. Адель писала красиво, варьируя между русским и английским языками.

⁹⁸ Кретин, слабоумный (фр.)

«Дорогой Джон,

Спасибо тебе огромное за великолепно проведённое с тобой время, я была невероятно счастлива, но теперь мне должно ехать домой. Я уезжаю от тебя, не потому что ты мне наскучил или потому что я устала от герцогов Хэмпшира, но потому что так нужно, я уверена в этом, это та самая высшая миссия, которая описана многими авторами во многих книгах, в которую я так искренне верю.

Ты сам мучаешь себя, дорогой Джон, хоть в этом и нет нужды. Ты изменился сильно с тех пор, как княжна Александра покинула этот дом. Сначала я не думала, что это примет хронический характер, но теперь, теперь я вижу это. Ты так похож на своего отца, ты абсолютно аналогично переживаешь то, что называется разбитым сердцем. Это невероятно трогательно, потому что не все люди так преданы и моногамны, но не об этом сейчас.

Джон, ты до сих пор остаёшься в Англии, потому что уверен, что должен оставаться здесь ради всеобщего спокойствия, но ведь это не так. Она, я уверена, Александра может испытать высокое чувство по отношению к тебе теперь, когда время прошло, когда потрясение, случившееся с нею, немного растаяло и расплылось. Раньше ей нужна была только семья, но теперь ты нужен ей, как глоток свежего и чистого воздуха, как капля родниковой воды. Поезжай в Америку, я купила билет, он лежит в конверте, а ещё, дабы облегчить страдания твои, я узнала, конечно, адрес: США, Чика-

го, Линкольн парк 3/17. Непусти свой шанс.

Искренне,

Адель»

Джон заглянул в конверт, там действительно красовался большой, гляцевый билет на «Олимпик».

– Спасибо, о, чудо! О, ангел! – прошептал герцог и поцеловал письмо. Какие-то новые кипучие силы поднялись в Джоне, и он тут же, будто, ожил. – Что ж, Джонатан, – сказал он вполголоса, стоя перед зеркалом, – завтра будет новый день, – и улыбка озарила прелестное лицо его.

2

В пять утра солнце поднималось на Востоке и наполняло ярким светом каждый уголок спокойного, умиротворённого Чикаго. Свободная, счастливая Америка жила размеренной, образцовой жизнью, купаясь в блеске золота, роскоши мехов и шёлка. Масловы занимали в Чикаго три больших и прелестных особняка, которые были приобретены на деньги от продажи всего имущества семьи Масловых, Бекетовых и князя К. в России.

В самом живописном и престижном месте, Линкольн Парке, стояли три больших белых дома, фасадами глядя на озеро Мичиган. Два дома, в которых жили супруги К. с сыном и чета Бекетовых с детьми находились совсем близко, так, что территории их даже не разделялись, сливаясь в одну большую и зелёную лужайку. Третий же дом, в котором до прошлого года проживала одна только княгиня Ольга Николаев-

на, располагался немного в отдалении и был, казалось, ярче и приветливее остальных. Уже год в этом прекрасном особняке проживала княжна Александра, и уже год особняк ещё ярче сиял, не уставая компенсировать печаль и тихую скорбь проживающих в нём.

Пятница двадцать пятого июля 1919 года выдалась солнечной и безветренной. Тихая гладь озера Мичиган светилась великолепным пшеничным переливом в лучах полуденного солнца. Александра сидела на узенькой деревянной скамье в садике и любовалась живописным видом озера. Пусть вода в нём не была такой чёрной и загадочной, она всё-таки манила княжну к себе. Александра задумчиво сидела в тишине замершей природы, когда услышала звонок в парадную дверь и, изрядно удивившись, поднялась тяжело со скамеечки и зашла внутрь светлой столовой, которая лишь белоснежными арками была отделена от большой и просторной гостиной.

– Я открою, Сашенька, – раздался из гостиной голос Ольги Николаевны, – не волнуйся!

Алекс немного сбавила темп, но всё же прошла в гостиную, чтобы узнать, кто, всё-таки, прибыл в это спокойное утро.

– *Bon matin*⁹⁹, Ольга Николаевна! – произнёс немного пристыженно Джон, протягивая княгине свежий букет цветов, – Извините меня за столь неожиданный визит, но он оказался

⁹⁹ Доброе утро (фр.)

неожиданным и для меня самого.

Александра, увидев герцога только довольно громко охнула и прислонилась к арке так, чтобы Джон не мог её увидеть, не зная сама отчего и зачем. Но герцог, конечно заметил странный поступок Александры и как-то отступил назад, казалось, если бы никто так и не пригласил его войти, он бы просто развернулся и убежал.

– Ох, Джон, дорогой, – прошебетала тепло Ольга Николаевна, – проходи, присаживайся, вот, – она довела его до дивана и, когда он присел, предложила радушно чая, как это полагается. Джону показалось, что княгиня Ольга сильно изменилась с их последней встречи: она похудела и стала, будто, слабее, кожа её была бледна и прозрачна, а красивые пухлые губы истончились и потухли, но глаза были невероятно живыми и ласковыми, на лице остались только эти огромные синие глаза, и волосы, сияя, всё так же шикарно вились.

Ольга Николаевна отправилась в столовую, где на столе стоял свежезаваренный зелёный чай. Заходя в комнату, княгиня бросила печальный взгляд на прячущуюся от чего-то дочь и поцеловала её легко в лоб, а когда она уже уходила, унося с собою поднос с чайным набором на две персоны, белым керамическим чайником из того же сервиза и сахарницей, Александра выхватила аккуратно этот поднос из рук матери.

– Можно я подам? – спросила она. Ольга Николаевна только кивнула.

Пока Александра несла поднос, руки её ужасно тряслись и дыхание иногда перехватывало. Поставив поднос на кофейный столик перед диваном, княжна впервые взглянул на Джона. Не такой надеялся герцог найти Александру, ему было жаль видеть перед собою измученную девушку с тусклыми глазами.

– Здравствуй, Джон, – промолвила тихо княжна, напряжённо и печально поднимая брови, – откуда ты здесь?

– Здравствуй, – ответил герцог, всё ещё не глядя в глаза Александры, – я... я, понимаешь ли за пиджаком приехал. В Англии нынче дефицит, а без пиджака ходить холодно, да и неприлично вовсе, – Джон усмехнулся, а княжна будто приняла всё в серьёз.

– Пойдём, я отдам тебе, – и, поднявшись и опустив голову, она зашагала к лестнице, ведущей далеко наверх. Герцог хотел было остановить девушку, но она ушла так далеко, что Джон решил, что будет проще самому встать и проследовать за ней.

Белая винтовая лестница вела на второй и третий этажи. Комната Александры располагалась наверху, под самой крышей. Это было большое овальное и очень светлое помещение, обстановкой напоминающее комнату княжны в Чёрных прудах. Здесь стоял белый рояль и много книжных шкафов, письменный стол с множеством полочек и большая старинная как-бы кровать. В комнате было пусто, но это называется теперь минимализмом, а минимализм у современ-

ного общества в почёте. Раскрыв только полупустой шкаф, Александра вытащила чёрный, измятый отчего-то пиджак и протянула его Джону. Но герцог отвлёкся, письменный стол вызвал интерес его, потому что весь был заставлен рамками с фотографиями семьи Масловых, Романовых, Владимира, Олега и Андрея, причём фотографий с присутствием юного Маслова, как показалось Джону, было более всех остальных.

– Я представляю для тебя печально-отвратительное зрелище, да? – спросила вдруг княжна, тоже глядя на снимки на столе, – Скучная и тусклая, позор и разочарование!

– Нет, Алекс...

– Да что там «нет», когда я и сама это понимаю, но не могу отпустить, понимаешь, Джон, не могу. Месяц назад нашла стихотворение, которое Володя написал перед смертью, а сегодня, когда ты приехал, все эти воспоминания, они вспыхнули вновь и совсем с новой силою.

– Да, извини, мне не стоило...

– Нет, – вновь перебила княжна, подходя ближе к Джону, – стоило, я рада правда, просто... извини, я больше не стану.

– Нет, ты говори, расскажи мне, пожалуйста, – мягко произнёс герцог, заглядывая в оживающие глаза Александры.

– Мне было некому выговориться. Маму мне жаль, она потеряла и мужа, и ребёнка, а сёстры заняты своими семьями, они... впрочем... неважно. Я не могу привыкнуть, что осталась одна, я скучаю по ним, Джон, и ты знаешь, по Ан-

дрею я скучаю больше всего. Как бы там ни было, чтобы не случилось, мы всегда вместе были, с самого детства, а потом он меня спас, а сам... – слёзы брызнули из глаз княжны, но она продолжала, – он ведь мой младший брат, я должна была его из бед выручать, а не так. Такого ни с кем быть не должно. Я приехала сюда год назад, и все так обрадовались, что, мол, Саша приехала, они ничего не знали, и я должна была им рассказать. Я и понятия не имела, как мне сделать это, и я молчала, неделю молчала, а потом мама сама поняла, она меня не спросила даже, а я... не нашла сил рассказать. И вот, молчу, как последний трус, всё это время скрываюсь как...

– Как и должна, Алекс, – выпалил низким голосом Джон, – ты поступила, как должна была. Никому бы силы не хватило повести себя иначе. К тому же, знаешь, Адель утверждает, что молчание дороже золота, – подняв глаза, произнёс Джон, и Александра сквозь слёзы впервые улыбнулась.

– Знаешь что, Джозеф...

– Алекс, я вообще-то не Джозеф...

– Смолкни, пожалуйста, – улыбаясь сквозь утираемые слёзы, проговорила она, – знаешь, Джон, спасибо! – княжна прижалась к герцогу, и обоих что-то мягко кольнуло в сердца...

3

Звёзды мягко освещали зелёный газон просторной лужайки на улице Линкольн парк 3/17. Серебряный свет их рассеивался и разлетался тихо в воздухе, покрывая всё и всех вуа-

лью таинственной задумчивости. Один из последних тёплых вечеров года выдался безветренным и совсем тихим; шло двадцать пятое сентября. Праздновали день рождения княгини Натальи Владимировны Бекетовой и, как ни странно, собралось большое количество народа, и праздник состоялся на славу. Балом это, конечно, нельзя было назвать – слишком много скорбных ноток, но получилось, что называется, прелестное *soirée*¹⁰⁰. Играла разнообразная музыка, но предпочтение, всё-таки, отдавалось российской классике: Чайковский, Глинка, Рахманинов, Стравинский, Дворжак... Иногда звучал молодой и необычный джаз. Люди веселились. Залы светились, содрогаясь от бурного людского танца. В доме было громко и душно, а вот на узкой беленькой скамейке под загадочными звёздами, где сидела теперь княжна Александра, было хорошо: тихо и свежо.

– *Mademoiselle, pourquoi vous ne dansez pas ?*¹⁰¹ – выходя и вальсируя, спросил Джон, – я хотел пронестись в вальсе с самой прекрасной дамой, но... – Джон легко, по-щегоольски, опустился на скамью рядом с княжной, – но Ваша мама отчего-то не танцует вальс!

Александра засмеялась негромко и вновь перевела взор на небо.

– Я гляжу, Вы, герцог покоряете всех дам на этом празднике. А я увидела огни и вышла на их зов. Знаешь, Джон,

¹⁰⁰ Вечерний салон (фр.)

¹⁰¹ Мадемуазель, отчего же Вы не танцуете? (фр.)

здесь небо красивее нашего скудного над Петербургом, но я скучаю по Медведице и её ковшу, я скучаю по силе наших тускленьких звезд и по нашей хмурой луне...

– Да, звёзды – интересный предмет. Днём их не видно, но они всё ещё есть на небосводе, они никуда, ведь, не уходят, будто энергию нашу собирают, чтобы нас одарить потом, ночью, когда собственных сил человеку недостаёт.

– Да, – протянула Александра, не отрываясь от небосвода.

– Да, – подтвердил, видимо, правильность своего же суждения герцог и тоже поднял глаза.

После долгого молчания Александра вновь заговорила.

– Мы с Андреем как-то поспорили, я помню. Он сказал, что Землю можно счесть звездой, что с открытием электричества она стала светиться, как рождественская ель, ярче и величественнее звёзд, я тогда никак не хотела в это верить, но Андрей, отчего-то, не уставал восторгать Землёй, а сейчас, сейчас я думаю, что, если человек не уничтожит и себя, и всю Землю, то она действительно когда-нибудь затмит все окружающие её звёзды и озарит нашу необъятную вселенную...

– Необъятную вселенную, которой человеку будет мало...

– раздался голос Джона, будто откуда-то издалека, – а я думаю, что Лев Николаевич был прав: человеку нужно лишь три аршина земли, но только не для смерти, а для жизни, ведь и на крохотном клочке суши можно построить свою империю, если есть ради чего это делать, ради кого.

– Ты бесконечно прав, Джон, бесконечно прав, – выговорила Александра, придвигаясь ближе к герцогу. Скрипки бойко звякнули в зале, зазвучал завершающий многоликий котильон.

– Нет, ну это нельзя так! – воскликнул герцог и, потянув Александру за руку, направился внутрь, – Моя персона желает танцевать, но без дамы это невозможно! Какое счастье, что Вы оказались рядом, Александра Владимировна, и соизволили подарить мне танец! – Алекс попыталась остановить герцога, но тот не позволил ей сказать и слова, – Не стоит, нечего тут и говорить. Сегодня я самый счастливый кавалер на этом прелестном *soirée*! – практически прокричал Джон и, подхватывая княжну под руки, зашагал скорее на построение.

Александра искренне весело улыбалась впервые за всё это время, а холодные звёзды наблюдали за нею, как они наблюдают за всеми молодыми мечтателями, даже за теми, чьи мечты были разбиты и собирались вновь, медленно, из разлетевшихся далеко в разные стороны кусочков. Так зачем же мы, люди, разрушаем то, что создавалось веками? Быть может, стоит чаще поднимать тяжёлые от дум головы и обращаться к свету и красоте? Быть может, тогда человек будет созидать? Если же нет, то для чего тогда жить...?

Конец.